
АЙЗЕК
АЗИМОВ
представляет
ВЕЛИКИЕ
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ
1960

Великие научно-фантастические рассказы. 1960 год

Кордвейнер Смит, Фриц Ройтер Лейбер, Деймон Найт, Кристофер Энвил, Рик Рафаэль, Джеймс Грэм Баллард, Уорд Мур, Ричард Маккенна, Фредерик Пол, Генри Слизар, Артур Чарльз Кларк

Аннотация
Артур Чарльз Кларк, Генри Слизар, Деймон Найт, Джеймс Грэм Баллард, Кордвейнер Смит, Кристофер Энвил, Рик Рафаэль, Ричард Маккенна, Уорд Мур, Фредерик Пол, Фриц Ройтер Лейбер. Великие научно-фантастические рассказы. 1960 год Золотой век. Конец начала
Предисловие
Мариана. Фриц Лейбер (1910–1992). Fantastic. февраль
Когда закрылась фабрика «Сосулька». Фредерик Пол (1919–2013). Galaxy. февраль
I
II
III

IV
V
Парень, который женился на дочке Максилла. Уорд Мур (1903–1978). The magazine of fantasy and science fiction. февраль
Отстоять пути мои. Ричард Маккенна (1913–1964). The magazine of fantasy and science fiction. февраль
Пастеризованного… Полный бак, пожалуйста. Рик Рафаэль (1919–1994). Astounding science fiction. апрель
Госпожа, ходившая под парусами «Души». Корд-вейнер Смит (1913–1966). Galaxy. апрель
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
Я помню Вавилон. Артур Кларк (1917–2008).

Playboy. май
Вождь. Генри Слизар (1927–2002). Playboy. июнь
Ментальный партнер. Кристофер Энвил (1925–2009). Galaxy science fiction. август
Оператор. Деймон Найт (1922–2002). Rogue. август
Голоса времени. Джеймс Грэм Баллард (1930–2009). New worlds (Великобритания). октябрь

I
II
III
IV
V

Аннотация

Уникальная в своем многообразии антология рассказов, опубликованных в золотой век научной фантастики: вашему вниманию представляется сборник под редакцией великих Айзека Азимова и Мартина Гринберга, включающие в себя отобранные ими научно-фантастические рассказы, вышедшие в 1960 году. Идеальное чтение для настоящих поклонников, дающее представление о классике научной фантастики.

Артур Чарльз Кларк, Генри Слизар, Деймон Найт, Джеймс Грэм Баллард, Кордвейнер Смит, Кристофер Энвил, Рик Рафаэль, Ричард Маккенна, Уорд Мур, Фредерик Пол, Фриц Ройтер Лейбер
Великие научно-фантастические рассказы. 1960 год

Золотой век. Конец начала

1960 год, по совести говоря, не стал для англо-американской фантастики решающим, этапным или переломным. Как писал по аналогичному поводу советский фантаст Владимир Немцов в повести «Осколок Солнца», «в это лето не было никаких космических экспедиций на другие планеты. По железным дорогам страны ходили обыкновенные поезда, без атомных реакторов. Арктика оставалась холодной. Человек еще не научился управлять погодой, добывать хлеб из воздуха и жить до трехсот лет. Инопланетяне не прилетали. Запись экскурсантов на Марс еще не объявлялась». Ключевые события, которые определили развитие англоязычной (а следовательно, и мировой) фантастики, произошли или чуть раньше, или чуть позже 1960-го. Но магия круглых чисел позволяет сгруппировать исторические факты вокруг этой чудесной даты — воспользуемся такой возможностью.

Золотой век англо-американской фантастики, 1930-1950-е годы, стал эпохой рассказов и повестей — с эпизодическим вкраплением корот-

ких романов. Отдельные книжные издания НФ оставались редким исключением, тон задавали журналы, pulp fiction: копеечные, аляповатые, часто напечатанные на самой дешевой бумаге с вкраплением щепок, которая и дала им название. Именно на страницах палпа выходила лучшая фантастика своего времени — как, впрочем, и худшая. Форма диктовала содержание: для публикации в журнале нужна была история не слишком длинная, динамичная и достаточно простая, чтобы над ней не заскучал типичный читатель НФ, мальчик-подросток из семьи синих воротничков или фермеров с достатком ниже среднего, мечтающий стать инженером, ученым или изобретателем. Женщины, а также представители образованного и обеспеченного класса, согласно сложившемуся мнению, НФ-палп не читали.

Насколько это клише соответствовало реальности, отдельный вопрос. Но журналами научной фантастики не брезговала, например, Алиса Шелдон, прославившаяся позже под псевдонимом Джеймс Типтри-младший, дочка известного путешественника и популярной детской писательницы 1920-1930-х, или Пол Лайнбарджер, полиглот, эрудит, доктор психологии и один

из авторов термина «психологическая война», представленный на страницах этой антологии под псевдонимом Кордвейнер Смит изобретательной барочной повестью «Госпожа, ходившая под парусами “Души”», — то есть отборный американский истеблишмент. Вносила посильный вклад и творческая богема: так, Фриц Лейбер, автор «Марианны», происходил из семьи актеров шекспировского театра, с детства наизусть знал весь классический репертуар, позднее учился на теолога и психолога. Но в целом редакционную политику НФ-журналов до конца 1950-х определял именно этот шаблон, тут уж ничего не попишешь.

На волне послевоенного экономического подъема американский палп расцвел с небывалой пышностью. По воспоминаниям писателя Роберта Сильверберга, в 1953 году одновременно выходило 39 фантастических журналов — это не считая изданий, посвященных криминальной литературе, сентиментальной прозе, вестернам и т. п. Каждый автор, который умел худо-бедно связать пару слов и немного разбирался в специфике жанра, мог рассчитывать на место на журнальной полосе. Девятый вал рукописей сдерживали только рекордно низкие авторские гонорары, но

при должной работоспособности и эта проблема была вполне преодолима.

Пузырь лопнул в 1958 году — с треском и грохотом. Американская новостная компания, один из двух крупнейших дистрибуторов прессы, в одночасье прекратила свое существование из-за запутанных финансовых махинаций — и палп разом лишился половины каналов распространения. То, что последовало за этим, Фредерик Пол, редактор, литературный агент и писатель, автор рассказа «День, когда закрылась фабрика “Сосулька”», назвал не иначе как «геноцидом НФ-журналов». Уже через пару месяцев на рынке остались лишь самые удачливые и стойкие (Astounding Science Fiction, The Magazine of Fantasy and Science Fiction, Galaxy Science Fiction, If), но и им пришлось пожертвовать тиражами, объемом, а в некоторых случаях периодичностью. Разумеется, прокормить всех желающих они оказались не в состоянии: многие молодые фантасты, только-только начавшие зарабатывать на безбедную жизнь литературным трудом, — в том числе Роберт Сильверберг, Харлан Эллисон, Гарри Гаррисон — внезапно оказались у разбитого корыта.

Не лучшие времена переживала жанровая периодика и в Соединенном Королевстве, хотя

и по другим причинам. В том же 1958 году Великобритания отменила последние ограничения на экспорт, введенные для поддержки национальной экономики в послевоенный период, и американский палп затопил страну. К такому жизнь английских фантастов не готовила. Конкуренция стремительно возросла, старейший британский НФ-журнал New Worlds начал терять читателей, а несколько других многообещающих проектов были попросту свернуты. Английским фантастам не оставалось ничего другого, кроме как пробиваться на зарубежные рынки, прежде всего на журнальный рынок США. Но и американские редакторы по понятным причинам не ждали их с распростертыми объятиями. Исключения вроде Артура Кларка (его псевдобиографическая новелла «Я помню Вавилон» тоже включена в эту антологию) лишь подтверждают правило — да и этот рассказ был впервые опубликован в престижном мужском «глянце» Playboy, а вовсе не в жанровом палпе.

Такое потрясение экономических основ, конечно, не убило англо-американскую фантастику — она переживала удары похлеще, включая Великую депрессию и Вторую мировую войну. Кое-что даже изменилось к лучшему. В резуль-

тате шоковой терапии НФ очистилась от треша, которым редакторы 1930-1950-х вынуждены были заполнять страницы журналов для сохранения периодичности. Опустевшие было полки тут же заполнились покетбуками: издательства, специализирующиеся на книгах в мягкой обложке, наконец оценили коммерческий потенциал жанра и не упустили возможность освоить новую нишу. Фантастика стала чуть более престижным чтением — здесь, впрочем, свою роль сыграл и растущий интерес общества к чудесам науки: ядерной энергии, космической гонке и т. п. Но вот что «геноцид» журналов изменил сразу и бесповоротно, так это внутреннюю структуру рынка и систему приоритетов писателей и любителей фантастики. Рассказ и повесть утратили былое влияние, отступили в тень, на второй план. Отныне бал правил роман: хотя произведения малой и средней формы до сих пор получают авторитетные жанровые награды («Хьюго», «Небьюлу», «Локус»), не они задают тренды, определяют направление развития фантастики в целом.

В 1960-х журналы по-прежнему объединяли вокруг себя сообщество любителей фантастики и авторов НФ — и не без оснований. Отчасти так по-

лучилось благодаря традиции печатать романы сперва в ежемесячниках (часто в сокращении) и только потом отдельной книгой. В какой-то степени своим статусом жанровая периодика была обязана и тому, что стала ареной для столкновения мнений, споров и дискуссий, кипевших внутри англо-американского фэндома. Однако монополию главных властителей дум редакторы периодики утратили.

Впрочем, некоторым изданиям еще предстояло громко заявить о себе в ближайшем будущем. В 1964 году юный Майкл Муркок, начинающий английский фантаст с большими амбициями и еще не устоявшимся стилем, возглавит угасающий журнал New Worlds и превратит британские «Новые миры» в главную площадку для контркультурного литературного движения, которое получит имя «новой волны». Ну а одним из ведущих идеологов и самых ярких авторов этой «волны» станет Джеймс Грэм Баллард. Его ранний рассказ «Голоса времени», вошедший в этот сборник, уже несет в себе зерно New Wave: мрачный психологизм, обращение к метафоре внутреннего космоса, усложненная, нелинейная повествовательная структура — все то, чего авторы старшего поколения, признанные звезды золотого века,

старались по возможности избегать, памятуя о портрете типичного читателя фантастики.

Так составители ретроспективной антологии лучших НФ-рассказов 1960 года Айзек Азимов и Мартин Гринберг оказались перед непростым выбором: обратиться к прошлому или заглянуть в будущее. Материала, надо сказать, хватало. В 1960-м вышли «Отвори мне, сестра…» и «Несколько миль» Филипа Фармера, «Отпечаток хаоса» и «Негодяй» Джона Браннера, рассказы Харлана Эллисона, Роберта Силверберга, Брайна Олдисса и т. д. Не то чтобы самый урожайный год «свингующих» шестидесятых, однако нонконформистских, экспериментальных текстов, дерзко ломающих шаблоны, хватало по обе стороны Атлантики. Надо сказать, что почти все перечисленные авторы (а заодно Филип К. Дик и Роджер Желязны) появляются в других томах серии Isaac Asimov Presents The Great SF Stories, но скорее на правах почетных гостей, как Дж. Г. Баллард в этом выпуске. Азимов и Гринберг отдают предпочтение фантастике традиционной, в чем-то даже старомодной, чередуя произведения мэтров вроде Фрица Лейбера и Артура Кларка и фантастов, забытых еще при жизни, как Рик Рафаэль или Уорд Мур. Что в общем вполне ре-

зонно: начав серию лучшими фантастическими рассказами золотого века, логично довести эту сюжетную арку до конца, а не перескакивать с темы на тему, ломая последовательность и вводя читателей в ступор.

В конце концов, Азимов и сам — плоть от плоти золотого века. Кому, как не ему, говорить о начале и конце этой удивительной эпохи.

А о «новой волне», о контркультурной и нонконформисткой фантастике 1960-1970-х пускай расскажет нам кто-нибудь другой.

© Василий Владимирский, 10.09.2023

Предисловие

Первый год нового десятилетия был полон важных событий, не всегда приятных. Шестьдесят девять чернокожих были убиты в южноафриканском Шарпевиле во время разгона полицией мирной акции протеста, и это послужило катализатором борьбы за свободу в этой многострадальной стране. В США движение «сидячих демонстраций» за гражданские права активизировалось, когда чернокожие студенты заняли обеденные столики «только для белых» в северокаролинском Гринсборо. В 1960 году Фидель Кастро пошел на сближение Кубы с Советским Союзом и начал экспроприацию американских компаний на острове. Бельгийское Конго получило независимость, но для восстановления порядка пришлось направить в страну силы Организации Объединенных Наций. Французы взорвали свою первую атомную бомбу, и число членов ядерного клуба достигло четырех.

Только принцесса Маргарет (вы же еще помните ее?) вернулась из своего свадебного путешествия с не обремененным титулами Тони

Армстронгом-Джонсом, как стали достоянием общественности разногласия между Китайской Народной Республикой и Советским Союзом.

Гэри Фрэнсис Пауэрс был сбит над СССР в самолете-разведчике U-2; президент Эйзенхауэр сначала отрицал, а затем признал, что мы пролетали над Советским Союзом, и Хрущев отменил запланированную встречу на высшем уровне. Джон Ф. Кеннеди и действующий вице-президент Ричард Никсон баллотировались на пост президента от Демократической и Республиканской партий, и Кеннеди победил на ноябрьских выборах, запомнившихся скандалами о фальсификациях, особенно в Чикаго и Техасе, где до 112 000 голосов были отданы, возможно, «мертвыми» избирателями.

Нацист, непосредственно отвечавший за преследование, изгнание и депортацию еврейского населения Европы, Адольф Эйхман, был схвачен в Аргентине агентами «Моссада» и тайно вывезен в Израиль для суда.

1960-й — блестящий год для Бродвея: премьера спектаклей Becket («Бекет»), The Fantasticks («Фантастикс»), Bye Bye Birdie («Пока, пташка»), An Evening with Mike Nichols and Elaine May («Вечер с Майком Николсом и Элейн Мэй»), Camelot

(«Камелот»), Irma La Douce («Ирма Ла Дус»), Toys in the Attic («Игрушки на чердаке») Лилиан Хеллман, ну и Тэмми Граймс, получившая премию «Тони» за роль непотопляемой Молли Браун (The Unsinkable Molly Brown).

В спорте Пит Раннелс из «Бостон Ред Сокс» и Дик Гроут из «Питтсбург Пайрэтс» стали лучшими по проценту отбивания, а Эрни Бэнкс выбил больше всех хоум-ранов — 41. «Питтсбург» в семи матчах выиграл Мировую серию у «Нью-Йорк Янкиз». Американская футбольная лига провела свой дебютный сезон, а комиссаром Национальной футбольной лиги стал Пит Розелл. Джим Браун из команды Пола Брауна «Кливленд Браунс» пробежал больше всех ярдов с мячом в руках в НФЛ, Рэй Берри из «Балтимор Колтс» стал лучшим принимающим, а Майк Дитка из Питтсбургского университета попал в список наиболее перспективных молодых футболистов. На Олимпийских играх 1960 года в Риме Вилма Рудольф и Кассиус Клей (позже ставший Мухаммедом Али) завоевали золотые медали, а Рафер Джонсон одержал блестящую победу в десятиборье. Флойд Паттерсон нокаутировал Ингемара Юханссона, вернув себе звание абсолютного чемпиона в тяжелом весе, а вот «Грин-Бей Пэкерс» проиграли

«Филадельфия Иглз» в финале чемпионата НФЛ. Венецианский Путь с Биллом Хартаком на спине выиграл Кентукки Дерби.

В 1960 году Нобелевская премия по физиологии и медицине была присуждена Бёрнету и Медавару за исследования в области приобретенной иммунной толерантности, теме, которая стала доминировать в медицинских кругах в 1980-х годах. Теодор Майман продемонстрировал первый работающий лазер, а в космос были успешно запущены первый спутник связи (Echo I) и первый метеорологический спутник (TIROS-A).

В число лучших фильмов года вошли «Великолепная семерка», «В прошлом году в Мариенбаде»[1], «Квартира» Билли Уайлдера, «Исход», «Элмер Гантри», «Спартак» с Кирком Дугласом, «Только не в воскресенье» и великий «Психо» Альфреда Хичкока с Энтони Перкинсом в роли Нормана Бейтса. Элизабет Тейлор получила награду за лучшую женскую роль в фильме «Баттерфилд, 8». В 1960 году Гарольд Шонберг стал ведущим музыкальным критиком газеты The New York Times, тем временем Джаспер Джонс написал картину «Лампочка», Виллем де Ку-

---

[1] Сноски: 1

Фильм вышел в 1961 году. — *Прим. ред.*

нинг — «Дерево в Неаполе», а Луиза Невельсон создала монументальную композицию «Небесный собор».

Среди трагедий года — снос бруклинского стадиона «Эббетс Филд» и развод одной из любимейших пар Америки — Люсиль Болл и Деси Арнаса. С другой стороны, в 1960 году фломастеры стали такими, какими мы их знаем, появились первый оральный контрацептив и «Либриум»[2], что до известной степени уравновешивает ситуацию. В мире книг (*их* мире, не нашем) появились такие примечательные вещи, как «Одиночество бегуна на длинные дистанции» Алана Силлитоу, «Взлет и падение Третьего рейха» Уильяма Ширера, «Кролик, беги» Джона Апдайка, Growing Up Absurd («Абсурд взросления») Пола Гудмана, «Убить пересмешника» Харпер Ли, The Chapman Report («Доклад Чепмена») Ирвина Уоллеса, The Conscience Of A Conservative («Совесть консерватора») Барри Голдуотера, The Sot-Weed Factor («Торговец дурманом») Джона Барта, «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» Уолта Ростоу, Hawaii («Гавайи») Джеймса Миченера, сборник стихов «Камень» Джеймса

[2] Сноски: 2

Успокоительное средство. — *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

Дикки, Love And Death In The American Novel («Любовь и смерть в американском романе») Лесли Фидлера, Advise And Consent («Совет и согласие») Аллена Друри, The End of Ideology («Конец идеологии») Даниела Белла и «Фокусник из Люблина» Исаака Башевис-Зингера.

Три лучших сериала на телеэкране — вестерны: Gunsmoke («Дымок из ствола»), Wagon Train («Караван повозок») и Have Gun — Will Travel («Есть оружие — будут путешествия»); среди дебютных шоу The Bob Newhart Show («Шоу Боба Ньюхарта»), Route 66 («Шоссе 66»), The Andy Griffith Show («Шоу Энди Гриффита»), My Three Sons («Три мои сына») и «Флинстоуны», с другой стороны, после более чем 2000 эпизодов была закрыта детская «кукольная» телепрограмма Howdy Doody («Хоуди Дуди»), ставшая образцом для своего жанра в будущем. Однако лучшим телевизионным шоу года стали дебаты между Кеннеди и Никсоном, в результате которых, по мнению многих, президентство и досталось сенатору от Массачусетса (не без помощи зомби-избирателей).

Мир музыки обогатился такими жемчужинами, как The Twist, великий Handy Man Джимми Джонса, Chain Gang Сэма Кука, исполнение Рэем Чарльзом Georgia on My Mind, незабываемая Itsy

Bitsy Teenie Weenie Yellow Polkadot Bikini и Are You Lonesome Tonight в исполнении короля рок-н-ролла. Не говоря уже о «Временно́м цикле» Лукаса Фосса и «Трех частях для оркестра» Милтона Бэббитта. Умный и креативный парень по имени Берри Горди основал Motown Records.

Смерть забрала Мака Сеннета, Оскара Хаммерстайна II, Эньюрина Бивена, Маргарет Саллаван, Бориса Пастернака, Али-хана, Кларка Гейбла, Эмили Пост, Альбера Камю и Ричарда Райта.

Мел Брукс стал Мелом Бруксом.

В реальном мире журналы продолжали испытывать трудности: в марте прекратил свое существование крайне недооцененный Fantastic Universe, а месяц спустя за ним последовал Future Science Fiction.

Продолжался взлет популярности изданий в мягких обложках, как и публикаций научной фантастики (по крайней мере, некоторых) в твердых переплетах — самым важным романом года в книжном формате стали «Страсти по Лейбовицу», опубликованные JB Lippincott & Co. Среди других заслуживающих внимания книг были романы «Походка пьяницы» Фредерика Пола, «Злая Луна» Алгиса Будриса, The Tomorrow People («Люди будущего») Джудит Меррил, «Дорсай!»

Гордона Диксона, And Then the Town Took Off («А потом город взлетел») Ричарда Уилсона, «Венера плюс икс» Теодора Старджона, замечательный «Крестовый поход в небеса» Пола Андерсона, за который я проголосовал как за лучший роман 1960 года, и поразительная «Плоть» Филипа Фармера.

Этот год стал даже еще более удачным по части антологий и сборников, среди которых можно выделить «Странных родичей» Филипа Фармера, A Decade of Fantasy and Science Fiction («Десятилетие фэнтези и научной фантастики») под редакцией Роберта П. Миллса, «Галактики как песчинки» Брайана Олдисса, The Science-Fictional Sherlock Holmes («Научно-фантастического Шерлока Холмса») издательства The Council of Four, «Миры Клиффорда Саймака», 13 Great Stories of Science Fiction («13 великих научно-фантастических рассказов») и 6 Great Short Novels of Science Fiction («Шесть великих научно-фантастических повестей»), оба под редакцией великого Гроффа Конклина, «Патруль времени» Пола Андерсона и Out of Bounds («Вне пределов») Джудит Меррил.

Одной из самых важных книг 1960 года были научно-популярные «Новые карты ада» Кингсли Эмиса, первое масштабное (и в значительной

степени хвалебное) обсуждение научной фантастики кем-то со стороны. Это стало одним из первых признаков того, что НФ начнет восприниматься внешним миром всерьез. В то же время Томас Д. Кларсон основал Extrapolation (журнал, который до сих пор пользуется популярностью как голос The Science Fiction Research Association) в качестве информационного бюллетеня Conference on Science Fiction of the Modern Language Association.

В реальном мире еще два важных человека совершили свои первые путешествия в действительность: в январе — Р. А. Лафферти с рассказом Day of the Glacier («День ледника») и в феврале — Бен Бова с A Long Way Back («Долгая дорога назад»). Astounding Science Fiction сменила свое название на Astounding Science Fact & Fiction на пути к тому, чтобы стать наконец Analog.

По телевидению нас угощали постановками Би-би-си по сценариям Найджела Нила «Эксперимент Куотермасса», «Куотермасс II» и «Куотермасс и колодец». Среди фантастических фильмов года были: экранизация «Визита на маленькую планету» Гора Видала, пугающий The Atomic Submarine («Атомная подводная лодка»), The Wasp Woman («Женщина-оса») с прекрасной Сью-

зан Кэбот в главной роли, The Electronic Monster («Электронный монстр»), японский Battle In Outer Space («Битва в открытом космосе»), Dinosaurus! («Динозавр!»), «Двенадцать на Луне», превосходная «Деревня проклятых», киновоплощения «Затерянного мира» сэра Артура Конана Дойля и «Машины времени» Герберта Уэллса, «За пределами временного барьера», «Два лица доктора Джекила», а также столь одинокие «Последняя женщина на Земле» и Man in the Moon («Человек на Луне»).

Наша «семья» собралась в Питтсбурге на 18-й Всемирный конвент научной фантастики — Pittcon. «Хьюго» (за работу, созданную в предыдущем году) получили «Звездный десант» Роберта Хайнлайна, «Цветы для Элджернона» Дэниела Киза, телесериал «Сумеречная зона», журнал The Magazine of Fantasy and Science Fiction, художник Эд Эмшвиллер, а специальная награда была отдана Хьюго Гернсбеку как «Отцу журнальной фантастики».

Давайте перенесемся в этот знаменательный 1960 год и насладимся лучшими историями, которые он нам завещал.

Мартин Гринберг

Мариана. Фриц Лейбер (1910–1992)

Fantastic

февраль

Фриц Лейбер (одно время известный как Фриц Лейбер-младший) – прославленный лауреат как Всемирной премии фэнтези за заслуги перед жанром, присуждаемой Всемирным конвентом фэнтези, так и премии «Небьюла Грандмастер» за особые заслуги в области научной фантастики от Американской ассоциации писателей-фантастов, что свидетельствует о его огромном таланте. На момент создания этого сборника он все еще ведет ежемесячную колонку в журнале Locus.

Произведения Фрица не раз украшали страницы этой серии, и было большим удовольствием пригласить его сюда с «Марианой», рассказом, который посчитал бы за честь написать сам Филип Дик. Последний сборник Лейбера, объемистый The Leiber Chronicles

(1990), составил ваш покорный слуга, и это была одна из самых приятных «задач», которые передо мной когда-либо ставили. (М. Г.)

Термин «солипсизм» имеет латинское происхождение и может быть переведен как «наедине с самим собой». Почти каждый мыслящий человек должен пройти тот этап, когда он задумывается о реальности окружающего мира. Все, что мы знаем, исходит из наших чувств, но в какой мере они заслуживают доверия? Не иллюзия ли все это? Можем ли мы вообще быть хоть в чем-то уверены, кроме самих себя и своих мыслей?

Эту идею с пугающей остротой выразил Марк Твен в финале «Таинственного незнакомца». Ее также можно найти в классическом рассказе Роберта Хайнлайна «Они». Но вопрос не имеет ответа и не может быть разрешен. Те, кто увлекается солипсизмом, должны в конечном итоге бросить это занятие и продолжать жить собственной жизнью.

Вот теперь вы готовы к «Мариане». (А. А.)

Вокруг большой виллы, на которой жила Мариана, росли высокие сосны, и к тому моменту,

когда она обнаружила на главной панели управления домом секретный пульт, они успели ей до смерти надоесть.

Пульт скрывался за гладкой полоской из алюминия между регуляторами кондиционирования воздуха и гравитации, над верньерами трехмерного телеприемника и ниже управляющего блока робота-дворецкого и горничных. Мариана привыкла думать об этой полоске как о подходящем месте для дополнительных кнопок, если они — упаси бог, конечно, — вдруг понадобятся.

Джонатан просил не баловаться с панелью управления в его отсутствие, ведь электрику легко повредить, и поэтому, когда потайная крышка щелкнула под бесцельно шарившими пальцами и с музыкальным звоном упала на каменный пол патио, Мариана ужасно перепугалась.

Но потом она увидела, что это всего лишь прямоугольная алюминиевая пластинка, до того скрывавшая под собой шесть расположенных столбиком маленьких тумблеров. Только рядом с верхним из них горели крохотные буквы — «деревья», и этот тумблер был включен.

* * *

Когда Джонатан вечером вернулся из города, она набралась смелости и все ему рассказала. Он не сильно разозлился, но и не заинтересовался.

— Разумеется, там есть тумблер для деревьев, — равнодушно объяснил он и подал роботу-дворецкому знак нарезать стейк. — Ты не знала, что это радио-деревья? Я не собирался ждать двадцать пять лет, пока вырастут настоящие, да они и не вырастут на голых камнях. Городская станция транслирует образ сосны, а приемники, подобные нашему, принимают его и проецируют вокруг домов. Чуть вульгарно, но зато удобно.

Подождав немного, Мариана робко спросила:

— Джонатан, значит, эти радио-сосны — просто призраки, и сквозь них можно проехать?

— Нет, конечно же! Они такие же прочные, как этот дом и скала под ним — и на взгляд, и на ощупь. На них даже можно забраться. И если бы ты не торчала все время дома, то сама бы об этом знала. Городская станция передает импульсы преобразования материи с частотой шестьдесят циклов в секунду. Но эта наука тебе не по мозгам.

Она отважилась на еще один вопрос:

— А зачем надо было прятать выключатель деревьев?

— Чтобы ты не забавлялась с ним, как с точной настройкой телевизора. А еще чтобы у тебя не возникла идея менять деревья. Если бы вчера я подъезжал к дому мимо дубов, а сегодня — мимо берез, должен признаться, меня бы это расстроило. Я люблю постоянство и люблю сосны.

Он посмотрел на деревья через панорамное окно столовой и удовлетворенно хмыкнул.

Мариана хотела было признаться, что ей надоели сосны, но не решилась и бросила этот разговор.

Однако назавтра около полудня она подошла к секретному пульту, выключила тумблер «деревья» и быстро обернулась к окну.

Сначала ничего не произошло, и она подумала, что Джонатан снова что-то напутал, как он ошибался уже много раз, хотя никогда не признавал этого. Но вот деревья задрожали, зарябили бледно-зелеными крапинками, начали расплываться и совсем пропали, оставив вместо себя нестерпимо яркую светящуюся точку — совсем как при выключении телевизора. Долгое время новая звезда неподвижно висела в воздухе, а затем стала отдаляться, пока не умчалась за горизонт.

Теперь сосны не закрывали обзор, и Мариана увидела настоящий пейзаж, окружавший виллу. Это была каменная равнина, бесконечные мили серого камня, точно такого, на каком стоял их дом, такого, как пол в патио. Со всех сторон одно и то же. Через равнину тянулась только черная лента двухполосной дороги — и ничего больше.

Эта картина пугала унылым одиночеством и не понравилась Мариане почти сразу. Она переключила гравитацию на стандартную лунную и закружилась в мечтательном танце, порхая над книжными полками и роялем. Она даже заставила роботов-горничных танцевать вместе с ней, но и это ее не развеселило. В два часа дня она решила снова включить деревья, как и собиралась с самого начала, — чтобы Джонатан не рассердился, вернувшись домой.

Вот только столбик из шести рычажков изменился. Надписи «деревья» больше не было. Мариана прекрасно помнила, что буквы горели рядом с верхним тумблером, который больше не переключался. Ей не удалось передвинуть его обратно в положение «вкл.».

Остаток дня Мариана просидела на ступеньках крыльца, глядя на черную дорогу. Никто не прошел и не проехал по ней, пока вдали не

показался бежевый родстер Джонатана. Сначала автомобиль неподвижно маячил на горизонте, а потом стал приближаться, медленно, словно микроскопическая улитка, хотя Мариана знала, что Джонатан всегда гоняет на предельной скорости. По этой причине она никогда не садилась к нему в машину.

Джонатан рассердился не так сильно, как она опасалась.

— Ты сама виновата, — резко сказал он. — Нечего было ковыряться там, где не положено. Теперь придется вызывать специалиста. Черт возьми, я не хочу видеть эти скалы за ужином! Хватит и того, что я дважды в день мимо них проезжаю.

Она сбивчиво спросила о бесплодии ландшафта и отсутствии соседей.

— Ты же сама хотела жить за городом, — сказал он. — И ни о чем бы даже не догадывалась, если бы не выключила деревья.

— Есть еще одна вещь, из-за которой я должна тебя побеспокоить, Джонатан, — призналась она. — У второго выключателя, сразу под первым, теперь горит надпись «дом». Он включен, я его не трогала! Но тебе не кажется…

— Я хочу взглянуть на него, — заявил Джонатан, вскакивая с дивана и с такой силой ставя

свой стакан с мартини со льдом на поднос робота-горничной, что та аж задребезжала. — Я заплатил за настоящий, солидный дом, но здесь, похоже, какое-то надувательство. Обычно я мгновенно распознаю трансляцию, но в этот раз меня, вероятно, провели, подсунув передачу с другой планеты или солнечной системы. Хорошенькое дело, если вдруг выяснится, что я и еще полсотни мультимиллионеров получили одинаковые дома, хотя каждый из них должен быть уникальным.

— Но если дом стоит на скале, как…

— Это значит, что провернуть трюк еще проще, глупая ты крольчиха!

Они подошли к панели управления.

— Вот! — услужливо сказала Мариана и ткнула пальцем… прямо в тумблер «дом».

В первое мгновение ничего не произошло. А затем по потолку пробежала белая рябь, стены и мебель вздулись пузырями, напоминая холодную лаву, и вот люди остались одни на каменном плато размером с три теннисных корта. Исчезла даже главная панель, и только тонкий металлический прут торчал из серой скалы под ногами, а на верхушке его, словно этакий механический фрукт, висела маленькая коробочка с шестью

переключателями… Прут, коробочка и нестерпимо яркая звезда в воздухе над тем местом, где раньше была хозяйская спальня.

Мариана в отчаянии давила на тумблер всем своим весом, но он застыл в положении «выкл.», а надпись рядом погасла.

Сверкающий шар умчался в никуда со скоростью пули, осветив последней вспышкой искаженное яростью лицо Джонатана.

— Маленькая идиотка! — крикнул он и вскинул руки, ставшие похожими на лапы с когтями.

— Нет, Джонатан, нет! — взвизгнула она и попятилась, но он подходил все ближе.

Коробочка с рычажками оторвалась от прута и осталась у нее в руках. Третий тумблер загорелся именем «ДЖОНАТАН». И Мариана щелчком выключила его.

Пальцы Джонатана, уже впившиеся в ее обнаженные плечи, вдруг показались поролоновыми, а затем и вовсе перестали ощущаться. Его лицо и серый фланелевый костюм забурлили, переливаясь всем цветами радуги и напоминая пораженного проказой призрака, прежде чем растаять в воздухе. Появившийся сгусток света был меньше оставшегося от дома, зато находился ближе и обжег глаза. Когда Мариана снова их

открыла, от Джонатана и сгустка не осталось уже ничего, кроме темного послесвечения, скачущего, как черный теннисный мяч.

* * *

Мариана была одна между бесконечной плоской каменистой равниной и ясным ночным небом.

На пульте теперь светилась надпись «звезды».

Наручные часы с радиевым циферблатом показывали, что скоро наступит рассвет, и Мариана основательно продрогла, прежде чем решилась дотронуться до четвертого тумблера.

Она не хотела этого делать — медленное кружение созвездий по небосклону было последним признаком правильного устройства мира. Но больше ей ничего не оставалось.

Какое слово появится дальше: «скалы»? «воздух»? или даже…

Она выключила звезды.

Неизменная в своем величии арка Млечного Пути забурлила, звезды замельтешили, словно мошки, и вскоре осталась только одна, сияющая даже ярче, чем Сириус или Венера… А потом и она умчалась в бесконечность.

Пятый тумблер — «врач» — находился в поло-

жении «выкл.».

Мариану наполнил безотчетный ужас. Она даже не подумала прикасаться к пятому тумблеру. Просто положила коробку на камни и отошла в сторону.

Но она не осмелилась уйти далеко в этой беззвездной темноте, а свернулась на камнях калачиком и стала ждать рассвета. Время от времени она посматривала на циферблат часов и на призрачно мерцающие в дюжине ярдов от нее буквы.

Казалось, стало еще холодней.

Она снова проверила время. Солнце должно было взойти два часа назад. И тут Мариана вспомнила, как в третьем классе ей рассказывали, что Солнце — это просто еще одна звезда.

Она вернулась, села на скалу рядом с пультом, с содроганием подняла его и щелкнула пятым выключателем.

Скала сделалась мягкой, обняла ноги, запахла чем-то приятным, а потом медленно побелела.

Мариана сидела на больничной койке в небольшой палате с голубыми стенами с белой полосой.

Из одной из стен зазвучал приятный механический голос:

— Вы по собственной воле прервали терапию галлюцинаторного исполнения желаний. Если вы осознали, что находитесь в глубокой депрессии и готовы принять помощь, вас посетит врач. Если нет, то вы можете вернуться и следовать сеансу терапии до его окончательного завершения.

Мариана опустила взгляд. Ее рука по-прежнему сжимала коробочку с выключателями, и под пятым тумблером все еще горела надпись «врач».

— Из вашего молчания я заключаю, что вы принимаете лечение, — сказала стена. — Врач сейчас подойдет.

Безотчетный ужас снова нахлынул на Мариану с неодолимой силой.

Она выключила тумблер «врач».

Мариана сидела в беззвездной темноте. Скалы стали совсем холодными. На ее лицо опустились ледяные пушинки — пошел снег.

Она подняла коробку с выключателями и с невыразимым облегчением прочитала крохотные мерцающие буквы, вспыхнувшие около шестого, последнего тумблера: «МАРИАНА».

Когда закрылась фабрика «Сосулька». Фредерик Пол (1919–2013)

Galaxy

февраль

Как дальше отмечает Айзек, центральная тема творчества Фреда Пола – это, безусловно, алчность, особенно в рассказах и романах 50-х и начала 60-х годов. 1960 год стал для писателя удачным – был издан его роман «Походка пьяницы», первое крупное сольное произведение после «Невольничьего корабля» 1956 года. Кроме того, увидел свет прекрасный сборник «Человек, который мог съесть мир», куда входили такие превосходные описания обществ производства/потребления, как «Чудодеи из Пунгз-конерз» и «Мечи и орала» (1958 и 1959), не говоря уже о поразительной заглавной новелле.

«Когда закрылась фабрика „Сосулька“» – яркий винтажный рассказ Фредерика Пола, наполненный жадностью и стремлением к

власти. (М. Г.)

Порой можно попытаться поиграть и свести сложное литературное произведение к единственному слову или фразе. Так, «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма сводится к слову «месть», а «Три мушкетера» – к «дружбе».

Возможно, мы могли бы сделать подобное со всей библиографией отдельно взятого писателя. Например, хочется думать, что если мои произведения собрать воедино и сжимать до минимума, то в конце получится слово «причина». По крайней мере, я склонен решать проблемы, поднятые в моих историях, путем затяжной битвы конкурирующих разумов, применяющих рациональные методы мышления.

Не знаю, годится ли такой подход для всех, но мне кажется, у Фреда Пола есть явный антагонист, с которым он борется в бóльшей части своих художественных произведений, начиная с их с Сирилом Корнблатом классических «Торговцев космосом». Этот враг – алчность. Как, например, в выбранном нами рассказе. (А. А.)

I

Ветер был холодным, снег — розовым, а ботинки Майло Пулчера — дырявыми. Их обладатель плелся по розовато-серой слякоти через площадь от здания суда к тюрьме.

— Заждался вас, — проворчал надзиратель, прихлебывая кофе из виниловой емкости. — Которого из них вы хотите увидеть первым?

Радуясь теплу, Пулчер присел.

— Не имеет значения. Скажите, что это за компания?

Надзиратель пожал плечами.

— Я имею в виду, они доставляют вам неприятности? — уточнил посетитель.

— Какие неприятности они могут доставлять? Если не прибираются в своих камерах, то не получают еду. А что еще они делают, мне не важно.

Пулчер достал из кармана письмо судьи Пегрима и проглядел список своих новых клиентов: Уолтер Хопгуд, Джимми Лассер, Эйвери Фолтис, Сэм Шлестерман, Бурк Смит, Мадлен Голтри. Ни одно из имен ничего ему не говорило.

— Я возьму Фолтиса, — наугад выбрал он и последовал за надзирателем в камеру.

Фолтис оказался невзрачным, прыщавым и воинственным юношей.

— Черт возьми, — визгливо прорычал он, — это лучшее, что они могут мне предложить?

Пулчер не торопился с ответом. Парень был не из приятных, но, напомнил себе Майло, за каждого из обвиняемых округ выплачивал аванс в пятьдесят долларов, а в текущих условиях к трем сотням привязываешься быстро.

— Не усложняйте мне жизнь, — дружелюбно произнес он. — Может, я и не лучший адвокат в Галактике, но я — все, что у вас есть.

— Вашу ж мать.

— Ладно, ладно. Расскажите мне, что случилось, окей? Я знаю только, что вас обвиняют в сговоре с целью организации тяжкого преступления, а конкретно — похищения несовершеннолетнего.

— Так и есть, — подтвердил мальчишка. — Хотите знать, что случилось? — Он вскочил на ноги и начал излагать свою историю с элементами пантомимы: — Мы умирали с голоду, понимаете? — Руки патетично прижались к животу. — Фабрика «Сосулька» закрылась. Вашу мать, я почти год бродил по улицам в поисках работы. Какой угодно. — Ноги маршируют на месте. — Даже какое-то время сдавал себя в аренду,

но… из этого ничего не вышло. — Парень нахмурился и потер пальцами прыщавое лицо. (Пулчер кивнул. Даже для аренды нужно обладать хоть какими-то данными. А самое важное из них — красивое, здоровое, сильное и ловкое тело.) — И вот мы собрались вместе и решили, черт возьми, что можно сделать деньги, перехватив сына старика Суинберна. Ну и… думаю, мы слишком много трепались. Нас поймали. — Он обхватил пальцами свои запястья, изображая наручники.

Пулчер задал Фолтису несколько уточняющих вопросов, а затем допросил еще двух парней. И не узнал от них ничего нового. Шестеро молодых людей спланировали достаточно грамотное похищение и обсуждали его там, где их могли услышать. Если и была какая-то надежда их отмазать, то она отказывалась показаться на глаза назначенному судом адвокату.

Пулчер торопливо покинул тюрьму и направился вверх по улице, чтобы повидаться с Чарли Диконом.

Лидер партии смотрел на стареньком мерцающем телевизоре матч по трехсторонней борьбе.

— Как все прошло, Майло? — поприветствовал он адвоката, не сводя взгляда со схватки.

— У меня не получится их вытащить, Чарли.

— Да? Очень жаль. — Дикон впервые оторвался от экрана. — Почему же?

— Они во всем признались. Записка с требованием выкупа написана почерком Хопгуда. Повсюду их отпечатки и ДНК. И, кроме того, они слишком много болтали.

Дикон уточнил с искрой интереса:

— А что насчет сына Тима Лассера?

— Сожалею.

Лидер партии выглядел задумчивым.

— Я ничего не могу с этим поделать, Чарли, — запротестовал на невысказанные претензии адвокат.

Молодые люди не проявили даже обычной осторожности. Довольно громко обсуждали похищение сына мэра во второсортном дансинге, где официантка записывала на пленку все, происходившее в кабинках. Пулчер подозревал процветающий бизнес по шантажу, но это не меняло того факта, что на записи оказалось достаточно информации, доказывающей сговор. Они забрали сына мэра из садика. Тот пошел с ними совершенно добровольно — Мадлен Голтри была его няней. Мальчику всего три года, но он вполне способен на такую простую идентификацию. И это еще не все: записка с требованием выкупа

была отправлена специальной доставкой, а молодой Фолтис, вместо того чтобы воспользоваться автоматизированной системой, попросил служащего отделения подсчитать стоимость почтового сбора. Клерк очень хорошо запомнил прыщавое лицо клиента.

Лидер партии вежливо слушал объяснения Пулчера, хотя было очевидно, что большая часть его внимания прикована к «заснеженному» экрану телевизора.

— Что ж, Майло, все так и есть. В любом случае ты получил легкие три сотни, да? И это кое о чем мне напомнило.

Пулчер насторожился.

— Вот, — сказал лидер партии, роясь в своем столе. Он достал пару бледно-зеленых билетов. — Тебе следует выйти в свет и познакомиться с людьми. На следующей неделе партия устраивает ежегодный обед в честь Дня Честера А. Артура. Пригласи свою девушку.

— У меня нет девушки.

— О, ты кого-нибудь найдешь. По пятнадцать долларов за каждый, — пояснил Дикон, вручая билеты.

Пулчер вздохнул и заплатил. Что ж, таким маслом и смазывают шестеренки. Его имя назвал

судье Пегриму именно Дикон. Даже за вычетом тридцатки триста долларов по-прежнему были лучшим недельным заработком Майло с тех пор, как закрылась фабрика «Сосулька».

Он мрачно наблюдал, как лидер партии аккуратно складывает его банкноты к другим и убирает деньги в карман. Кажется, Дикон действительно преуспевал. В той пачке запросто могла оказаться пара тысяч. Пулчер полагал, что Дикон пролетел вместе с остальной планетой, когда фабрика свернула работу. Почти все владели ее акциями, и Чарли Дикон, чей изворотливый ум позволил ему заполучить доли в большинстве крупных предприятий Альтаира-9 — солидный пакет акций «Туристического агентства», значительную долю в «Горнодобывающем синдикате», — конечно, тоже. Несомненно, он вложил по меньшей мере несколько тысяч в фабрику «Сосулька». Но это, похоже, не причинило ему особого вреда.

— Не мое дело, но почему бы тебе не взять с собой ту девушку? — предложил Дикон.

— Мадлен Голтри? Она в тюрьме.

— Вытащи ее оттуда. Вот. — Он протянул визитку поручителя.

Пулчер с хмурым видом сунул ее в карман. По

его расчетам, это в любом случае обойдется еще в сорок баксов. Поручителем, естественно, был один из подпевал Дикона.

Пулчер заметил, что лидер партии выглядит странно озадаченным, и не удержался от вопроса:

— Что-то еще?

— Как я уже сказал, это не мое дело. Но я не понимаю. Вы с девушкой в ссоре?

— В ссоре? Я ее даже не знаю.

— Она сказала, что знаешь.

— Я? Нет. Не знаю я никакой Мадлен Голтри… Погоди минутку! Это ее фамилия по мужу? Раньше она работала на фабрике «Сосулька»?

Дикон кивнул.

— Разве ты с ней не повидался?

— Я не добирался до женского крыла. Я… — Пулчер встал, необычайно взволнованный. — Мне надо бежать, Чарли. Этот поручитель, он сейчас работает? Что ж… — Он перестал бормотать и ушел.

Мадлен Голтри! Только ее звали Мадлен Коссет. Поразительно, что она объявилась сейчас. В тюрьме. И скорее всего, внезапно осознал Пулчер, останется там на неопределенное время. Но он выбросил эту мысль из головы, сначала ему

хотелось увидеть Мадлен.

Теперь снег был лавандовым.

Розовый, салатовый, лавандовый… — снег любого цвета пастельной радуги. Здесь это было нормой. И причиной, почему Альтаир-9 следовало колонизировать в первую очередь.

Теперь же осадки — всего лишь способ промочить ноги.

Пулчер нетерпеливо ждал в кабинете надзирателя, пока тот ковылял в женское крыло и так же не спеша возвращался. Девушка и Майло посмотрели друг на друга. Она ничего не сказала. Пулчер открыл было рот, но сразу закрыл и молча взял ее за локоть. Он вывел Мадлен из тюрьмы и поймал такси. Расточительство, конечно, но Пулчеру было все равно.

Мадлен вжалась в угол салона, глядя на Майло большими голубыми подведенными тенями глазами. Она не проявляла враждебности, она не боялась. Она всего лишь отдалилась.

— Голодна?

Кивок.

Пулчер сказал таксисту название ресторана. Еще одно расточительство, но в этот момент Майло не возражал против перспективы на несколько недель сократить количество обедов.

Он достаточно попрактиковался в этом.

Годом раньше эта девушка была самой красивой секретаршей в бюро фабрики «Сосулька». Они сходили на полдюжины свиданий. В компании существовал запрет на подобные отношения, но в первый раз это было что-то вроде шалости школьника, нарушающего распоряжение директора, а в следующие разы — потребность. Затем…

Затем появился Процесс Гумперта.

Процесс Гумперта оказался настоящим убийцей. Кем бы ни был этот Гумперт. На фабрике «Сосулька» знали только, что некто по имени Гумперт (по одним слухам, землянин, по другим — колонист в системе Сириуса) додумался до дешевого, практичного метода синтеза радужных антибиотических форм, которые свободно плавали в воздухе Альтаира-9, окрашивая его осадки и, что важнее, являясь бесценным экспортным товаром. Целая Галактика зависела от этих радужных форм, поставлявшихся в виде замороженных суспензий на все обитаемые планеты корпорацией «Альтамицин, Инк» — правильное название того, что на Альтаире-9 именовали «Сосулькой».

Когда появился Процесс Гумперта, спрос моментально исчез.

Хуже того, исчезли рабочие места. В юри-

дическом отделе корпорации у Пулчера был собственный офис и призрачная надежда на пост вице-президента в далеком будущем. Его выставили. Стенографисток из бюро, кроме двух или трех из пятисот, которые когда-то получали корреспонденцию и счета, выставили. Выставили складских экспедиторов, выставили операторов насосов отстойников, выставили диспетчеров морозильников. На улице оказались все. Фабрика закрылась. На складе хранилось более пятидесяти тонн замороженных антибиотиков, но слабую струйку заказов, по-прежнему поступавших от твердолобых упрямцев со всей Галактики (врачей из глухомани, не веривших в новомодную синтетику; экспериментаторов, желавших провести сравнительные тесты), с запасом могли удовлетворить поставки, уже находившиеся в пути. Пятьдесят тонн? Когда-то фабрика «Сосулька» отгружала по триста тонн в день — физической транспортировкой автоматическими ракетами, которым требовались годы для преодоления расстояний между звездами. Бум закончился. И разумеется, на планете с моноиндустрией все остальное тоже закончилось.

Пулчер взял девушку за руку и повел в ресторан.

— Не стесняйся, — велел он. — Я знаю, на что похожа тюремная еда.

Он сел, твердо решив ничего не говорить, пока она не закончит есть.

* * *

Но Пулчер не смог.

Задолго до того, как девушка была готова приступить к кофе, Майло взорвался:

— Зачем, Мадлен? Зачем тебе ввязываться во что-то подобное?

Она посмотрела на него, но ничего не ответила.

— А что насчет твоего мужа? — Он не хотел об этом спрашивать, но ему пришлось.

Это был самый большой из всех неприятных ударов, которые обрушились на него после закрытия фабрики «Сосулька». Как раз в тот момент, когда он начал заниматься юридической практикой — не масштабной, но, благодаря Чарли Дикону и партии, небольшой стабильной раздачей услуг, которая позволяла притворяться, что он все еще адвокат, — до него дошли слухи, что Мадлен Коссет вышла замуж.

Девушка отодвинула тарелку.

— Он эмигрировал.

Пулчер медленно переваривал ее слова. Эмигрировал? Конечно, это было мечтой каждого на Девятке с тех пор, как закрылась фабрика. Но всего лишь мечтой. Физическая транспортировка между звездами была безбожно дорогой. Более того, она была безбожно медленной. Через десять лет вы попадали на Делл — планету с разреженной атмосферой вблизи маленького холодного красного карлика. Путь до ближайшей приличной планеты занимал тридцать лет.

Все это сводилось к тому, что эмиграция почти равносильна смерти. Если один из супругов эмигрировал, это означало конец брака…

— Мы развелись, — кивнула Мадлен. — Не хватало денег для отъезда обоих, а здесь Джон был несчастнее меня. — Она достала сигарету и позволила Пулчеру ее прикурить. — Ты же не хочешь спрашивать меня о Джоне, верно? Но хочешь узнать. Все в порядке, это нормально. Джон был художником. Работал в рекламном отделе фабрики, но лишь временно. Он собирался сделать что-то большое. Но затем оказался там же, где и мы все. Ну, Майло, я от тебя ничего не слышала.

Пулчер запротестовал:

— Было бы нечестно встречаться с тобой, пока у меня не было работы или чего-то еще.

— Конечно, именно так ты и думал. Хоть это неправильно. И я не могла найти тебя, чтобы сказать, что это неправильно, а Джон был очень настойчив. Высокий, кудрявый, с детским личиком — знаешь, ему требовалось бриться всего два раза в неделю. Ну, и я вышла за него замуж. Это продлилось три месяца. Потом ему просто пришлось свалить. — Мадлен пылко наклонилась вперед. — Не думай, что он был обычным бездельником, Майло! Он действительно был довольно хорошим художником. Но у нас не хватало денег даже на краски, и потом, кажется, здесь все цвета не те. Джон объяснил. Чтобы писать коммерчески успешные пейзажи, нужно жить на планете с цветами земного типа — они сейчас в моде. А здесь в облаках слишком много альтамицина.

— Понимаю, — сухо сказал Пулчер.

Но на самом деле он не понимал. Оставалась по крайней мере одна необъяснимая вещь. Если не хватало на краски, то откуда взялись деньги на билет на звездолет, на физическую транспортировку? Это же как минимум десять тысяч долларов. На Альтаире-9 просто не было способа собрать десять тысяч, не прибегая к довольно экстремальным мерам…

Девушка тем временем смотрела не на него.

Ее взгляд был прикован к столику в другом конце ресторана, столику с шумной пьяной компанией. Хотя наступило только время ланча, посетители имели такой вид, будто уже три часа ночи. От них разило. Их было четверо: двое мужчин и две женщины в телах молодых, здоровых, довольно симпатичных, совершенно нормальных жителей Девятки. Впрочем, внешний вид их физических тел не имел никакого отношения к делу, поскольку это были туристы. На шее у каждого блестело золотое колье со светящимся красным сигнальным камнем в центре. Знак «Туристического агентства», знак того, что тела взяты напрокат.

Майло Пулчер быстро отвел глаза. Его взгляд остановился на бледном лице Мадлен, и внезапно адвокат понял, как именно девушка собрала деньги, чтобы отправить Джона к другой звезде.

II

Пулчер нашел для Мадлен жилье и оставил ее там. Хотелось ему на самом деле, конечно, совсем другого. Хотелось ему провести с ней этот вечер и все прочие вечера до конца времен, но вопрос с судом никто не отменял.

Двадцать четыре часа назад Майло Пулчер получил уведомление, что его назначили адвокатом шести подозреваемых в похищении, и увидел в этом легкие деньги — и говорить не о чем, никакой работы и никакой надежды на успех. Дело он, конечно, проиграл бы. Ну и что с того?

Но теперь ему хотелось победить!

Это означало срочную и тяжелую работу всего лишь для получения хоть какого-то шанса — в лучшем случае, крайне невеликого, признавался себе Пулчер. И все же он не собирался сдаваться, не попытавшись.

К моменту, когда Майло нашел дом родителей Джимми Лассера, снегопад прекратился. Магазин спортивных товаров, недалеко от офиса «Туристического агентства». Витрину заполняло оружие, обувь и снаряжение для подводного плавания. Пулчер вошел, звякнув колокольчиком

над дверью.

— Мистер Лассер?

Пухлый маленький человечек, откинувшийся на стуле у двери, оглядел посетителя с ног до головы и медленно поднялся.

— Туда, — коротко бросил он и повел Пулчера в трехкомнатную квартиру за магазином.

Гостиная была достаточно уютной, но что-то вызывало чувство ассиметрии. Одна половина комнаты казалась «тяжелее» другой. Пулчер разглядел примятый ворс ковра там, где еще недавно стояло что-то массивное и прямоугольное — размером примерно с электронное развлекательное устройство 3V.

— Конфисковали, — коротко пояснил Лассер. — Садитесь. Только что вас спрашивал по телефону Дикон.

— Да? — Должно быть, что-то важное. Дикон не стал бы разыскивать его по пустяковому поводу.

— Не знаю, что он хотел, но просил вас не уходить до его звонка. Присаживайтесь. Мэй принесет вам чашку чая.

Пулчер несколько минут поболтал с ними, пока женщина хлопотала над чайником и тарелкой сдобного печенья. Он пытался проникнуться атмосферой этого дома. Отчаяние Мадлен Голтри

и чувства Фолтиса, классического неудачника, адвокат понимал. А что насчет Джимми Лассера?

Чете Лассеров было за шестьдесят. Из первых «девяток», сошедших с корабля поколений. Конечно, они не с Земли — физическая транспортировка заняла почти сто лет. Оба родились в пути, поженились на корабле. Поскольку вскоре после их рождения население достигло максимума, им разрешили отложить обзаведение детьми до приземления. К тому времени им было по сорок.

— Пожалуйста, помогите нашему мальчику, мистер Пулчер! — внезапно произнесла Мэй Лассер. — Джимми не виноват. Он связался с дурной компанией. Вы же знаете, как бывает: работы нет, мальчику нечем заняться.

— Я сделаю все, что в моих силах.

Забавно, подумал Пулчер, что плохой всегда была «компания». Но никак не Джимми. И не Эйвери, и не Сэм, и не Уолтер. Пулчер перебрал пятерых парней и вспомнил Джимми: девятнадцатилетнего, довольно бесцветного, вежливого, неохотно идущего на контакт. Адвоката в нем удивило лишь то, что у этого робкого парня вообще хватило инициативности вступить в преступный сговор.

— Он хороший мальчик, — патетически произнесла Мэй Лассер. — Та проблема с припаркованными машинами два года назад была не по его вине. Знаете, потом он сразу нашел прекрасную работу. Спросите у его инспектора. А затем «Сосулька» закрылась… — Она долила чая, расплескав его через край. — Ох, простите! Но… но когда он пошел на биржу труда, мистер Пулчер, знаете, что ему сказали?

— Знаю.

— Его спросили, согласится ли он на работу, которую ему предложат, — торопливо продолжала она. — Работу. Как будто я не знаю, что они подразумевали под *работой*! Они имели в виду *аренду*. — Она со стуком поставила чайник на стол и заплакала. — Мистер Пулчер, я бы не позволила ему сдавать тело в аренду, даже если бы пришлось ради этого умереть! В Библии ничего не сказано о том, чтобы позволять кому-то другому пользоваться вашим телом и не нести ответственности за то, что оно делает! Вы знаете, что творят туристы! «И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее». А если ею пользуется кто-то другой? Там об этом ничего не сказано. Мистер Пулчер, аренда — это грех!

— Мэй! — Мистер Лассер поставил свою чашку

и посмотрел прямо на гостя. — Так что, Пулчер? Вы сможете вытащить Джимми?

Адвокат задумался. Он не знал об испытательном сроке Джимми Лассера, и это был плохой знак. Если окружной прокурор утаивает подобную информацию — значит, не желает сотрудничать. И, скорее всего, будет добиваться максимального срока наказания. Конечно, он не обязан рассказывать адвокату защиты о предыдущих судимостях клиентов. Но в случаях с несовершеннолетними, когда стороны чаще склонны проявлять снисходительность к обвиняемым, это было обычным делом…

— Не знаю, мистер Лассер. Я сделаю все, что в моих силах.

— Сделаете, черт возьми! — рявкнул Лассер. — Дикон сказал вам, кто я? Я, знаете ли, возглавлял партию до него. Так что действуйте. Дергайте за ниточки. Дикон поддержит вас, или ему придется объясниться!

Пулчер сумел взять себя в руки.

— Сделаю все, что в моих силах. Как я уже сказал вам. Если хотите тянуть за ниточки, лучше сами поговорите с Диконом. Я разбираюсь только в праве. И ничего не смыслю в политике.

Атмосфера становилась неприятной. Пулчер

обрадовался телефонному звонку, который раздался извне гостиной, в магазине. Мэй Лассер вышла снять трубку и вернулась:

— Вас, мистер Пулчер. Чарли Дикон.

Поблагодарив, Пулчер взял трубку. Глубокий дипломатичный голос Дикона печально произнес:

— Майло? Послушай, я разговаривал с секретарем судьи Пегрима. Тот не собирается отпускать ребят просто так. Из мэрии давят очень сильно.

Пулчер отчаянно запротестовал:

— Но младший Суинберн не пострадал! У Мадлен за ним ухаживали лучше, чем дома.

— Знаю, Майло, — не стал спорить лидер партии, — но это лишь ее версия. Так вот, что я хотел сказать тебе, Майло: не забивай себе голову этим делом, ты его не выиграешь.

— Но… — Пулчер внезапно осознал, что прямо за его спиной стоят Лассеры. — Но мне кажется, можно добиться оправдательного приговора, — сказал он безо всякой надежды, что это правда.

Послышался смешок Дикона.

— Тебе в затылок дышит Лассер? Понимаю, Майло. Но если хочешь мой совет — проведи быстрое слушание, позволь вынести приговор, а через пару месяцев подай прошение о помилова-

нии. Я помогу. А тебе это принесет еще пять сотен или около того, понимаешь? — Лидер партии говорил убедительно, это было для него привычным. — Не беспокойся о Лассере. Думаю, он рассказал, какой политической властью тут обладает? Забудь. И передай, я заметил, что он еще не купил билеты на ужин в честь Дня Честера А. Артура. Забери у него деньги, ладно? Билеты отправлю ему по почте. Нет, погоди, не спрашивай у него денег. Просто передай мои слова. — Связь прервалась.

Пулчер сжимал умолкнувший телефон, сознавая, что хозяева никуда не делись.

— Пока, Чарли, — сказал адвокат в трубку, сделал паузу, кивнул в пространство и снова повторил: — Пока.

Затем он повернулся передать сообщение лидера партии по самому важному вопросу — билетам на ужин в честь Дня Честера А. Артура. Лассер проворчал:

— Чертов Дикон, подсовывает то одно, то другое. Где, по его мнению, я возьму тридцать баксов?

— Тим. Пожалуйста. — Жена коснулась его руки.

Лассер поколебался.

— Ладно. Но вам лучше вытащить Джимми,

слышите?

Пулчер наконец вырвался на холодную, слякотную улицу.

Переходя перекресток, он заметил над головой какое-то бледное свечение и остановился как вкопанный. Над проспектом целеустремленно плыла огромная эфирель. Это было чудовище по меньшей мере двенадцати футов в длину и более двух футов толщины в середине, в ней легко могло содержаться восемнадцать-девятнадцать унций; ради таких громадин спортсмены преодолевали Унылые холмы. Пулчер никогда в жизни не видел ни одной подобной. На самом деле он мог припомнить только одного или двух мальков, проплывавших над поселками.

У него возникло холодное, тревожное чувство.

Небесные рыбы были едва ли не единственной достопримечательностью, которую могла предложить туристам планета. Спортсмены съезжались со всей Галактики, чтобы поохотиться на эти создания с пористой плотью, наполненной пузырьками водорода, на настоящие живые дирижабли, которые не летали по воздуху, а плавали в нем. До прибытия людей-колонистов эфирели были высшей формой жизни на Альтаире-9. Их оказалось так легко уничтожить артиллерией,

что в населенных районах они были практически истреблены. Лишь немногие особи выжили высоко в холодных холмах. А теперь…

Неужели даже рыбы знали, что Альтаир-9 превращается в планету-призрак?

На следующее утро Пулчер позвонил Мадлен, но поборол желание с ней позавтракать.

Весь день он работал над делом. Утром навестил родных и друзей обвиняемых, во второй половине дня проверил несколько догадок.

От семей он ничего полезного не узнал. Все истории были очень похожи. Самому младшему из парней, Фолтису, было всего семнадцать, самому старшему, Хопгуду, — двадцать шесть. Все они потеряли работу, большинство — на фабрике «Сосулька», не видели будущего и хотели покинуть планету. Что ж, физическая транспортировка требовала минимум десяти тысяч долларов, и ни у кого из них не было ни малейшего шанса получить столько денег законным способом.

Мэр Суинберн — человек богатый, а трехлетний сын был для него светом в окошке. Справиться с искушением и не попытаться получить выкуп оказалось просто невозможно, понял Пулчер. Мэр, конечно, мог себе позволить заплатить, а с деньгами похитители сразу же попали бы на борт

звездолета, став практически недосягаемыми для закона.

Пулчеру удалось собрать картину того, как все начиналось. Ребята жили в одном районе — в том, где у Мадлен и Джона Голтри была маленькая квартирка. Парни видели, как Мадлен гуляла с сыном мэра, время от времени подрабатывая у него няней на неполный день. Единственная вещь, в которую трудно было поверить — что Мадлен с готовностью согласилась участвовать в плане, как только к ней обратились.

Но вспомнив выражение лица девушки, когда та смотрела на туристов, Майло решил, что, в конце концов, это не так уж странно.

Для Мадлен, которая сдавала свое тело в аренду.

Физическая транспортировка дорога и бесконечно медленна.

Но для человека существует и более быстрый способ путешествовать с планеты на планету — практически мгновенно с одного конца Галактики на другой. Структура разума имеет электронную природу. Эту структуру можно записать на пленку и транслировать на электромагнитной частоте. Более того, как и любой электромагнитный сигнал, ее можно использо-

вать для модуляции ультраволновой несущей частоты. Результат: мгновенная передача личности в любую точку цивилизованной Галактики.

Единственная проблема — что там должен был быть приемник.

Бестелесный призрак человека, лишенный плоти и соков, был не более чем одной из электромагнитных волн, бесчисленное множество которых пронизывает Вселенную. Передаваемой личности требовалось придать осязаемую форму. Разумеется, существовали неорганические приемники — похожие на роботов устройства с ртутными ячейками памяти, куда можно было занести человеческий интеллект и активировать механическое тело. Но это было совсем не *весело*. А туристический бизнес эксплуатировал *веселье*. Чтобы удовлетворить клиентов, требовались живые тела. Никто не хотел выложить немалые деньги за телепортацию на уникальную рыбалку Альтаира-9 и понять, что преследует добычу в каком-то лязгающем тракторе с глазами-фотоэлементами и электроприводными мышцами. Требовалось тело. Даже довольно привлекательное — упругое там, где собственное тело туриста, возможно, было дряблым, здоровое там, где оно хрустело. Тогда можно наслаждаться не только

рыбной ловлей, но и много чем еще.

Да, законы строги в отношении злоупотреблений арендованными телами. Но туристический бизнес остался единственной процветающей отраслью на Альтаире-9. А законы, которые не соблюдаются, могут быть сколь угодно строгими.

Пулчер зашел доложиться к Чарли Дикону.

— Я узнал, почему Мадлен ввязалась в это дело. Она сдавала тело в аренду. Подписала долгосрочный контракт с «Туристическим агентством» и получила большой аванс в счет будущих заработков.

Дикон печально покачал головой и прокомментировал:

— На что только не идут люди ради денег.

— Не для себя! Она отдала деньги мужу, чтобы тот мог купить билет куда-нибудь подальше. — Пулчер встал, развернулся и изо всех сил пнул свой стул. Аренда и для мужчины достаточно плоха. А для женщины…

— Полегче, — с усмешкой посоветовал Дикон. — Значит, она решила, что сможет откупиться от контракта деньгами Суинберна?

— Разве ты не поступил бы так же?

— Ну не знаю, Майло. Аренда не так уж плоха.

— Черта с два!

— Ладно. Черта с два. Но ты должен понимать, Майло, — сухо произнес лидер партии, — без этого бизнеса мы все оказались бы в беде. Не ругай «Туристическое агентство». Оно делает вполне достойную работу.

— Тогда почему там не дают посмотреть записи?

Глаза Дикона сузились, он выпрямился в кресле.

— Я пытался, — признался Пулчер. — Заставил их показать мне договор Мадлен, но для этого пришлось пригрозить судебным постановлением. Почему? Затем я попробовал узнать немного больше о самом агентстве: учредительные документы, имена акционеров и так далее. И ничего не получил. Почему?

Дикон выдержал секундную паузу.

— Задам тебе встречный вопрос, Майло. Почему ты хотел это узнать?

— Я должен пытаться вытащить это дело любым возможным способом, Чарли, — серьезно ответил Пулчер. — По уликам ребятам конец. Они виновны. Но каждый из них пошел на этот трюк с похищением, чтобы держаться подальше от сдачи в аренду. Может, я не сумею убедить судью Пегрима выслушать подобные доводы, а может,

и сумею. Это мой единственный шанс. Если я смогу показать, что аренда — это разновидность жестокого и неправомочного обращения, если смогу найти в ней что-то неправильное, что-то, не разрешенное ее же документами, то у меня будет шанс. Призрачный, но шанс. А там должно быть что-то не так, Чарли, поскольку зачем иначе им быть такими скрытными?

— Глубоко копаешь, Майло… — медленно произнес Дикон. — Тебе не приходило в голову, что ты на неверном пути?

— Почему это?

— Что тебе могут дать учредительные документы? Ты хочешь понять, на что похожа аренда? Мне кажется, единственный осмысленный способ — попробовать самому.

— Аренду? Мне?! — Пулчер был потрясен.

Лидер партии пожал плечами.

— Ну, у меня много дел, — сказал он и проводил адвоката до двери.

Тот угрюмо зашагал прочь. Аренда? Ему? Но приходилось признать, в этом был определенный смысл…

Он дал себе слово — сделать все, что в его силах, чтобы вытащить Мадлен и остальных из беды. Полностью избавить от неприятностей. Но если в

ходе рассмотрения дела он не сможет придумать способ расторгнуть ее контракт на аренду и добиться оправдательного приговора, то чертовски постарается, чтобы оправдательного приговора не было вовсе.

Тюрьма для Мадлен Голтри — это не так уж и плохо, аренда значительно хуже.

III

На следующее утро Пулчер пришел на биржу труда будучи куда более решительным снаружи, чем внутри. К слову о преданности клиентам! Но он провел ночь в размышлениях и понял, что Дикон прав.

Клерк захлопал глазами и прокряхтел:

— Ну и дела! Вы ведь мистер Пулчер? Вот уж не думал, что увижу вас здесь. Дела сбавили обороты?

Неуверенность Пулчера проявилась воинственностью.

— Хочу сдать тело в аренду, — рявкнул он. — Я пришел по нужному адресу или нет?

— Ну конечно, мистер Пулчер. То есть нет, если вы доброволец, но прошло очень много времени с тех пор, как у меня бывали добровольцы, так что это не имеет большого значения, знаете ли. То есть я все улажу. Подождите немного. — Он отвернулся, поколебался, взглянул на Пулчера и сказал: — Мне лучше воспользоваться другим телефоном.

Клерка не было всего минуту. И вернулся он явно смущенный.

— Мистер Пулчер, послушайте. Я подумал, что мне лучше позвонить Чарли Дикону. Его нет в офисе. Почему бы вам не подождать, пока я не смогу согласовать это с ним?

— С ним уже все согласовано, — мрачно ответил Пулчер.

Клерк колебался.

— Но… Да, хорошо, — произнес он несчастным голосом, делая пометки в блокноте. — Идите через улицу. И сразу скажите, что вы доброволец. Не знаю, помешает ли это надеть на вас наручники, но, по крайней мере, они посмеются. — Его губы скривились.

Пулчер взял листок бумаги и с суровым видом направился через улицу к «Туристическому агентству», в их отдел снабжения, без удовольствия отметив наличие на окнах решеток. При приближении адвоката рослый охранник у двери выпрямился и добродушно пробасил:

— Ладно, сынок. Все будет не так плохо, как ты думаешь. Просто дай-ка сюда твои запястья.

— Подождите, — торопливо сказал Пулчер, убирая руки за спину. — Мне не нужны наручники. Я доброволец.

— Не шути со мной, сынок, — с угрозой произнес охранник, затем присмотрелся повнимательнее

нее. — Эй, я же знаю тебя. Ты юрист. Я видел тебя на Главном балу. — Он почесал за ухом. Затем с сомнением добавил: — Ну, может быть, ты и доброволец. Заходи.

Но когда Пулчер с важным видом проходил мимо, то почувствовал на своем плече тяжелую руку, а его запястья со щелчком обхватила сталь. Он в ярости развернулся.

— Без обид, — бодро прогудел охранник. — Подготовка стоит больших денег, вот и все. Они не хотят, чтобы ты передумал, когда тебя выжмут, понимаешь?

— Выжмут?.. Хорошо, — сказал Пулчер и снова отвернулся.

«Выжмут». Звучало не прекрасно. Но Майло был слишком горд, чтобы расспрашивать охранника о деталях. В любом случае он по-прежнему был уверен, что все может оказаться не так уж плохо. Правда? В конце концов, это ведь не то же самое, что казнь…

Полтора часа спустя его уверенность поколебалась.

Его раздели, взвесили, сделали флюорографию, взяли образцы крови, слюны, мочи и спинномозговой жидкости; ему простучали грудь и послушали биение пульса в венах на руке.

— Хорошо, вы подходите, — произнесла блондинка лет сорока в испачканной форме медсестры. — Сегодня вам повезло, все варианты открыты. Сможете выбирать: ископаемые, паруса, все, что нравится. Что это будет?

— Что?

— Пока вы сдаете свое тело. Да что с вами такое? Вы должны чем-то заниматься, пока ваше тело в аренде. Можете, конечно, выбрать резервуар, если пожелаете. Но это мало кому нравится. Все время находишься в сознании, знаете ли.

— Не понимаю, о чем вы, — честно ответил Пулчер, но потом вспомнил.

Пока тело человека сдавалось в аренду, существовала проблема — что делать с его собственным разумом и личностью. Те не могли оставаться на прежнем месте. Им следовало находиться где-то еще. «Резервуар» был запоминающим устройством и ничем больше. До возвращения в собственное тело перемещенный разум содержался в чем-то похожем на травильный чан, заполненный транзисторами и ячейками. Пулчер вспомнил прежние времена и клиента своего босса — тот провел в резервуаре восемь недель, а затем вышел и совершил убийство. Нет. Только не резервуар.

— Что там еще есть? — спросил он, откашливаясь.

— Да все, что хотите, я думаю, — нетерпеливо сказала медсестра. — Сейчас большой спрос на шахтеров для глубинных газогенераторов, если вам это подходит. Там просто довольно жарко, и все. Уголь пережигают в газ, а вы, разумеется, находитесь в самом центре. Но не думаю, что там ощущаешь нечто особенное. Едва ли. Не знаю, как насчет парусных рейсов или ракетостроения, поскольку для этого нужно иметь некоторый опыт. Возможно, вакансии есть в таксомоторной компании, но я должна сказать, что обычно арендодатели такое не выбирают, потому как живым водителям не нравятся роботакси. Иногда, увидев такое, они его опрокидывают. Естественно, если машина получает повреждения, это рискованно и для вас.

— Я попробую добычу ископаемых, — тихо сказал Пулчер.

Он покинул комнату в каком-то оцепенении, едва осознавая, что единственная его одежда — небольшое отбеленное полотенце на бедрах. Его собственные вещи давно унесли и сдали. Турист, которому вскоре предстояло надеть тело Пулчера, сам выберет себе одежду — галантерейный

магазин был одним из наиболее прибыльных филиалов «Туристического агентства».

Затем Майло вышел из оцепенения, обнаружив, что именно подразумевалось под «выжиманием».

Два здоровенных умельца подняли его на плиту, сдернули полотенце, расстегнули и отбросили наручники. И пока один крепко прижимал его за плечи, другой начал вращать похожие на тиски колеса, которые опускали литую форму. Та напоминала составной саркофаг. Пулчер тут же вспомнил какую-то из детских страшилок — стены смыкаются, и жертву неумолимо раздавливает насмерть.

— Эй, погодите! Что вы делаете? — закричал он.

Стоявший у его изголовья, явно скучая, произнес:

— О, не волнуйся. В первый раз, да? Мы должны зафиксировать тебя, понимаешь? Сканирование — серьезная работа.

— Но…

— Теперь заткнись и расслабься, — рассудительно сказал мужчина. — Если будешь дергаться, пока трассировщик тебя сканирует, то рискуешь испортить свою личность. Мало того,

мы можем и тело повредить, и тогда у агентства будет иск на руках, понимаешь? Туристам не нравятся поврежденные тела… Давай, Винс. Подготовь ноги, чтобы я мог заняться головой.

— Но… — снова начал Пулчер, а затем приложил усилие, чтобы расслабиться.

В конце концов, это всего на двадцать четыре часа. Что угодно можно выдержать двадцать четыре часа, а он проявил осторожность, подписавшись лишь на этот срок.

— Продолжайте, — сказал он. — Это всего на двадцать четыре часа.

— Что? О, конечно, приятель. А сейчас пора спать, приятных снов.

И что-то мягкое, но довольно упругое опустилось Пулчеру на лицо.

Он услышал приглушенный звук голосов. Затем на мгновение возникло ощущение разрыва, будто его выдернули из чего-то липкого.

Потом стало *больно*.

Пулчер закричал. Это ничего не дало — у него больше не было голоса.

Забавно, он всегда думал о добыче ископаемых как о чем-то, происходящем под землей. Но оказался под… водой. В этом не было никаких сомнений. Он видел завихрения песка, пере-

двигаемого течением, видел настоящих рыб (а не летающие водородные «дирижабли»), видел пузырьки, выходящие из песка у его ног… Нет! Не у его ног. У него не было ног. У него были гусеницы.

К Пулчеру подплыл огромный стальной жук и хрипло произнес:

— Ладно, ты там, пошли.

Снова забавно. Он слышал голос не ушами — у него не было ушей и не было стереофонического восприятия, — но каким-то образом воспринимал. Казалось, голос звучал внутри его мозга. Радио? Эхолокатор?

— Давай! — прорычал жук.

В порядке эксперимента Пулчер попытался заговорить, но в этот момент тоненький голосок пропищал:

— Осторожно!

Из-под его собственных гусениц выползла крошечная стальная многоножка. Она остановилась, развернулась, отступила назад и посмотрела на Пулчера.

— Дебил! — язвительно пробормотала малявка. Выплевывая яркое пламя, она, извиваясь, поползла прочь.

— Давай, следуй за горелкой, Мак, — прохрипел

большой жук.

Пулчер отчаянно думал о том, чтобы идти. Да. Кажется, что-то получалось. Он покачнулся и двинулся.

— О боже, — критически вздохнул стальной жук, который висел рядом и внимательно наблюдал за происходящим. — Это твой первый раз? Так и понял. Они всегда дают мне новичков для пробоя. Смотри, та маленькая штучка, которая только что спустилась по градиенту, — это горелка, Мак! Она собирается выжечь твердую породу из нового ствола. Ты следуешь за ней и вытаскиваешь осадок. Своими *ковшами*, Мак.

Пулчер бодро запустил гусеницы и, покачиваясь, последовал за маленькой горелкой. Сквозь взбаламученную илистую воду он мельком замечал повсюду работающие машины. Большие и маленькие: с огромными, как у слонов, гибкими стальными хоботами, всасывающими ил и грязь; с осиными жалами, закладывающими заряды взрывчатки; с такими же, как у него самого, ковшами для перевозки и вычерпывания ям. Шахта, какой бы она ни должна была стать, пока представляла собой лишь пустое взрыхленное морское дно. Пулчеру потребовался час? минута? — у него не было возможности определить

время, — чтобы освоить азы управления новым стальным телом.

Потом стало скучно.

И болезненно. От первых зачерпываний песчаной грязи, которую он вывез из новой ямы, в ковшах началось покалывание. Покалывание превратилось в жжение, жжение — в ноющую боль, ноющая боль — в пылающую агонию. Пулчер остановился. Что-то было не так. Ведь не ждут же от него, что он будет продолжать в том же духе?!

— Эй, Мак. Займись делом, лады?

— Но это больно.

— Черт возьми, Мак, это должно быть больно. Что еще ты можешь чувствовать, когда ударился обо что-то твердое? Хочешь разбить об меня свои ковши, Мак?

Пулчер стиснул свои не-зубы, расправил не-плечи и вернулся к копанию. В итоге, благодаря привычке, боль стала терпимей. Нет, не меньше. Только терпимей.

Было скучно, разве что один раз он наткнулся на камень потяжелее того, что могли выдержать его фосфобронзовые ковши, и пришлось отползти в сторону, пока горелка измельчала глыбу. Первое и последнее отступление от монотонных

трудов. В остальном работа была сплошной рутиной. И давала Пулчеру достаточно времени подумать.

Что было не совсем благом.

«Интересно, — размышлял он, приглушенно грохоча ковшами, — интересно, что сейчас делает мое тело?»

Пулчер молился, чтобы занимавший его тело арендатор оказался бизнесменом. Человеком, которому пришлось срочно прибыть на Альтаир-9 по неотложному делу — подписать контракт, заключить сделку, организовать межзвездный заем. Это было бы не так уж плохо! Бизнесмен не стал бы причинять вред арендованному имуществу. Нет. В худшем случае выпил бы один-два лишних коктейля или съел неперевариваемый обед. Хорошо. И когда — наверняка всего через несколько часов — Пулчер вернется в свое тело, худшее, что его может ожидать: похмелье или несварение желудка. Ну и что с того? Аспирин, щепотка бикарбоната.

Но турист мог оказаться и не бизнесменом.

«К примеру, он — спортсмен», — с опаской размышлял Пулчер, разгребая ковшами крупный песок. Однако даже это не так уж плохо. Совершит восхождение на несколько дюжин гор, возможно,

переночует под открытым небом. Заработает простуду или даже пневмонию. Конечно, мог произойти и несчастный случай — бывало, туристы действительно падали с Унылых холмов, ломали ноги. Но и это не конец света, всего лишь вопрос нескольких дней отдыха, небольшой медицинской помощи.

«Но что, если, — мрачно думал Пулчер, не обращая внимания на мучительную боль в переполненных ковшах, — арендатор окажется кем-то похуже?»

Он слышал странные, непристойные истории о женщинах, которые арендовали мужские тела. Да, противозаконно, но подобные рассказы не замолкали. Он слышал о мужчинах, которые хотели поэкспериментировать с наркотиками, с выпивкой, с… тысячью тайных, низменных желаний плоти. Неприятных. И все же в арендованном теле, где в конечном итоге другой будет расплачиваться за разврат, кто же не попробовал бы чего-нибудь эдакого? Ведь для того, кто пробует, не будет никаких физических последствий. А если миссис Лассер права, то, вероятно, и никаких последствий в перспективе.

Двадцать четыре часа еще никогда не тянулись настолько медленно.

Всасывающие шланги ссорились с горелками. Черпаки цапались с динамитчиками. Все живые машины подводной добычи постоянно с раздражением огрызались друг на друга. Но работа шла.

«Похоже, за один двадцатичетырехчасовой день нужно проделать очень много», — серьезно думал Пулчер. Котлован углубили уже на двести ярдов и укрепили. Вновь прибывшие бетономешалки подводного схватывания начали укреплять дно. Маленькие мерцающие агрегаты, похожие на пауков, с химическими анализаторами в конечностях ощупывали каждую партию появлявшегося шлама[3] для оценки степени обогащения руды. Шахта была почти готова к началу добычи.

Через некоторое время Пулчер осознал причины вспыльчивости машин. Ни один из разумов внутри этих аппаратов не мог забыть, что их тела наверху выполняют неизвестные поручения и подвергаются непредсказуемым опасностям. В любой момент тело, например, этой бетономешалки, могло умирать… заболевать… впадать в

---

[3] Сноски: 3

Шлам — тонко измельченные сырье или отходы при инженерной разработке горного продукта, составляющие пылевые и мельчайшие его части. — *Прим. ред.*

наркотическую кому или с шутками и прибаутками рисковать лишиться рук и ног в жестоком спортивном состязании. Естественно, это не смягчало характеры.

Для машин не существовало таких понятий, как отдых, сон или перерывы на кофе — работа не останавливалась. Пулчер, вспомнив наконец, что прибыл сюда с определенной задачей, а не с целью искупить какой-то позабытый грех, попытался проанализировать собственные ощущения и поставить себя на место других.

Во всем чувствовалась какая-то неоправданная *жестокость*. Пулчер совершенно ясно понял, почему любой, у кого был опыт аренды, никогда не хотел его повторять. Но зачем настолько неприятные ощущения? По крайней мере условия для разума-арендодателя в корпусе машины можно было бы сделать более сносными — тактильные ощущения видоизменить с боли на какой-нибудь приемлемый вариант без полной потери чувствительности, которая поставила бы под угрозу работоспособность.

Он с тоской подумал, не занимала ли Мадлен когда-то именно эту машину.

Затем задался вопросом, сколько среди подрывников и землекопов женщин, а сколько

мужчин. Казалось неправильным, что их сверкающая наружность из нержавеющей стали или фосфобронзы ни намеком не выдавала возраст или пол. «Женщинам нужно давать работу полегче», — рассеянно подумал он, а затем понял, что это ерунда. Ведь какая разница? Ты можешь вкалывать как проклятый, а вернувшись наверх, стать здоровым и отдохнувшим…

И у него тут же закружилась голова от беспокойства — он понял, что та же самая мысль вполне могла посетить и туриста, находившегося в арендованном теле.

Пулчер облизнул свои не-губы и еще яростнее, чем прежде, набросился ковшами на песок.

— Ладно, Мак. — Рядом снова оказался знакомый стальной жук. — Давай, возвращайся к платформе, — проворчал он. — Думаешь, мне хочется тащить тебя обратно? Время вышло. Верни гусеницы на место.

Еще ни один приказ не выполнялся с такой радостью.

Но мастер добрался до Пулчера поздновато: едва тот вкатился на стоянку и начал разворачивать лязгающий стальной каркас, как его пронзила боль и все оборвалось…

Пулчер понял, что борется с окутавшим его

мягким кожухом, который тут называли «выжималкой».

— Расслабься, приятель, — успокаивал далекий голос. Внезапно давление с лица исчезло и голос зазвучал ближе. — Вот и ты. Хорошо поспал?

Пулчер сбросил с ног эластичный материал. Сел.

— Ох! — выдохнул он и потер глаз.

Человек у изголовья смотрел сверху вниз и ухмылялся.

— Знатный синяк. Наверное, хорошая была вечеринка. — С этими словами он снял удерживавшие адвоката сегменты упругого кожуха. — Тебе повезло. Я видел, как сюда возвращались со сломанными ногами, выбитыми зубами, даже с пулевыми отверстиями. Если бы я рассказал, ты бы не поверил, приятель. Особенно девчонки. — Он протянул Пулчеру полотенце. — Ладно, ты здесь закончил. Не беспокойся насчет глаза, приятель. Синяку уже два-три дня. Еще день или два, и ты его даже не заметишь.

— Эй! — воскликнул Пулчер. — Что значит «два-три дня»? Как долго я пробыл… внизу?

Мужчина скучающе взглянул на браслет с зеленой меткой на запястье Пулчера.

— Давай-ка глянем. Сегодня четверг… Шесть

дней.

— Но я подписался только на двадцать четыре часа!

— Конечно, ты подписался. Плюс экстренные переработки, естественно. Как ты думаешь, приятель, агентство станет выселять туриста-транжиру только потому, что ты хочешь вернуть свое тело через двадцать четыре часа? Не станет. Ты же понимаешь. Агентство потеряет на этом целое состояние.

Пулчера бесцеремонно подняли на ноги и сопроводили к дверям.

— Если бы только эти дурни читали мелкий шрифт, — скорбно обратился мужчина к своему помощнику, когда Пулчер уходил. — Ну что ж, будь у них мозги, они вообще не стали бы связываться с арендой. И где бы мы с тобой тогда работали?

Дверь закрылась и заглушила их смех.

Шесть дней! Майло пулей пронесся через медицинский осмотр, получение одежды, выплату в кассе.

— Поторопитесь, пожалуйста, — повторял он. — Не могли бы вы поторопиться, пожалуйста?

Пулчеру не терпелось добраться до телефона. Но он уже прекрасно представлял, чем закон-

чится этот звонок. Пять дополнительных дней! Неудивительно, что там, внизу, все тянулось так долго, пока время в городе шло своим чередом.

Наконец он нашел телефон и быстро набрал служебный номер офиса судьи Пегрима. Судьи на месте быть не могло, и Пулчер это знал. Он хотел поговорить с секретаршей судьи.

— Мисс Киш? Это Майло Пулчер.

Ее голос прозвучал холодно:

— А, *теперь* вы появились. И где же вы находились? Судья был в *ярости*.

— Я… — Он не надеялся объяснить ей; он едва мог объяснить произошедшее самому себе. — Я расскажу вам позже, мисс Киш. Пожалуйста. Что с делом о похищении?

— Что ж, слушание прошло вчера. Поскольку мы не смогли вас найти, судье пришлось назначить другого адвоката. Естественно. В конце концов, мистер Пулчер, адвокат должен присутствовать в суде, когда его клиенты…

— Я знаю. Мисс Киш, что случилось?

— Слушанье началось и закончилось. Все они заявили о невиновности, но процесс не продлился и двадцати минут. Улики не располагали к чему-то другому, видите ли. Приговор вынесут сегодня днем — я бы сказала, около трех часов.

Если вам интересно.

IV

Голубой снег.

Пулчер расплатился с таксистом и взбежал по ступенькам здания суда. А когда уже тянулся к двери, увидел трех торжественно выплывающих из-за угла эфирелей. Как адвокат ни спешил, он все же засмотрелся на них.

Шел четвертый час, но судья до сих пор не появился в зале. Зрителей не было, но шестеро обвиняемых уже сидели на своих местах, рядом бездельничал судебный пристав. Стол адвоката занимал — Пулчер прищурился — о, Донли! Пулчер немного знал его. Молодой, с хорошими политическими связями — это объясняло, почему суд нанял его, когда Пулчер не явился, — но в остальном не особенно впечатляющий.

Мадлен Голтри при приближении Пулчера подняла взгляд, а затем отвела в сторону. Один из парней заметил адвоката, нахмурился, что-то прошептал остальным. Выражений их лиц было достаточно, чтобы он упал духом.

Пулчер сел за стол рядом с Донли.

— Привет. Не возражаешь, если я присоединюсь?

Тот помотал головой.

— О, привет, Чарли. Конечно. Не ожидал увидеть тебя здесь. — Он рассмеялся. — Послушай, твой глаз выглядит довольно плохо. Я полагаю…

Донли замолчал. Что-то в его лице изменилось. По-детски припухлые юношеские щеки стали выглядеть тверже, старше, обеспокоенней. Донли плотно сжал губы.

Пулчера это озадачило.

— В чем дело? Тебе интересно, где я был?

— Ты не можешь винить меня за это, — раздался сухой ответ.

— Я не мог иначе, Донли, пытался собрать доказательства — не то чтобы сейчас это сильно помогло. Однако я выяснил одну вещь. Даже юрист может совершить ошибку, читая контракт. Ты знаешь, что «Туристическое агентство» имеет право удерживать тело на срок до сорока пяти дней, независимо от первоначального соглашения? Так и прописано. Наверное, мне повезло: меня задержали всего на пять суток.

Лицо Донли не расслабилось.

— Это интересно, — уклончиво ответил он.

Реакция молодого человека была в высшей степени странной. Пулчер мог понять подколки — мог бы даже понять подобную холодность,

исходи она от кого-то другого, — но такое серьезное отношение к простой небрежности было непохоже на Донли.

Но, прежде чем Майло смог определить, что же именно не так, коллега поднялся на ноги.

— Встань, Пулчер, — произнес он театральным шепотом. — Судья идет!

Пулчер вскочил.

Судья Пегрим буравил его взглядом, который царапал, как сверло с алмазным наконечником. В политизированном и в меру коррумпированном обществе Альтаира-9 этот человек выделялся серьезным отношением к своей работе и ожидал того же от окружающих.

— Мистер Пулчер, — обманчиво мягко проговорил он, — ваше присутствие — большая честь для нас.

Пулчер начал было объясняться, но судья от него отмахнулся.

— Мистер Пулчер, вы знаете, что адвокат является сотрудником суда? И, как сотрудник суда, должен знать свои обязанности и выполнять их?

— Ваша честь, я считал, что выполняю их. Я…

— Мы с вами обсудим это в другое время, мистер Пулчер. Сейчас нам предстоит разобраться с довольно неприятной задачей. Судебный при-

став! Давайте начнем.

Все закончилось за десять минут. Донли подал пару рутинных ходатайств, но не было никаких сомнений в том, что произойдет дальше. Именно то, что и произошло. Каждого из подсудимых приговорили к десяти годам лишения свободы. Судья огласил приговор с отвращением, объявил перерыв в заседании и удалился. На Майло Пулчера он не смотрел.

Мгновение Пулчер пытался поймать взгляд Мадлен. Ему удалось. Потрясенный, он отвернулся и врезался в Донли.

— Не понимаю, — пробормотал Пулчер.

— Чего ты не понимаешь?

— Ну, тебе не кажется, что это довольно жесткий приговор?

Донли пожал плечами. Ему было не особенно интересно. Пулчер вгляделся в похожее на маску молодое лицо. Там не было ни капли сочувствия. В каком-то смысле это было даже странно. Лицо из кремня. Тяжелое положение шести молодых людей, обреченных провести десять лет своей жизни в тюрьме, нисколько Донли не трогало.

— Пожалуй, пойду повидаться с Чарли Диконом, — удрученно сказал Пулчер.

— Иди, — коротко ответил Донли и отвернул-

ся.

Но Пулчер не смог найти Чарли. Того не было ни в офисе, ни в клубе.

— Нет, — сказал Поуп Крейг, словоохотливый отставной лейтенант полиции, который был президентом клуба и использовал его штаб-квартиру в качестве салона для игры в шашки. — Я не видел Чарли пару дней. Но сегодня вечером ужин. Там его и найдешь. — Он не спрашивал, собирается ли адвокат на ужин, Крейг знал, что собирается. В конце концов, приглашения распространял Чарли. Там будут *все*.

Пулчер вернулся в свою квартиру.

Впервые после возвращения тела Майло пристально изучил его. Зеркало в ванной подтвердило, что фингал действительно впечатляющий. К тому же резкие боли заставили раздеться и осмотреть спину. Глядя через плечо на свое отражение, Пулчер мрачно думал, что тот, кто арендовал его тело, похоже, прекрасно провел время. И мысленно сделал пометку в ближайшее время пройти полное обследование на всякий случай. Затем принял душ, побрился, без особого эффекта намазал тальком синяк под глазом и оделся.

После он сел, налил себе выпить и тут же забыл о стакане. Пулчер задумался. Что-то крутилось

в голове. Что-то совершенно очевидное, но не дававшееся в руки. Это сильно раздражало.

Он поймал себя на том, что сонно размышляет об эфирелях.

«Черт возьми, — ворчливо подумал Майло, — постоялец даже не потрудился дать телу как следует выспаться!» Но ложиться не хотелось, не сейчас. Вечер только начался. Пулчер предполагал, что ужин в честь Дня Честера А. Артура по-прежнему обязателен, но до него еще несколько часов…

Он встал, вылил нетронутый напиток в раковину и вышел. Можно было попытаться сделать еще кое-что, чтобы помочь Мадлен. Скорее всего, не сработает. Но тут ничего не сработает, так почему бы и не попробовать.

Особняк мэра был залит светом, там что-то происходило.

Пулчер прошел по длинной, петляющей подъездной дорожке, устало преодолевая слякоть, которая сразу же забрызгала его лодыжки. Затем осторожно постучал в дверь.

Дворецкий с сомнением повторил его имя, изолировал Майло в гостиной с обеззараживающими лампами, а сам отправился узнать, согласится ли мэр принять подобного визитера.

И вернулся с недоверчивым видом — хозяин согласился.

Мэр Суинберн был поджарым, следящим за своим здоровьем мужчиной среднего роста, и лишь по редеющим волосам становилось понятно, что ему за сорок.

— Господин мэр, думаю, вы знаете, кто я такой. Я представляю шестерых ребят, обвиняемых в похищении вашего сына.

— Они не обвиняемые, мистер Пулчер. Их уже осудили. И я не знал, что вы все еще представляете их интересы.

— Вижу, вы в курсе положения дел. Хорошо. Возможно, в юридическом смысле я их больше не представляю. Но мне хотелось бы сделать сейчас несколько заявлений от их имени — совершенно неофициальных. — Он вкратце изложил мэру, что произошло, как он сдал тело в аренду, что при этом обнаружил и почему пропустил слушание. — Видите ли, сэр, «Туристическое агентство» не проявляет к своим арендодателям даже обычной вежливости. Они просто тела, ничего более. Не могу винить тех, кто изо всех сил старается этого избежать.

— Мистер Пулчер, мне ведь не нужно напоминать, что остатки нашей экономики в значитель-

ной степени зависят от доходов агентства? — с угрозой произнес мэр. — Как и то, что некоторые из достойнейших наших граждан входят в число акционеров?

— Включая вас, господин мэр. Верно. — Пулчер кивнул. — Но, возможно, управляют им не в соответствии с вашими пожеланиями и представлениями. Я продолжу. Думаю, сэр, что каждый контракт, заключенный «Туристическим агентством» с арендодателем, должен быть аннулирован как противоречащий общественным интересам. Сдача своего тела в аренду, которая вполне может повлечь за собой нарушение закона — и, судя по опыту, это происходит в девяти случаях из десяти, — то же самое, что заключение контракта на совершение любого другого незаконного действия. Такой контракт просто не может быть приведен в исполнение. Общее право дает нам множество прецедентов на этот счет, и…

— Пожалуйста, мистер Пулчер., я не судья. Если вы так сильно переживаете, почему бы не обратиться с этим в суд?

Пулчер обессиленно откинулся на спинку кресла.

— Нет времени, — признался он. — И кроме

того, уже слишком поздно для помощи тем шестерым, которые меня интересуют. Желание избежать сдачи в аренду уже подтолкнуло их к еще более тяжелому преступлению. Я просто пытаюсь объяснить это вам, сэр, потому что вы — единственная надежда. Вы можете их помиловать.

Лицо мэра стало свекольно-красным.

— Помилование? От *меня*? Для *них*?!

— Они не причинили вреда вашему мальчику.

— Нет, не причинили, — согласился мэр. — И я уверен, что участие по крайней мере миссис Голтри не было добровольным. Но можете ли вы сказать то же самое о других? И могла ли она предотвратить это? — Он встал. — Мне жаль, мистер Пулчер. Ответ — нет. А теперь вы должны меня извинить.

Пулчер поколебался, затем смирился с отказом. Дел больше не осталось.

В мрачном настроении направился он по коридору к выходу, едва замечая прибывающих гостей. Очевидно, мэр устроил коктейльную вечеринку для немногих избранных. Кого-то Пулчер узнал — например, Лью Йодера, окружного налогового инспектора. Вероятно, мэр пригласил кое-кого из политиков в белых воротничках вы-

пить перед обязательным появлением на ужине по сбору средств. Пулчер поднял взгляд, мрачно кивнул Йодеру и пошел дальше.

— Чарли! Какого дьявола ты здесь делаешь в таком виде?

Пулчер резко выпрямился. Дикон здесь? Адвокат огляделся по сторонам.

Но лидера партии нигде не было видно. По коридору шел лишь Йодер. И, как ни странно, смотрел прямо на Пулчера! И говорил только что именно Йодер.

Его лицо застыло. Выражение на нем было непонятное, но уже знакомое Пулчеру. Сегодня он видел такое же — у того сопляка, Донли, который заменил его в суде.

— А, Майло, это ты, — сконфуженно сказал Йодер. — Привет. Я, э-э, принял тебя за Чарли Дикона.

Пулчер почувствовал, как волосы у него на затылке встали дыбом. Происходило что-то странное. Очень странное.

— Совершенно естественная ошибка, — произнес он. — Мой рост шесть футов, а у Чарли пять футов три дюйма. Мне тридцать один год, ему пятьдесят. Я темноволосый, а он почти лысый. Не знаю, как нас вообще различают.

— О чем, черт возьми, ты говоришь? — возмутился Йодер.

Пулчер пару секунд задумчиво смотрел на него.

— Тебе повезло, я не уверен, что сам понимаю, — признал он. — Но надеюсь выяснить.

V

Некоторые вещи не меняются. Вход в «Новое столичное кафе и гриль для настоящих мужчин» украшал длинный алый баннер:

ВАШ ЕДИНЫЙ ГОЛОС ЗА НАШ ЕДИНЫЙ СПИСОК.

По бокам от двери висели большие плакаты с портретами мэра и лидера партии Дикона. Небольшой приземистый грузовичок с громкоговорителями, припаркованный рядом, гремел древними маршами вроде тех, под которые на Земле больше двухсот лет назад проходили политические собрания. Предстоял совершенно традиционный политический ужин для сбора средств, на котором подадут совершенно традиционный консервированный ростбиф, по одному бесплатному (традиционно разбавленному) «Манхэттену» и в завершение произнесут традиционно скучные речи (за исключением одной). Майло Пулчер топтался перед дверями в вечной слякоти, смотрел на созвездия, видимые с Альтаира-9, и гадал, наблюдают ли эти звезды ты-

сячи точно таких же сборищ по всей Галактике. Политическая жизнь продолжается, где бы ты ни находился. Созвездия, конечно, были бы другими, например, Белка и Орех были исключительно местными и подобных не имелось ни в одной другой системе. Но…

Пулчер заметил высокую худощавую фигуру, которую ждал, и шагнул в поток мелких политработников, игнорируя их приветствия.

— Судья, я рад, что вы пришли.

— Я дал тебе слово, Майло, — холодно произнес судья Пегрим. — Но тебе придется за многое ответить, если это ложная тревога. Обычно я не посещаю партийные политические мероприятия.

— Это не обычное дело, судья.

Пулчер провел его в зал и усадил за стол, который подготовил для них. Раньше там лежали карточки четырех работников избирательной комиссии из складского района, которые теперь сердито переходили от столика к столику: их карточки Пулчер припрятал.

— Присутствие на подобных мероприятиях несовместимо с моей должностью, Майло, — проворчал судья. — Мне это не нравится.

— Знаю, судья. Вы честный человек. Вот почему

я хотел, чтобы вы были здесь.

— М-м-м.

Пулчер покинул его прежде, чем «м-м-м» успело перерасти в вопрос. Он достаточно попрактиковался в отбивании вопросов, пока полчаса задумчиво расхаживал взад-вперед перед особняком мэра. Ему хватило. Пулчер огибал столы, направляясь в отдельный зал, где оставил своих особых гостей, когда его за руку схватил Чарли Дикон.

— Эй, Майло! Вижу, ты вытащил судью. Молодец! Он как раз то, что нам было нужно, чтобы сделать этот ужин идеальным.

— Ты даже не представляешь, насколько идеальным, — любезно ответил Пулчер и пошел дальше. Он не оглядывался. Ведь это был еще один потенциальный источник вопросов, а на вопрос лидера партии еще труднее ответить, чем на вопрос судьи. Кроме того, Пулчер хотел увидеть Мадлен.

Девушку и пятерых ее сообщников он нашел там же, где их оставил, — в приватном баре, который никогда не использовался для подобных мероприятий. Оттуда не было видно возвышения со столами главных гостей, а вот слышно было отлично, что гораздо важнее.

Парни нервничали, каждый на свой лад. Хотя их осудили лишь день назад, а приговор вынесли считай вот только что, они быстро привыкли к роли заключенных. Такой внезапный выход под залог стал сюрпризом. Они этого не ожидали. И нервничали. Фолтис дергался и что-то бормотал под нос. Хопгуд уныло сидел в углу, пуская кольца дыма. Джимми Лассер строил замок из кусочков сахара.

Только Мадлен не волновалась.

Когда вошел Пулчер, она спокойно подняла взгляд:

— Порядок?

Он скрестил пальцы и кивнул.

— Все будет хорошо, — сказала она.

Пулчер моргнул. «Все будет хорошо». Это должны были быть его слова, а не наоборот. Ему пришло в голову, что была лишь одна возможная причина ее уверенности.

Мадлен доверяла *ему*.

Однако остаться он не мог. Банкетный зал был уже полон, и раздраженные официанты с грохотом ставили тарелки перед верными слугами партии. Несколько дел следовало уладить в последнюю минуту. Пулчер, старательно избегая взгляда судьи Пегрима, воинственно восседавше-

го в одиночестве за столиком возле сцены, быстро прошел через зал к отцу Джимми Лассера и без вступления произнес:

— Хотите помочь своему сыну?

— Дешевый мошенник! — зарычал Тим Лассер. — Ты даже не явился на суд! Как у тебя хватает наглости подобное спрашивать?

— Заткнитесь. Я задал вам вопрос.

Лассер поколебался, затем что-то прочитал в глазах Пулчера и проворчал:

— Ну, конечно, хочу.

— Тогда скажите мне кое-что. Это покажется неважным. Но это важно. Сколько винтовок вы продали за прошлый год?

Вид у Лассера стал озадаченным, но торговец ответил:

— Не так много. Может, с полдюжины. Знаешь, дела повсюду идут паршиво с тех пор, как закрылась «Сосулька».

— А в обычный год?

— О, три или четыре сотни. Это серьезный туристический товар. Понимаешь, чтобы охотиться на эфирель, нужны ружья для холодной стрельбы. Обычная пуля рыбу поджигает — водород взрывается. Я единственный торговец спортивными товарами в городе, который продает такие ружья,

и… Так какое отношение это имеет к Джимми?

Пулчер глубоко вздохнул.

— Останьтесь здесь и узнаете. А пока подумайте о том, что сейчас рассказали мне. Если винтовки — туристический товар, почему же закрытие фабрики «Сосулька» повредило вашей торговле?

Он отошел.

Но недостаточно быстро. К нему подбежал Чарли Дикон и схватил за руку, лицо у него было разъяренным.

— Эй, Майло, какого черта! Я только что услышал от Сэма Апфела — поручителя, — что ты опять вытащил всю эту шайку из тюрьмы под залог. Как так вышло?

— Они мои клиенты, Чарли.

— Давай без этого! В любом случае как ты их вытащил, если они уже осуждены?

— Я собираюсь обжаловать это дело, — мягко сказал Пулчер.

— Тебе не на что опереться. И вообще, зачем Пегриму выпускать их под залог?

Пулчер указал на стол одинокого судьи.

— Спроси его, — предложил он и отошел.

Пулчер знал, что сжигает за собой великое множество мостов. Это было волнующее чувство. Тревожное, но бодрящее, и он решил, что

это ему нравится. Оставалось последнее дело. Отделавшись от помрачневшего, но замолчавшего лидера партии, Пулчер кружным путем направился к сцене. Дикон возвращался к своему столику и не видел этого — лучший шанс Пулчеру не выпал бы.

— Привет, Поуп, — сказал он.

Поуп Крейг посмотрел на него поверх очков.

— О, Майло. Я просматривал список. Как думаешь, никого не забыл? Чарли хотел, чтобы я представил всех старших по кварталам и остальных важных персон. Ты знаешь кого-нибудь важного, кого нет в этом списке?

— Именно по этому поводу хотел поговорить с тобой, Поуп. Чарли сказал, чтобы ты выделил мне несколько минут. Я хочу произнести пару слов.

— Ох, Майло, если ты произнесешь речь, — возбужденно возразил Крейг, — все тоже захотят! Зачем тебе это? Ты же не кандидат.

Пулчер загадочно подмигнул.

— А как насчет следующего года? — лукаво солгал он.

— Ох. О-хо. — Поуп Крейг кивнул, вернулся к своему списку и забормотал под нос: — Что ж, в *таком* случае, думаю, я могу пристроить тебя после старших по кварталам или, может быть,

после человека из офиса шерифа…

Но Пулчер уже не слушал. Он направлялся обратно в приватный бар.

Человек завоевал весь космос в пределах почти пятидесяти световых лет от старого Солнца, тусклого и желтого, но в этом главном банкетном зале политиканы говорили о давно умерших президентах почти забытых стран прошлых столетий. Пулчеру оставалось только слушать — по крайней мере, он позволял звукам вибрировать в барабанных перепонках, поскольку слова не имели для него особого смысла. Если в политических речах вообще содержалось хоть что-то осмысленное. Но они успокаивали.

И, кроме того, не позволяли шестерым малолеткам приставать к нему с вопросами. Мадлен тихо сидела сбоку от него, по-прежнему совершенно расслабленная и слегка пахнущая каким-то цветочным ароматом. В целом, это был самый приятный момент из тех, что Пулчер мог припомнить за последнее время. Жаль, что скоро придется его прервать…

Очень скоро.

Приглашенный гость бубнил банальные приветствия. Заезжие знаменитости сказали по несколько слов. Снова раздался звучный голос

старого Поупа Крейга:

— А теперь я хочу представить нескольких замечательных партийных служащих из наших местных округов. Это Кит Чиккарелли из района Хиллсайд. Кит, встань и поклонись! — Сдержанные аплодисменты. — А это Мэри Бет Уайтхерст, глава женского клуба из Ривервью! — Сдержанные аплодисменты и свист — несомненно, язвительный. Мэри Бет была толстухой, и глубокая старость ей явно не грозила. Прозвучало еще несколько имен.

Пулчер почувствовал приближение ключевого момента за миг до того, как Поуп Крейг назвал его имя, и уже был на пути к сцене, когда тот произнес:

— А вот прекрасный молодой адвокат и верный член партии — именно такой молодой человек нам нужен — Майло Пулчер!

Снова сдержанные аплодисменты. Они были, скорее, привычкой, но Пулчер почувствовал вопросительные шепотки, которые пронеслись по залу.

Он не дал вопросам шанса разрастись. Бросил взгляд на пятьсот преданных партии лиц, уставившихся на него, и заговорил:

— Господин мэр. Судья Пегрим. Почетные гости.

Леди и джентльмены. — Таков был протокол. Пулчер сделал паузу. — То, что я должен сказать вам сегодня вечером, — это своего рода комплимент. И сюрприз для старого друга, сидящего прямо здесь. Этот старый друг — Чарли Дикон.

Он швырнул это имя в слушателей. То был особый политический трюк — тон голоса приказывал: сейчас хлопайте. И вокруг захлопали. Очень хорошо, поскольку теперь Чарли было бы трудно придумать предлог, чтобы прервать речь — а скоро он сообразит, что должен это сделать.

— Вдали, на суровой границе межзвездного пространства, проводим мы свою изолированную жизнь, леди и джентльмены. — Раздался ропоток, и Пулчер его уловил. Слова были более или менее правильными, но не было правильного политического посыла, и аудитория поняла: что-то не так. Истинный политик сказал бы: «Эта прекрасная, расширяющаяся граница среди величайших созвездий межзвездного пространства». Пулчер ничего не смог поделать. Теперь придется полагаться на скорость. — Нам иногда следует задумываться, насколько же мы изолированы. У нас есть торговые отношения благодаря фабрике «Сосулька» — теперь закрытой. У нас есть

туризм в оба направления благодаря «Туристическому агентству». У нас есть ультраволновые сообщения, также благодаря «Туристическому агентству». И это, пожалуй, все.

Это очень тонкая связь, леди и джентльмены. Крайне тонкая. И сегодня вечером я здесь для того, чтобы сказать вам: все было бы гораздо хуже, если бы не мой старый друг — да, лидер партии Чарли Дикон!

Он снова выкрикнул имя и заработал аплодисменты. Но те были озадаченными и быстро стихли.

— Дело в том, леди и джентльмены, что практически за каждого туриста, посетившего в прошлом году Альтаир-9, личную ответственность несет Чарли Дикон. Кем же были эти туристы? Не бизнесменами, ведь никакого бизнеса нет. Не охотниками. Вон, спросите Фила Лассера, он продал недостаточно рыболовного снаряжения, чтобы это произвело хоть какое-то впечатление. Спросите себя, если уж на то пошло. Кто из вас наблюдал недавно эфирель прямо в городе? Вы знаете почему? Потому что на них больше не охотятся! Здесь нет туристов, чтобы охотиться на них.

Пришло время говорить прямо.

— Дело в том, леди и джентльмены, что туристы, которые нас посещали, вовсе не были туристами. Это были местные — жители Альтаира-9. Некоторые из них находятся прямо в этом зале! Я это знаю, поскольку сдавал себя в аренду на несколько дней. И знаете, кто арендовал мое тело? Чарли. Сам Чарли! — Краем глаза он наблюдал за Лью Йодером. Лицо налогового инспектора посерело, он, казалось, съежился. Однако Пулчер наслаждался этим зрелищем. В конце концов, он был в некотором долгу у Лью Йодера, ведь именно его оговорка вывела, наконец, блуждающие мысли на правильную дорогу. Пулчер торопливо продолжил: — И все это сводится к тому, леди и джентльмены, что Чарли Дикон и горстка его высокопоставленных друзей — большинство из них сейчас здесь! — прервали связь между Альтаиром-9 и остальной Галактикой!

Дело сделано.

Раздались крики, а самый громкий вопль исходил от Чарли Дикона.

— Вышвырните его вон! Арестуйте его! Крейг, позови пристава! Я заявляю, что не обязан сидеть здесь и слушать этого маньяка!

— А я заявляю, что обязаны, — прогремел холодный голос судьи Пегрима, который встал и

приказал: — Продолжайте, Пулчер! Я пришел сюда этим вечером, чтобы услышать то, что вы хотите сказать. Возможно, это заблуждение. Возможно, правда. Я намереваюсь дослушать до конца, прежде чем принимать решение.

Слава небесам за холодного старика! Пулчер вступил прежде, чем Дикон смог найти новое направление атаки. В любом случае сказать осталось немного.

— История проста, леди и джентльмены. Фабрика «Сосулька» была самой прибыльной корпорацией в Галактике. Мы все это знаем. Вероятно, у каждого в этом зале было по паре акций. У Дикона их имелось предостаточно. Но он хотел больше. И не хотел за них платить. Поэтому воспользовался своим влиянием на «Туристическое агентство», чтобы прервать внешнюю связь Девятки. Он распространил слух, что альтамицин теперь бесполезен, поскольку какой-то вымышленный персонаж изобрел новый дешевый заменитель. Он закрыл фабрику «Сосулька». И последние двенадцать месяцев скупает запасы по дешевке, пока остальные из нас голодают, а альтамицин, в котором по-прежнему нуждается вся Галактика, остается прямо здесь, на Альтаире-9, и…

Он замолчал не потому, что у него закончились

слова, а потому, что никто уже не мог их услышать. Шум толпы был уже не озадаченным, а свирепым. Сработало. Кроме банды манипуляторов Дикона, едва ли в зале нашелся бы человек, который не понес серьезных потерь за прошедший год.

Настало время для полиции, которую с недовольным видом предупредил судья Пегрим, когда Пулчер пригласил его на ужин. Полицейские ворвались в зал, едва успев вовремя. Они были нужны не столько для ареста Дикона, сколько для того, чтобы спасти лидера партии от линчевания.

Несколько часов спустя, провожая Мадлен домой, Майло все еще бурлил от восторга.

— Я беспокоился о мэре! Не мог понять, был он в этом замешан или нет. Хорошо, что не был, поскольку он сказал, что должен мне услугу, а я сразу ответил, как ее можно оказать. Помилование. Утром вы шестеро будете свободны.

— Я уже достаточно свободна, — сонно ответила Мадлен.

— А «Туристическое агентство» больше не сможет навязывать свои контракты. Я обсудил это с Пегримом. Он не сделал официального заявления, но… Мадлен, ты не слушаешь.

Она зевнула.

— Очень утомительный день, Майло, — извиняясь, улыбнулась она. — В любом случае ты сможешь рассказать мне все позже. У нас будет уйма времени.

— Годы и годы, — пообещал он. — Годы и…

Они замолчали. Механический водитель такси, пробиравшийся закоулками, чтобы избежать недовольства отвергнутых ими живых водителей, взглянул на пассажиров поверх своих конденсаторных ячеек и усмехнулся, озарив ночь крошечными искорками.

Парень, который женился на дочке Максилла. Уорд Мур (1903–1978)

The magazine of fantasy and science fiction
февраль

Уроженец Нью-Джерси, Уорд Мур сменил много занятий, вплоть до разведения кур, но бессмертие обрел как автор романа «Дарю вам праздник» (1953), по праву одного из величайших произведений в жанре альтернативной истории. Мало кто помнит, но вышло оно в весьма элитном нью-йоркском издательстве Farrar Straus (ныне Farrar, Straus & Giroux), где не было специальной серии, посвященной НФ (что в 1950-е, увы, не редкость). Оказавшиеся в тени этого романа другие великолепные произведения Мура – Greener Than You Think («Зеленее, чем ты думаешь», 1947), который по-прежнему в числе моих любимейших романов-катастроф, Joyleg («Джойлег», 1962, в соавторстве с Аврамом Дэвидсоном) и Caduceus Wild («Тирания кадуцея», 1978, в со-

авторстве с Робертом Брэдфордом) – такой известности не снискали.

Однако гораздо бóльшая потеря, что так и не увидел свет сборник короткой прозы Мура, куда вошли бы другие его выдающиеся работы: прежде всего Adjustment («Корректировка», 1957), Frank Merriwell in the White House («Фрэнк Мерривелл в Белом доме», 1973), Lot («Лот», 1953), Lot's Daughter («Дочери Лота», 1954) – и рассказ, который мы предлагаем вашему вниманию. Уорд Мур заслуживает лучшего. (М. Г.)

Еще со времен «Войны миров» Герберта Уэллса мы привыкли видеть в пришельцах извне угрозу – иррациональных врагов Земли и человечества. Несть числа сюжетам, в которых инопланетяне приносят лишь гибель и разрушения. Мне всегда казалось, что так мы проецируем свое собственное поведение при встрече с чужой цивилизацией, взять хоть монголов в Европе или европейцев в Африке и Америке.

Порой, впрочем, пришельцы предстают перед нами не безмозглыми чудовищами, а вовсе даже наоборот, как, допустим, в фильме «Инопланетянин». Или в рассказе «Парень,

который женился на дочке Максилла». (А. А.)

Спустя пару недель Нэн уже кое-как его понимала. Нэн — это третья дочка Максилла; в Хенритоне ее называли «оторвой». Впрочем, то же сначала говорили про Глэдис, которая теперь важная особа в Ордене Восточной звезды[4], а затем про Мьюриел, ныне жену крупнейшего продавца мебели и скобяных изделий в Хенритоне и мать самых очаровательных близняшек округа Эвартс. Однако к Нэн прозвище прилипло куда крепче.

Все знали, что Максилл купил ферму старика Джеймсона, восемьдесят акров совершенно никчемной и убогой земли, через год после начала президентства Калвина Кулиджа[5], потому что ему — в смысле, Малколму Максиллу, не Кули-

---

[4] Сноски: 4

Орден Восточной звезды — парамасонская организация, созданная в 1850 году юристом и педагогом Робом Моррисом. Членство в ней открыто как для мужчин, так и для женщин (прежде всего жен, вдов, сестер, дочерей и матерей мужчин-масонов).

[5] Сноски: 5

Джон Калвин Кулидж-младший — 30-й президент США (1923–1929), вступил в должность после скоропостижной кончины Уоррена Гардинга, при котором был вице-президентом. Штаты при нем переживали бурный экономический рост (этот период также называют «ревущими двадцатыми»), но уже при преемнике Кулиджа, Герберте Гувере, случился масштабный экономический кризис, известный как Великая депрессия.

джу — хотелось обустроить винокурню подальше от посторонних глаз. Нужно ли удивляться, что шестеро детей, все девочки, с таким папашей стали оторвами? Не то чтобы в Хенритоне или даже в округе Эвартс строго блюли сухой закон и лично уважали Эндрю Волстеда[6], но покупать время от времени так называемые полпинты (или «глоток за свободу», как, слегка потупясь, говаривали парни покрепче) — это одно, а поощрять бутлегерство и самогоноварение у себя под боком — совсем другое.

Теперь, ясное дело, с самогоном было покончено. Сухой закон уже два года как отменили, и хенритонцы больше переживали не за моральный облик Максилла, а за то, как он станет кормиться со своей бесплодной земли. Другое дело Нэн: ее неоднократно замечали лобызающейся в автомобилях (одном «вели» и одном «рикенбакере»[7]) с разными парнями, и бог знает сколько

---

[6] Сноски: 6

Эндрю Джон Волстед — член палаты представителей Конгресса США от штата Миннесота. Известен как автор Национального закона о запрете алкоголя, также называемого «законом Волстеда», с принятия которого начинается период «сухого закона», продлившийся с 1920 по 1933 год.

[7] Сноски: 7

«Вели» (англ. Velie) — американские легковые автомобили с кузовом типа «родстер», производившиеся корпорацией «Вели Моторз» с 1908 по 1928 год. «Рикенбакер» (англ. Rickenbacker) — американские седаны, производившиеся в Детройте с 1922 по 1927 год.

раз она занималась тем же, когда никто не видел. По совести, поговаривали хенритонцы — не говоря уже о жителях округа Эвартс, — следовало сообщить в полицию, ведь Нэн была еще подростком. К тому же вела она себя нагло и вызывающе; ей явно требовалась чья-нибудь твердая рука.

Идти к отцу, конечно же, никто не думал: все знали, что у него всегда наготове заряженное ружье (собственно, именно так Мьюриел обзавелась мужем и близняшками, хотя это досужие сплетни) и он не раз гонял любопытных. Да и вообще, с наступлением Депрессии у хенритонцев и без того хватало забот, а посему разговоры о полиции так и оставались разговорами. Но все равно такое отношение еще больше отчуждало Нэн Максилл и на пользу ее характеру не шло.

Его — ну, того парня (долгое время он обходился без имени: Максиллы и так знали, о ком говорят) — нашла Джоузи на южном выгоне, который уже давно перестал служить пастбищем: сплошные кочки, заросшие бурьяном да сорняками. В свои одиннадцать лет Джоузи была страшно застенчивой — родимое пятно на левой половине лица усугублялось всеми видами кожных болезней, и потому с семи лет девочка чуралась незнакомцев, предпочитая вообще никому на

глаза не показываться.

А вот от него она прятаться не стала. В ней вдруг пробудился природный детский интерес к людям, так долго подавляемый из-за их навязчивого внимания к ее болячкам. Хотя, как все потом отмечали, ничем особенным парень не выделялся. Да, одет он был странно, но в Хенритоне видали приезжих из Спокана и Сан-Франциско, одевавшихся еще чуднее. Лицо у него было чересчур румяное и лоснящееся, но в то же время утонченное: вроде и не фермер, который весь день проводит на солнце, однако и не из тех, кто зарабатывает на жизнь в тенистом магазине или офисе.

— Вы кто? — спросила Джоузи. — Папа не любит, когда чужие шляются. Как вас зовут?.. Наверное, вам лучше уйти: у папы ружье, и он правда знает, как из него стрелять. Что это на вас? Как будто кожа, только синяя, и швов не видать. А я хорошо шью. Это успокаивает, так что оторвой я точно не буду… Вы ведь не глухонемой, а, мистер? В Хенритоне живет мужчина, так он немой, глухой, да к тому же слепой. У него покупают карандаши, а монетки кидают в шляпу… Почему вы молчите? Папа вас точно прогонит. Странную вы мелодию напеваете. А свистеть умеете? У нас

в школе есть пластинка, я могу просвистеть ее целиком. «Полет шмеля» называется. Хотите послушать? Вот… Фу, и не надо такую рожу корчить! Не нравится, так и скажите… Жалко, конечно. Когда вы замычали — по мне, очень приятно, пусть вам мой свист и не понравился, — я подумала, вы любите музыку. Все Максиллы любят. Папа умеет играть на скрипке, как никто…

Позже она рассказывала Нэн (из сестер с Джоузи больше всего возилась она), что парень не делал вид, будто не понимает, как мексиканец какой-нибудь, а вел себя так, будто не смог бы понять, даже если бы знал точное значение каждого слова. Продолжая что-то мычать, уже другую мелодию, хотя и мелодией это не назовешь, так, обрывки, он вплотную приблизился к Джоузи, очень мягко коснулся ее лица — тогда она на его руки внимания не обратила, — и от прикосновения стало хорошо.

Потом парень пошел с Джоузи к дому, слегка приобняв ее за плечи — так казалось правильным и естественным.

— Он не говорит, — сказала девочка сестре. — Петь и свистеть тоже не умеет. Мычит чего-то, и все. Думаю, папа его прогонит. Может, он есть хочет?

— Твое лицо… — начала Нэн и, сглотнув, посмотрела на гостя.

Она была в плохом настроении и нахмурилась, уже готовая спросить, чего он тут забыл, или резко выпроводить его.

— Иди умойся, — велела она Джоузи; та послушно взяла эмалированный тазик и набрала воды. Нэн не сводила глаз с сестренки, и лицо ее слегка смягчилось. — Заходите. У нас есть яблочный пирог, только из печи.

А гость стоял как вкопанный с вежливой улыбкой и что-то мычал. Невольно Нэн улыбнулась в ответ, хотя была не в духе, да и вид Джоузи не давал ей покоя. Возраст парня на глазок определить не получалось. Непохоже, чтобы он брился, хотя и подросткового пушка не было, а глаза смотрели по-взрослому уверенно. Только светлые больно, что тоже озадачивало. Нэн всегда думала, что «темные» равно «красивые», но такое сочетание глаз и белесых волос заставило ее изменить мнение.

— Заходите, — повторила она, — яблочный пирог только испекся.

Гость внимательно изучал девушку, кухню за ее спиной, неухоженную землю вокруг, хотя, казалось бы, чего тут необычного? Нэн взяла его

за рукав, вздрогнула — будто коснулась чего-то живого, а не искусственного, ощутила шелк там, где ожидала хлопок, почувствовала металл, хотя видела дерево, и — затащила в дом. Парень не упирался, да и, оказавшись внутри, не выглядел стесненным. Однако вел себя все равно… как-то странно. Словно не знал, что на стул нужно сесть, а ложкой проломить корочку и выгребать вязкую, текучую сочную начинку, которую следует класть в рот, пробовать, жевать, глотать — есть, в общем. «Уж не кретин ли он?» — с ужасом подумалось Нэн, но одного взгляда хватило, чтобы отмести отвратительную мысль: парень явно был в своем уме и в полном здравии. И все же…

— Нэн! Нэн! — подбежала с криком Джоузи. — Я посмотрела в зеркало! Мое лицо!.. Ты видела?!

Нэн, снова сглотнув и бросив взгляд на гостя, кивнула.

— Похоже, последнее лекарство сработало. Или ты наконец переросла эту свою болячку.

— Оно… оно посветлело. И уменьшилось!

И правда, густо-лиловое родимое пятно стало меньше и светлее, а кожа вокруг очистилась и засияла. Нэн осторожно тронула сестрину щеку и поцеловала Джоузи в лоб.

— Я так рада.

Парень сидел за столом и снова что-то мычал. Вот же дурачок, беззлобно подумала Нэн.

— Вот, — произнесла она отчетливо, будто обращаясь к идиоту или иностранцу. — Еда. Смотри. Вот так. Кушай.

Тот послушно заглотил протянутую ложку с пирогом и принялся жевать. Нэн вздохнула с облегчением: не хватало еще каждый раз его уговаривать. Вот и ложку вроде сам держит, значит, кормить, как ребенка, не придется.

Раздумывая, налить ли гостю молока, девушка поколебалась, и ей стало стыдно. Нет, скупой она не была — за Максиллами такой черты не водилось, и все их недостатки проистекали как раз из чрезмерной щедрости, — просто удои упали, корова телиться не хочет (у отца с животными вообще не ладится), а детям нужно молоко, не говоря уже о том, что сама Нэн для жарки предпочитает сливочное масло салу… И все-таки негоже перед гостем…

Парень поднес стакан к губам, явно более привычный пить, чем есть, сделал глоток и тут же, закашлявшись, стал отплевываться. От такой невежливости и перевода продукта Нэн пришла в ярость — и только теперь обратила внимание на руки гостя. Кисти крепкие, возможно, чуть длин-

нее обычных. На каждой — три пальца против большого. Посажены широковато, но никаких следов уродства или ампутации. Просто-напросто парень не десятипалый, а восьмипалый.

Нэн Максилл была добрая душа. Ни разу в жизни она не топила котят, даже мышеловок не ставила. Тут же забыв про свое раздражение, она воскликнула:

— Вот бедняга!

Его непременно следовало оставить, а значит, нужно во что бы то ни стало уговорить отца. В конце концов, правила приличия — вопреки обычаю Максиллов — требуют гостеприимства. А если парень уйдет, Нэн ведь годами будет мучиться от неудовлетворенного любопытства! Гость, в свою очередь, намерений уйти не выказывал, продолжая с интересом рассматривать все и всех вокруг. Его мычание не было ни монотонным, ни надоедливым, а скорее даже приятным. В нем не угадывалось ни одной знакомой мелодии, но Нэн решила попробовать его повторить. Оказалось на удивление непросто: ее голосовые связки для таких звуков были не приспособлены.

Парень, однако, живо заинтересовался и промычал еще что-то. Нэн промычала в ответ, гость замычал радостнее. Какое-то время на кухне

Максиллов звучал необычный, неземной дуэт. Наконец Нэн показалось, будто от нее требуют больше, много больше, чем она может дать. В трелях гостя звучали такие едва различимые обертоны, что повторить их не представлялось возможным, и Нэн замолкла. Парень промычал нечто вопросительное и тоже затих.

Малколм Максилл вернулся домой не в духе. Всю зиму и еще месяц с небольшим летом он работал на зятя. Естественное недовольство столь унизительным положением усугублялось намеками скобянщика на «семейную благотворительность», мол, кому в округе Эвартс нужен бывший самогонщик? Максилл с нетерпением ждал того дня, когда продаст ферму (на ней не было никаких обременений, так как в бытность бутлегером Малколм, избегая ненужного внимания, с банками не связывался) и снова сможет работать на себя. Увы, с наступлением Депрессии даже хорошую ферму продать было непросто, а уж восемьдесят акров пустозема — тем более. Не ради выгоды, а скорее чтобы показать маловероятному покупателю потенциал хозяйства, Максилл держал корову, несколько свиней и курятник, каждую весну себе в убыток засаживал кукурузой порядка двадцати акров и нехотя

возился с засохшим фруктовым садом, который можно было только пустить на дрова — да и то за вырубку пришлось бы отвалить больше, чем выручишь от продажи.

— Ну и что ты тут забыл? — угрюмо спросил Максилл у парня.

Тот замычал в ответ. Нэн с Джоузи в один голос принялись объяснять, а Джесси с Джанет умоляли: «Папочка, ну, пожалуйста!»

— Ладно, ладно. Пусть поживет пару дней, раз вам так неймется, — нехотя согласился отец. — Только постой нужно отрабатывать. Срубишь старые яблони, что ли. Корову-то доить умеешь? — обратился он к парню. — А, забыл, что ты безмозглый. Ладно, пошли со мной. Поглядим, годишься ты на что-нибудь или нет.

Девочки увязались следом. Нэн несла ведро и вела гостя под локоть. Корову Шерри держали не в загоне, а за забором: в ее распоряжении была вся ферма за исключением кукурузного поля и плохонького огородика. Летом Шерри не загоняли на ночь в хлев, а доили там, где поймают. Корова была наполовину джерсейской, наполовину гернзейской («И наполовину хрен пойми какой», — мрачно добавлял Малколм Максилл) породы. Молоко она давала очень жирное, но

уже слишком давно не телилась. Соседские быки плату за осеменение не отрабатывали, при этом деньги их хозяева не возвращали.

Максилл поставил ведро под вымя Шерри.

— Ну, давай, — велел он, — показывай, как ты доишь.

Парень просто стоял, что-то задумчиво мыча себе под нос.

— Вот-те нате, даже доить не умеет.

Максилл с презрением покачал головой, присел на корточки, небрежно провел по болтающимся сосцам, и выдавливаемое молоко с шипением и звоном ударило в ведро.

Своей четырехпалой рукой парень погладил корову по боку. Явно городской малый, но хотя бы от животных не шарахается. Конечно, Шерри не была задиристой или капризной, редко опрокидывала ведра и почти не била хвостом по лицу того, кто ее доит. И все равно нужно было быть смелым (или глупым), чтобы обойти ее с левого бока и коснуться резервуара, из которого Максилл сцеживал вечернее молоко.

Нэн знала, что ее отец не настоящий фермер; настоящий доил бы Шерри уже не более раза в сутки, досуха, поскольку давала она всего три с небольшим литра. Однако Максилл выучил, что

корову следует доить дважды в день, — точно так же, как выучил, сколько должно бродить сусло. Химиком он тоже не был. Просто все делал по правилам.

— Чтоб меня!.. — воскликнул Максилл, редко позволявший себе крепкое словцо при детях. — Уже больше, чем за последние месяцы, и еще осталось.

От столь внезапно хорошего удоя настроение у него поднялось. Малколм даже сам подлил помоев свиньям и не расстроился неспособностью гостя дать корм курам (впрочем, эти обязанности все равно выполняли девочки — Максилл повел парня туда для вида, чтобы впечатлить объемом и ответственностью поручений). С веселым аппетитом отец съел приготовленный Нэн ужин, благостно отметив про себя, что хотя бы содержать гостя будет недорого, ведь тот не трогает мяса, молока и масла, а питается одним хлебом, овощами да водой.

В порыве воодушевления Максилл достал скрипку и принялся ее настраивать — только Джоузи с Нэн заметили, как при этом мученически исказилось лицо гостя. Закончив, Малколм исполнил друг за другом «Бирмингемский застенок», «Прелестную куклу» и «Дарданеллу». Он

играл на слух, поскольку к любым нотам относился с презрением. Джоузи (бросив извиняющийся взгляд в сторону гостя) подсвистывала, Джесси подыгрывала на губной гармошке, а Джанет умело аккомпанировала на расческе, обернутой в папиросную бумагу.

— Все мычит да мычит, — буркнул Максилл. — Может, сам что-нибудь исполнишь, а?

Он протянул парню скрипку.

Тот взял инструмент осторожно, словно бомбу, быстро положил на стол и отошел. При виде столь явного признака слабоумия Нэн вновь погрустнела. Джесси с Джанет захихикали. Малколм покрутил пальцем у виска. Даже Джоузи печально усмехнулась.

И вдруг скрипка зазвучала. Нет, она не играла, потому что струны не вибрировали, а смычок неподвижно лежал рядом, но музыка определенно шла из эфов — сперва робко, затем все увереннее. Чем-то она напоминала мычание парня, только была во сто крат более насыщенной и проникновенной…

На следующее утро Максилл взял парня с собой в сад, и девочки, естественно, снова увязались следом. Они никак не хотели пропустить новые чудеса, хотя, обдумав за ночь вчерашнее про-

исшествие, уже не были столь уверены, будто в самом деле слышали скрипку. Видимо, это был фокус или иллюзия, вполне поддающиеся объяснению. Однако если парень сумел извлечь музыку, не касаясь инструмента, может, он и с топором нечто этакое устроит?

Максилл ударил по сухой ветке, и лезвие отпружинило. Дерево не было больным или гнилым — просто старым и запущенным. Почти все ветки засохли, но по стволу, видимо, сок еще тек, поскольку кое-где завязывались плоды и прорастали новые побеги. И таким был весь сад — беречь его явно не стоило. Максилл ударил снова, и ветка отвалилась. Кивнув, он передал топор гостю.

Парень замычал, глядя то на Максилла, то на девочек, то на топор. Затем бросил орудие, подошел к дереву и стал водить пальцами по шершавой грубой коре, по торчащим из земли узловатым корням, по листьям и веткам над головой. Нэн уже представляла, как дерево само собой расщепится и сложится в аккуратную поленницу… Но ничего не произошло, совсем ничего.

— Ну точно тупица. Доить не умеет, кормить свиней и кур не может, топором не машет. Хорошо хоть ест мало, иначе одни убытки. Только

мычать да фокусы показывать годится.

— Сегодня мы с сестрами поработаем с ним по хозяйству, — тактично предложила Нэн.

Девочки занимались хозяйством по утрам и иногда вечером. По негласному уговору в семействе Максиллов всю мужскую работу делал отец, а на них ложились женские хлопоты. Привлекая к этим заботам гостя, Нэн проявила рассудительность, которая помогла всем сохранить лицо.

Нэн отказывалась верить, будто парень совсем безнадежен. Своими восемью пальцами он управлялся не хуже, а в чем-то даже лучше, чем иные управляются десятью. Кормить свиней он не стал, зато быстро наловчился собирать яйца прямо из-под кур, совершенно не тревожа птиц. Он не умел доить корову, но стоял рядом, пока доила Нэн. Удой снова удивил — даже больше, чем накануне.

После работы по хозяйству парень вернулся в сад, однако топор с собой не взял. Нэн отправила Джоузи пошпионить, чем он там занимается. Сестренка сбегала и отчиталась:

— Он обходит деревья друг за дружкой. Ничего не делает, просто смотрит на них и гладит. А еще знаешь что? Он ест траву и сорняки!..

— Жует, в смысле?

— Да нет, прям ест. Честное слово! Пучками! И он потрогал мое… пятно на лице. Я смотрелась в зеркало: в тени даже почти не видно!

— Я рада, что сошло, — сказала Нэн. — Только не расстраивайся, если оно вернется. Уверена, его прикосновение тут ни при чем. Просто так совпало.

Три дня парень маялся ерундой в саду, гладя старые деревья. К концу третьего дня Шерри давала по восемь литров молока, яиц собирали больше обычного, хотя в это время года яйцекладка уже шла на спад, а родимое пятно Джоузи почти растворилось — теперь его с трудом можно было разглядеть даже на солнце. Малколм Максилл, конечно, ворчал — пригрели, мол, дармоеда, — однако на дверь парню не указывал, так что все шло своим чередом.

Покончив с садом (девушки то поодиночке, то группами ходили смотреть, что он там делает, но так ничего и не поняли), парень взялся за поле. Максилл посеял кукурузу поздно — не столько из-за нелюбви к сельскому хозяйству, сколько за неимением трактора или хотя бы плуга. Пришлось ждать, пока соседи, сдающие технику внаем, сами не закончат с посевной. Земля к тому времени затвердела, зерно прорастало слишком

долго, и едва первые робкие серо-зеленые ростки пробились наружу, как тут же высохли и скрючились под жарким солнцем. Соседские поля уже покрылись белым пушком, а у Максилла только-только появлялись карликовые початки.

С кукурузой гость провозился даже дольше, чем с яблонями. Теперь Нэн понимала, что его мычание не музыка, что он так разговаривает. Это открытие несколько обескураживало, делая парня еще более непонятным, чем раньше. Будь он итальянец или португалец, Нэн могла бы выучить язык; будь он китаец, приучилась бы есть палочками. Но вот что делать с мужчиной, который говорит нотами, а не словами, девушка не представляла.

Однако спустя пару недель она уже кое-как его понимала. Корова давала в день по шестнадцать литров, яиц собирали больше, чем в начале весны, а личико Джоузи стало гладким, как у младенца. Максилл принес домой радиоприемник, которым кто-то расплатился в магазине у зятя, и все семейство развлекалось тем, что ловило далекие сигналы. Когда радио не было настроено ни на какую волну и парень сидел рядом, оно играло ту же музыку, что и скрипка в первый вечер. Никто уже почти не удивлялся; это не ка-

залось странным или, говоря словами Малколма Максилла, не от мира сего. Все чувствовали себя лучше, сильнее, добрее и сплоченнее.

Нэн видела… а что она видела? Что гость непохож на других парней, говорящих на понятном языке, ведущих себя привычным образом и рожденных в местах со знакомыми названиями? Так это она заметила и раньше. Из его мычания Нэн узнала, откуда и как он к ним попал, но проще и понятнее все равно не становилось. Какое дело Нэн Максилл, которую учителя Хенритонской старшей школы вечно порицали за чтение романов на уроках физики, до всяких там других планет, звезд и галактик? Насколько она смогла понять и перевести, парня звали Эш. И какая разница, родился он на Альфе Центавра, на Марсе или на какой-нибудь безымянной планете за биллион световых лет от Земли?

Эш был скромен и считал себя ущербным. Он не умел ничего из того, в чем столь преуспел его вид. Не мог решать абстрактные задачи за пределами возможностей электронного мозга, не вел философские рассуждения, балансирующие между бредом и откровением, не изобретал новые методы создания и преобразования материи. Он был, по собственному признанию (а сердце Нэн

заполнило пробелы, недоступные ее интеллекту), атавизмом, пережитком прошлого, безнадежно отставшим от прогресса. В мире торжествующей науки, синтетической пищи и телекинеза, окончательно оторвавшемся от природы, его угораздило родиться фермером.

Он мог заставить растения расти — в цивилизации, где подобный талант уже не был востребован. Он умел побеждать болезни — среди народа, который выработал врожденный иммунитет ко всему. Да, когда-то в таких дарах нуждались, но эта нужда отпала уже миллион поколений назад.

Все это Эш, конечно, вывалил на Нэн отнюдь не сразу. Только когда он овладел человеческой речью, а она наловчилась различать переливы его мычания, между ними стало налаживаться взаимопонимание. Однако даже когда он полностью освоил ее язык, а она худо-бедно изъяснялась на его, все равно слишком многое оставалось для Нэн за пределами разумного. Эш снова и снова терпеливо учил ее управлять звуками, не прикасаясь к инструментам, как он делал со скрипкой и радио, — она не понимала. А его объяснения об исцелении Джоузи с тем же успехом можно было излагать на санскрите.

Однако гораздо непостижимее были сородичи Эша, которым тот якобы во всем уступал. Мол, его мычание и любая его музыка — столь возвышенные и пленительные для Нэн — не более чем диссонанс, детский лепет, шепелявая и заикающаяся какофония… это как вообще? Вообразить космические корабли она еще кое-как могла, но не мгновенный безвредный перенос живой материи на миллионы парсеков сквозь пустоту.

Пока они учились друг у друга, кукуруза созрела. И этот урожай был не из тех, что остается либо сжечь, либо бросить гнить в поле. Посохшие стебли теперь стояли гордо и величаво, широкие листья грациозно опускались, открывая по несколько початков сразу. И что это были за початки! Вдвое длиннее и вдвое толще, чем когда-либо на памяти округа Эвартс, зернышко к зернышку вплоть до затупленных кончиков, и ни единого усохшего или поеденного рядка. Окружной сельхозагент, наслушавшись всякого, лично приехал, чтобы развеять слухи, и несколько часов ходил по участку, что-то бормоча, тряся головой и щипая себя за руку. Максилл продал урожай за баснословный барыш, поверить в который было трудно, даже воочию увидев чек.

Следом созрели фрукты. С появлением Эша

деревья бурно пустились в рост. Молодая поросль скрыла шрамы старости: сухие, изломанные, голые ветки, еще живые, но бесплодные. Вишням, абрикосам, сливам и ранним персикам прикосновение Эша уже помочь не могло — слишком поздно, — хотя буйное цветение обещало обильный урожай на следующий год. А вот яблоки, груши и зимние персики удивляли похлеще кукурузы.

Их уродилось немного, да — некогда было завязаться новым цветкам, опылиться и родить плоды, — зато огромных. Яблоки размером с дыню, груши вдвое больше обычных, невероятно крупные персики. Максилл отвез их на окружную фермерскую ярмарку и взял все первые призы. Народ, правда, считал, что из-за такого размера фрукты долго не пролежат, будут безвкусные и рыхлые. Однако от укуса из них брызгал сок, мякоть была плотная и ароматная, а за зиму не пропали ни твердость, ни вкус.

Нэн Максилл столкнулась с дилеммой. Эш был настоящим даром всему человечеству. Каждый нашел бы, чему у него поучиться, и извлек из этого пользу. Ученые поймут то, что не под силу ей, смогут собрать по обрывкам и то, чего сам Эш не понимает. Человечество переживет такой тех-

нологический прорыв, по сравнению с которым даже прогрессивные пятнадцатый и девятнадцатый века покажутся застойными. Удивительные открытия совершат музыканты и филологи, но больше всего выиграют фермеры. Под началом Эша они превратят бесплодные земли и гиблые пустыни в райские кущи, предотвратив многие, если не все, войны. Прятать его на ферме в округе Эвартс стало бы равносильно обману всего человечества.

А что на другой чаше весов? Благополучие Максиллов? Ее, Нэн, растущая привязанность к Эшу? Опасность, что отец продаст ферму — теперь-то раз плюнуть, — а деньги промотает и семья останется без гроша? Не принимать в расчет эти доводы было бы глупо, а Нэн дурой не была. Однако все затмевала другая жуткая картина: Эш на дыбе, в руках вежливых, но безжалостных инквизиторов.

Они не поверят ни единому его слову. Найдут неопровержимые объяснения кукурузе, фруктам, самоиграющей скрипке. Начнут с психиатрических тестов: интеллект, координация, память. Дальше пойдут медицинские осмотры, Эша всего истыкают иголками и прощупают. Место рождения? Полное имя? Родители?.. Не веря,

отказываясь поверить, они будут настаивать вежливо, вкрадчиво, но упорно: да-да, мы понимаем, конечно, но попробуйте, мистер Как-Вас-Там Эш, вспомните свое детство…

И когда им наконец придется признать, станет только хуже. Итак, эта сила, мистер Эш, объясните, как ей… Вот это уравнение, уверены, вы можете… Мы слышали, вы владеете телекинезом. Покажите… Еще раз… И еще раз, пожалуйста… Теперь об исцелении. Расскажите… Так, а об оживлении умирающих растений поподробнее… Теперь про эту ультрахроматическую шкалу… А вот еще… И еще…

Или, может, все будет совсем не так? Вдруг Эшу угрожает не обезьянья жадность человека до информации, а его тигриный страх и ненависть к чужакам? Пришельца арестуют, мол, за нелегальное пересечение границы или что-то в этом роде. А дальше — выступления в Конгрессе, шумиха в газетах и радиоэфире. Инопланетный шпион! Или, того хуже, диверсант! (Откуда нам знать, что он впрыснул в эти растения? Вдруг те, кто их ест, сойдут с ума или лишатся возможности иметь детей?) Депортировать Эша некуда, то есть избавиться от него в страхе перед скорым и неизбежным вторжением не выйдет. А значит,

будет суд, обвинение, заключение, линчевание…

Если об Эше узнают, катастрофы не избежать. Явись он лет на двести раньше или позже, его бы встречали как спасителя. Но не теперь. В эпоху страха раскрыть его существование стало бы непоправимой ошибкой. Нэн знала, что отец не будет трепаться, откуда у него такой урожай. Глэдис и Мьюриел слышали только, что на ферме работает какой-то необычный парень, да и неохота им привлекать к себе непрошеное внимание округа Эвартс. Девочки помладше будут делать так, как отец и старшие сестры. К тому же Эш доверился только Нэн.

Зимой Максилл купил еще двух коров: старых, худых и костлявых, назначенных на убой, хоть и там с них нечего было взять. Под присмотром Эша они день ото дня здоровели, ребра их покрылись слоем мяса, глаза прояснились. Сморщенные пустые мешки под брюхом налились, округлились и снова были полны молока, будто бы только после отела.

— Вот почему он не проделает то же со свиньями, а? — спросил отец у Нэн, игнорируя присутствие Эша, как делал всегда, если только не хотел приказать тому что-то лично. — Я бы начал выращивать мясных хряков. Пусть поколдует

над свиноматкой — прямо вижу, какой помет мог бы получиться.

— Это не колдовство. Просто познания Эша о природе гораздо богаче наших. Только он не станет делать ничего ради убоя, — принялась объяснять Нэн. — Сам видишь, он не ест ни мяса, ни яиц, ни молока…

— Но сделал же он так, чтобы куры больше неслись. И на удои взгляни!

— Пока куры несутся, их не отправляют в суп. То же и с коровами. Заметил, наверное, что петушки остались, какими были? Может, он не то чтобы не хочет, а на самом деле не в состоянии заставить животных обрастать мясом под убой… Сам у него спроси.

Начали приходить семенные каталоги. Прежде Максиллу не было дела до огородничества; он просто вскапывал небольшой участок, а девочки пусть выращивают там, что захотят. Зато в этом году каждую брошюрку он лелеял, будто любовное послание, пуская слюни на глянцевые страницы с оранжевыми сосульками-морковками, бесстыжими редисками и благородными салатными кочанами. Нэн как-то застала отца за мечтательными дифирамбами капусте, что крупнее тыквы, арбузам, которых не оторвать от

земли в одиночку, сочным помидорам по полтора кило штука.

Эшу же все было в радость. Нэн впервые испытала обоюдоострую женскую злость в адрес эксплуататоров и эксплуатируемых. Где же твое самоуважение, Эш, твои амбиции? Как ты можешь довольствоваться возней на захолустной ферме? С такими талантами, столь явным превосходством над примитивными людишками ты мог бы быть кем захочешь… Вот только парень хотел быть именно фермером.

Максилл с нетерпением ждал, когда же земля будет готова к засеву. Пока она была еще сырая, он заказал вспашку — тяп-ляп и втридорога. Затем, под тщательно скрываемые насмешки соседей, знавших, что все сгниет, он засадил каждый сантиметр пятидесяти с лишним свободных акров.

— Ты можешь управлять своим даром? — спросила Нэн у Эша.

— Сделать так, чтобы на груше росли огурцы, а на виноградной лозе зрели картофельные клубни, не могу. Если ты про это.

— Нет, я к тому, нельзя ли как-то уменьшить размеры плодов? Чтобы кукуруза была лишь немногим крупнее обычной?

— Зачем?

В попытках объяснить Нэн Максилл почувствовала стыд от самой своей просьбы.

— Я не понимаю слов, которыми ты пользуешься, — покачал головой Эш. — Растолкуй, что такое зависть, чужак, конкуренция, подозрение, гнев… Для начала хватит.

Она старалась изо всех сил, но тщетно. Ничего не выходило. Нэн возмущалась изгнанием Эша с родины, однако не могла не признать, что трудно выносить не только того, кто сильно отстал, но и того, кто сильно опережает время. Оставалось лишь гадать, чем Эш был для своих сородичей: напоминанием о том, что лучше забыть? Намеком, что не настолько уж они и развиты, если до сих пор рождаются подобные?.. Зато Нэн знала наверняка, чем он был для Земли образца 1937 года: ходячим укором.

Весенние ветры обломали сухие ветки на плодовых деревьях, обкорнав их не хуже человека с пилой и секатором. Только-только посаженным сад, конечно, не выглядел: высокие массивные стволы показывали, что деревья растут уже давно, — но был несомненно здоровым. Почки налились и раскрылись, из одних проклевывались красноватые кончики листьев, из других — мягкие бархатистые цветки. Тень от крон была столь

плотной, что между деревьями не росло ни травинки.

А вот в полях дела обстояли ровно наоборот. Что бы Эш ни сделал с почвой, это сказалось и на семенах, которые принес ветер на грядки и между ними. Каждое взошло, и проросли они так густо, что корни переплелись, а стебли наперебой тянулись выше и выше, чтобы увидеть солнце. Высмотреть в этом сплетении крошечные зеленые перышки кукурузы можно было, только встав на карачки.

— Ладно, — сказал Малколм Максилл, — зато ничего не сгнило; вот соседи от зависти удавятся! Урожай у меня будет на две-три недели раньше остальных. Всё, для Максиллов Депрессия закончилась!.. Только придется не разгибая спины заниматься прополкой. Я, пожалуй, куплю трактор, и тогда в следующем году можно никого для вспашки не нанимать. Ему ведь по силам научиться водить трактор?

— По силам, — ответила Нэн, так же, как отец, совершенно не обращая внимания на стоящего рядом Эша. — Но он не станет.

— Почему это?

— У него нелады с техникой.

— А если дать ему лошадь или мула? — скри-

вился Максилл.

— Полоть сорняки он не станет.

— Да с чего вдруг?!

— Я уже говорила, отец. Он против всякого убийства.

— Но сорняки!..

— Неважно. И не спорь, бесполезно. Таким уж он уродился.

— Уродом уродился, вот что я скажу.

В итоге Максилл все равно купил трактор со множеством приспособлений к нему и принялся обрабатывать кукурузу сам, потея и ругаясь (естественно, когда девочки не слышали). Он клял Эша, что тот ничего не делает по ферме, а просто ходит и гладит все подряд. Ну разве это работа для взрослого мужчины?

Нэн боялась, что от отсутствия прошлогодних гигантских плодов отца хватит удар. Однако урожай превосходил всякие ожидания и пределы разумного: не было ни единой поклеванной вишенки, больной сливы или червивого абрикоса. Все цветки распустились, все плоды завязались и созрели. Под их грузом ветви гнулись чуть не до земли, а ветерок шевелил листву, открывая взгляду воплощение грез помолога. Максилл и здесь нашел повод придраться, как с кукурузой.

— Жертвовать качеством в угоду количеству… — проворчал он. — Лучшую цену, конечно, так и так дадут. Но я-то рассчитывал на вдвое больше этого.

Нэн Максилл поняла, насколько сильно изменило ее появление гостя.

Отец теперь казался ей капризным ребенком, закатывающим истерику, потому что у него отобрали сладость, причем для него же вредную. Парни, с которыми она гуляла до этого, выглядели жадными младенцами, бестолково лопочущими «дай, дай, дай, дай». Жители Хенритона и округа Эвартс… хотя нет, тут же поправлялась она, люди вообще вели себя как дети. По радио только и говорили, что о войнах в Китае и Испании, о зверствах в Германии, о жестокости и саморазрушении по всему миру.

Не встала ли она неосознанно на сторону Эша? Хотя какая у него сторона — он просто не высказывал никаких суждений. Он принимал происходящее вокруг так же, как все, что узнавал от нее: задумчиво, с любопытством, иногда недоумением, но без отрицания. И тем не менее Нэн сумела перенять, как ей казалось, его отношение, хоть и была неспособна к той же степени отстраненности, как и самому Эшу было далеко

до отстраненности изгнавших его на Землю. Так тот, кто не различает обезьян, сажает гориллу в одну клетку с шимпанзе.

За потерю первобытных инстинктов приходится чем-то платить. Так, сородичи Эша компенсировали его талант к выращиванию способностью создавать вещи путем фотосинтеза и подобных процессов. И если Эш утратил животную склонность к презрению и ненависти, не лишился ли он и уравновешивающей способности любить?

А Нэн очень хотела, чтобы он ее полюбил.

Они поженились в январе. Некоторые посчитали выбор даты странным, однако Нэн все устраивало: она хотела «обычную», но при этом скромную свадьбу. Главным было получить отцовское согласие: в конце концов, Эш за два коротких года их обогатил, а брак окончательно привяжет его к ферме. Однако много нулей на счете, большая машина и уважение хенритонцев (в том числе зятя) сделали отца заносчивым.

— Да кто он вообще такой? — спрашивал Максилл. — Откуда родом? Из какой семьи?

— Какая тебе разница? Он добрый, мягкий и хороший, и неважно, кто его родители.

— Как это неважно? А вдруг у него дурная наследственность? Как пить дать всплывет.

Посмотри, он же калечный, да и с головой что-то не то. Забыла, как он вообще ни слова по-человечески не мог сказать? Все это очень даже важно. Или ты хочешь, чтоб твои дети родились беспалыми кретинами? А то и вовсе преступниками?

В иной раз отцовская забота о респектабельности выглядела бы забавно. Впрочем, напоминать, что дед ее будущих детей сам бутлегер и самогонщик, Нэн не стала.

— Эш не преступник!

Да, не преступник, но как быть с остальным?.. Ладно восемь пальцев, а вдруг детям передадутся какие-то еще отклонения, о которых ей неведомо? (Нэн так ни разу и не решилась отвести Эша к врачу, опасаясь, что тот обнаружит анатомические и прочие различия.) А ведь их союз не лишен шанса вообще оказаться бесплодным — или даже невозможным, в плотском смысле. Что, если их отношения так и останутся на уровне человека с кошкой или лошадью? Нэн ни на мгновение не обманывала себя, будто это ничего не значит — очень даже значит… И все равно она была намерена выйти за Эша во что бы то ни стало.

— Ну ладно, — вздохнул Максилл. — Но у него ведь даже фамилии нет.

— Дадим ему нашу, — предложила Нэн. — Ска-

жем, что троюродный родственник, например.

— Черта с два! — рявкнул отец. — Такого урода…

— Тогда мы сбежим и поселимся где-нибудь сами по себе. Стоит Эшу показать свои таланты, место сразу отыщется. Нам ведь даже земля хорошая не нужна.

С этими словами она оставила отца — пусть думает! В итоге Максилл сдался. Нехотя, скрепя сердце, но сдался.

Эш никогда не бывал в Хенритоне и на людях почти не показывался — лишь несколько раз, помогая Максиллу отрабатывать долги. Впрочем, все и так были в курсе, что на ферме есть батрак. Глэдис и Мьюриел знали его в лицо и кивали при встрече, да и только. К новостям, что парень, оказывается, их «дальний родственник с восточного побережья», они отнеслись с недоверием, а еще больше поразились, когда узнали об их с Нэн помолвке. Уж она-то могла бы подыскать себе кого получше… Но потом сестры вспомнили, какая молва о ней ходит. Видимо, надо сказать спасибо, что нашелся хоть какой-то дурачок. Затем они принялись считать месяцы и были в шоке, что Эш Максилл-младший родился спустя целых полтора года.

Нэн тоже считала месяцы. Часть ее страхов развеялась быстро, но не все. Она боялась первый раз взглянуть на сына, и не спасал ни отстраненный интерес со стороны Эша, ни нарочитая веселость врача и акушерок. Она немного успокоилась, когда осторожно тронула крошечный носик, удивительно правильные ушки, круглую головку. А потом откинула одеяльце…

— Кхм, да, миссис Максилл… в общем… такое дело…

Маленькие пухлые ручонки, маленькие прямоугольные ножки — и там, и там по восемь пальцев. Естественно, Нэн все поняла сразу, даже ничего толком не увидев, и в ней всколыхнулась волна протеста.

«Кретины! Это не уродство! — хотелось кричать ей. — Зачем нужны пять пальцев, если и четырьмя можно управляться ловчее и лучше? Да он небось умеет такое, что вам с вашими пятернями не под силу!» Но Нэн молчала, и не от слабости — она была крепкой и здоровой, а роды прошли без осложнений, — а от понимания, что теперь придется скрывать превосходство не только Эша, но и его сына, иначе обычные люди ополчатся на них обоих. Нэн закрыла лицо руками. Пусть думают, что плачет.

Малколм Максилл торжествовал: еще бы, сбылись его жуткие пророчества! Он не скрывал злорадства, только ведь речь шла о его собственном внуке — его плоти и крови. Нэн в чем-то ему сочувствовала, но, не выдав секрета Эша, едва ли могла утешить отца. Впрочем, даже раскрой она тайну, Максилл вряд ли успокоился бы. Скорее воспринял бы историю об изгнании Эша как еще одно доказательство его нежелательности. Он даже перестал скрывать растущую враждебность к чужаку-зятю.

— Можно подумать, — сказала Нэн мужу, — ты не помогал ему, а оскорбил до глубины души.

Эш улыбнулся и легко коснулся ее плеча. Нэн так до конца и не привыкла, что существо, не знающее гнева, зависти и ненависти, тем не менее способно на нежность и юмор.

— Ты ждешь от него благодарности? — спросил Эш. — Не ты ли мне рассказывала, что́ движет твоими сородичами? В любом случае, я делал все потому, что мне это нравится, а не в угоду твоему отцу.

— Неважно. Теперь, когда у нас родился ребенок, вы должны заключить договор. Либо доля от фермы, либо зарплата — и хорошая.

На лице Эша застыло прекрасно знакомое вы-

ражение искреннего недоумения и интереса.

— Но зачем? Чем питаться, у нас есть. Твоя одежда изнашивается, но отец дает тебе деньги на новую. И на ребенка тоже… Зачем?..

— А почему твоя одежда не изнашивается и не пачкается? — перебила Нэн невпопад.

— Не знаю, — пожал плечами Эш. — Говорю же, я не понимаю, как это работает. До попадания сюда я даже не думал, что бывают материалы, которые рвутся и не очищаются сами.

— Ладно, проехали. Я лишь хочу сказать, что нам нужна независимость.

Он непонимающе потряс головой:

— Зачем?

Часть денег от обильного урожая 1940-го Малколм Максилл потратил на покупку смежного участка. Теперь он бесспорно был крупной фигурой в округе Эвартс. На объединенной ферме трудились трое наемных рабочих; дом перестроили; в новеньком гараже рядом со сверкающей техникой стоял грузовик, два седана и универсал. Заведующий хенритонским банком был вежлив и услужлив, муж Мьюриел обращался за советом.

Нэн видела, насколько в тягость отцу быть привязанным к земле, находиться в заложниках

у Эша. Когда отец отправился в далекий Лос-Анджелес, она поняла, что он хочет порвать с этой зависимостью и пробиться в крупный бизнес, где сможет зарабатывать своей проницательностью, деньгами, энергией, а не талантами Эша. Дело не в зависти или затаенной обиде, нет. Продав землю, он бы наверняка щедро поделился с Эшем, чтобы они с Нэн не бедствовали.

Планам сбыться было не суждено — вмешалась автокатастрофа. Малколм Максилл погиб на месте, не оставив завещания. Наследство поделили достаточно полюбовно: Глэдис с Мьюриел отказались почти от всей своей доли, взамен перепоручив Нэн полную заботу о трех младших сестрах. Эш тоже был вполне не против оставить жене все дела, к которым относился с вежливым интересом, как англиканский священник к маске вуду, явно так и не поняв, в чем смысл собственности и ответственности.

Его имя пришлось внести в списки призывников, но как молодому отцу, занятому в важной отрасли, попасть в армию ему едва ли грозило. В любом случае медкомиссию он с восемью пальцами ни за что бы не прошел. Из-за войны цены на землю взлетели до небес. Глэдис переехала в Вашингтон работать в правительственном

учреждении. Джоузи вышла замуж за моряка, приехавшего на побывку.

Урожаи тем временем продолжали расти. Нэн с удовольствием отмечала, что другие фермеры обращаются к Эшу за советом. Поскольку он не смог поделиться своими знаниями даже с ней (хотя она отчасти владела его языком), с остальными бесполезно было и пытаться. Он, впрочем, никогда не отказывал в помощи. Приходил осмотреть загубленные посевы, больных животных и плохую почву, а потом бубнил всякую ерунду из фермерских проспектов, пока сам работал руками. Естественно, животные выздоравливали, земля плодоносила, урожай рос, и все только диву давались, сколько на самом деле мудрости в банальных вроде бы советах.

Слабый страх, что из-за рук юный Эш окажется ущербным, в конечном счете рассеялся. Мальчик хватал, держал, орудовал и кидал ловчее сверстников (а через несколько лет станет лучшим питчером в бейсбольной истории округа Эвартс — к его броскам так и не приспособится ни один отбивающий). Он заговорил рано, но в пределах нормы, зато в освоении отцовской речи на голову превзошел Нэн. Она слушала, как они пересвистываются о своем, недоступном ей, с

материнским и супружеским удовлетворением.

Джесси поступила на курсы и устроилась секретарем к мужу сестры; Джанет уехала на восток учиться на археолога. После победы над Японией контроль за ценами отменили, и дела Максиллов резко пошли в гору. Эш прекратил сажать кукурузу на старой ферме. Часть земли он отвел под новый сад, а остальное засеял гибридным злаком собственноручно выведенного им сорта, по содержанию белка опережавшего пшеницу. На юного Эша было не нарадоваться. Но, уже семи лет от роду, он так и оставался единственным ребенком.

— Почему? — спросила как-то Нэн.

— Ты хочешь еще детей?

— Конечно, хочу. А ты нет?

— Я все никак не возьму в толк, почему вы все так одержимы положением, предками и потомством. Как можно столь ревностно различать детей только по наличию или отсутствию биологического родства?

Пожалуй, впервые Нэн так отчетливо ощутила его инаковость.

— Я хочу своих детей.

Но больше их не было. Это печалило, но не озлобляло. Нэн помнила, как рвалась замуж за

Эша, даже готовая вообще не иметь детей. Она поступила правильно — без Эша ферма ничего бы не стоила. Отец был неудачником, вечно ноющим, ворчливым, неотесанным. Когда ей надоело бы кататься со всеми подряд и кувыркаться по машинам, она бы выскочила за первого встречного, и был бы у нее муж, столь же неспособный дать ей вырасти и расцвести, как отцу не удавалось заставить расти и цвести свои никчемные акры. Даже если бы юный Эш так никогда и не появился на свет, она бы все равно выбрала эту жизнь.

Тревожило только, что старшему Эшу никак не удавалось привить сыну свой фермерский дар. Так рухнули мечты Нэн: секрет происхождения Эша делал его уязвимым, а Эш-младший мог бы творить чудеса на благо человечества, не опасаясь преследования за то, что он чужак.

— Почему он не учится? Он ведь понимает тебя куда лучше, чем мне вообще когда-либо светит.

— Не исключено, что он уже опередил меня в своем развитии. Не забывай, я атавизм, мои способности моему народу более ни к чему. Мутации редко передаются по наследству. Не исключено, что он даже в чем-то ближе к моим родичам, чем я сам.

— Тогда… тогда, может, он в состоянии творить

чудеса, на которые способны они?

— Боюсь, это так не работает. Есть какое-то уравнение… не линейное, а компенсаторное, что-то с прибылью и убытками. У меня не выходит обучить его даже простейшим приемам телекинеза, которыми я владею. Зато исцеляет он куда лучше меня.

На смену несбывшейся мечте пришла новая: юный Эш — врач, избавляющий человечество от страданий. Однако сам мальчик, пускай и в охотку изгонял бородавки с рук других детей и сращивал им кости, проводя пальцами по коже, к такому будущему, похоже, не стремился. Куда сильнее его занимала техника. В шесть лет он оживил старый велосипед, на котором поочередно катались все дочери Максилла — в конце концов велосипед пришел в такую негодность, что никто не мог его починить. Кроме, как выяснилось, юного Эша. В восемь он вернул к жизни старинный будильник, а в десять чинил трактора не хуже, а то и лучше, чем в автомастерской Хенритона. Нэн понимала, что должна радоваться сыну, которому суждено стать выдающимся инженером или изобретателем, но, увы, мир скоростных трасс и ядерного оружия привлекал ее меньше, чем тот, который она знавала в детстве

со всеми его сухими законами и Депрессиями.

Может, дело в возрасте? Ей едва-едва перевалило за сорок. Тонкие морщинки на щеках и слегка проступающие вены на руках были куда менее заметны, чем у других девушек — женщин — лет на пять-шесть младше. И все же, глядя на гладкое лицо Эша, совершенно не изменившееся с того самого дня, когда Джоузи привела его с южного выгона, Нэн ощущала смутную тревогу.

— Сколько тебе лет? — спросила она как-то. — На самом деле?

— Не больше и не меньше, чем тебе.

— Не уходи от ответа, — не отступалась она. — Это все твои философские загадки. Говори как есть.

— Как мне выразить свой возраст в земных годах — в числе оборотов этой планеты вокруг солнца? Тебе это ничего не скажет, даже сумей я сделать пересчет из одной системы измерения в другую. Но если хочешь, то вот аналогия: пшеница уже в шесть месяцев стара, а дуб и в пятьдесят лет молод.

— Ты бессмертен?..

— Не более, чем ты. Мне точно так же суждено умереть.

— Но ты не стареешь.

— Я и не болею. Мое тело просто не подвержено слабости и угасанию, как у моих далеких предков. Однако я родился, а значит, должен и умереть.

— И все равно ты останешься молодым, даже когда я стану старухой. Эш…

А впрочем, что тут говорить, подумала она. Тебе плевать, что подумают люди; тебе нет дела до насмешек и кривотолков. Если бы я тебя не любила, то назвала бы бесчеловечным. Наверное, то же можно сказать про всякого сверхчеловека. Да-да, мы — люди — себялюбивы, корыстны, мелочны, жестоки, неприятны, гадки. Неужели это наше наказание за неспособность подняться над сиюминутным, взглянуть на себя с придирчивой высоты миллиона грядущих поколений? Видимо, так и есть. Но мы сами себя на это обрекли, и никакие высокоразвитые существа тут ни при чем.

Нет, она не жалела, что вышла за Эша, — и тем более не стала бы ничего менять. Только сидела червячком мелочная обида за то, что Нэн стареет, а Эш нет. И никакая накопленная с годами мудрость, никакие размышления не могли примирить ее с этой мыслью или прогнать содрогания о мнимых косых взглядах, вопросах и насмешках, мол, старухе пятьдесят (шестьдесят, семьдесят…) лет, а живет с двадцатилетним

парнем. А что, если юный Эш унаследовал от отца непробиваемое здоровье и неслабеющий организм? В этом Нэн почти не сомневалась, как и не в силах была отделаться от абсурдного наваждения: вот она в старости смотрит на них обоих и не может с первой попытки сказать, где муж, а где сын.

Одновременно расстроенная и недовольная тем, что расстроена, Нэн отдалилась от остальных, редко разговаривала и часами прогуливалась вне дома наедине со своими мыслями и чувствами. Это добровольное отшельничество отнюдь не было неприятным. И вот однажды жарким и душным августовским вечером она услышала музыку.

Нэн сразу все поняла. Невозможно было спутать родство этой музыки с мычанием Эша — и еще бóльшую близость к сложным мелодиям, которые он извлекал из радиоприемника. На долю секунды Нэн с замиранием сердца подумала, что юный Эш… но нет, на его неумелые попытки было не похоже. Такие звуки мог породить лишь кто-то — или что-то, — настолько же превосходящее в развитии Эша, насколько он превосходил Нэн.

Она слушала, задыхаясь от шока и боли. Вокруг не было ничего, кроме далеких гор, безоблачного

неба, зеленеющих полей, уходящей к горизонту дороги, группок стройных деревцев, колючих зарослей диких ягод и невыполотой травы. Над головой ничего не парило, из-за бугорка не вышел никакой незнакомец в неземном одеянии. И все же сомнений не было.

Нэн поспешила к дому и встретила там Эша.

— Тебя ищут.

— Знаю. Уже давно.

— Зачем? Что им нужно?

Он не стал отвечать напрямую.

— Нэн, как по-твоему, я совсем не сумел встроиться в вашу жизнь?

— О чем ты?! — искренне поразилась она. — Ты одарил мудростью, здоровьем и добротой все, к чему прикасался. Что значит «не сумел»?

— Но ведь в конечном счете я… Одним из вас я не стал.

— И слава богу! Ты стал чем-то гораздо бóльшим. Ты изменил лицо и суть всего вокруг. Благодаря тебе земля и те, кого она кормит, живут лучше. Из глупой девчонки ты превратил меня в ту, кто я есть сейчас. Ты стал отцом юного Эша… Не спрашивай, может ли ложка сахару подсластить океан, — я не знаю, но верю, что она делает его менее соленым.

— Но ты несчастлива.

Она дернула плечом.

— Чтобы быть счастливым, нужно довольствоваться тем, что имеешь, и ничего больше не хотеть.

— А чего хочешь ты?

— Мира, в котором мне не нужно было бы тебя скрывать! — почти выкрикнула Нэн. — Мира, в котором юный Эш, его внуки и правнуки могли бы спокойно жить, не вызывая подозрений и зависти. Мира, в котором не будет места склокам, недоверию, вражде и насилию. И думаю, благодаря тебе мы стали к этому ближе.

— Меня зовут домой, — сообщил Эш без обиняков.

Эти три слова не складывались в какой-то смысл, и Нэн всмотрелась в лицо мужа, пытаясь найти подсказку.

— Что-что ты сказал?

— Меня зовут домой, — повторил Эш. — Я им нужен.

— Ну надо же! Сначала тебя ссылают в наш первобытный мир, а потом передумывают и свистят, мол, вернись. Будто собачке!

— Совсем не так, — не согласился Эш. — Насильно меня сюда не отправляли. Это было лишь

пожелание, и я мог его не принимать. Все просто сошлись во мнении, что, исходя из наших ограниченных предположений, здешнее общество — если оно вообще есть, — скорее всего, ближе по уровню развития к той эпохе, куда я бы естественным образом вписался, чем к той, в которую я родился. Так что меня никто не принуждал. Да и вернуться я мог в любой момент.

— Не принуждал? А как еще назвать это твое «все сошлись во мнении», если не принуждением? Якобы ради твоего собственного блага!.. Подобным образом жестокость, видимо, оправдывают во всех уголках Вселенной. Я уже сомневаюсь, действительно ли твой народ более просвещенный, чем мы.

Эш не стал ни спорить, ни защищать тех, кто угрожал — пусть до сих пор и тщетно — семейной жизни Нэн, той немудреной пользе, которую он приносил округу Эвартс, и надеждам, что он мог бы делать больше. Скромный и лишенный амбиций, Эш считал сородичей более развитыми, и до сих пор у Нэн не возникало повода ставить это под сомнение. Но что, если их «развитие» стало не шагом вперед, прочь от «примитивных» талантов Эша, а, наоборот, едва заметным сползанием к упадку? Что, если, обретя способности,

которые Эшу казались столь грандиозными, они утратили часть его совести и благородства, откатившись к морали, не более возвышенной (ну ладно, будем честны — чуть более возвышенной), чем на Земле образца 1960-го?

— Ты же не послушаешься, правда?

— Я им нужен.

— Как и мне. И юному Эшу.

Он очень нежно ей улыбнулся.

— Я не хочу ставить на весы ни нужды миллионов, ни нужду в любви и благополучии, ни собственные потребности. Подобные рассуждения ведут лишь к самооправданию, к жестокости под маской сострадания, к разрушению ради перестройки.

— То есть ты не уйдешь?

— Если только ты сама мне не скажешь.

На следующий день, гуляя по саду, Нэн вдруг вспомнила, каким запущенным был тот до появления Эша, вспомнила лицо Джоузи и свое собственное мятежное сердце. Теперь ее окружали новые цветущие деревья без единой кривой или бесплодной ветки. Она гуляла по новой ферме, ничуть не похожей на ту, на которой Нэн выросла, — безнадежную, нещадно мучимую и эксплуатируемую. Поля вокруг зеленели и коло-

сились, а пастбища были сочными и обильными. Она дошла до места, где остановилась накануне, и ее уши и голову вновь наполнила музыка.

Нэн отчаянно припоминала свое несогласие, свои доводы. Только музыка не умоляла, не спорила и не увещевала. Эти материи слишком приземленные, а музыка просто была. Лишенная надменности или вызова, бесконечно далекая в пространстве-времени и сложности своей формы, но тем не менее близкая в чем-то фундаментальном. Она была далеко за пределами приемов общения, которые Нэн переняла у Эша, однако нельзя сказать, чтобы ее содержание оказалось вовсе недоступным.

Нэн слушала очень долго — кажется, не один час, — а после вернулась в дом. Эш прижал ее к себе, и она в который раз поразилась, насколько можно быть любящим, не проявляя при этом ни тени жестокости.

— Ах, Эш! — всхлипывала она. — Эш, мой Эш!..

Позже она спросила его:

— Ты вернешься?

— Надеюсь, — серьезно ответил он.

— Когда… когда ты уйдешь?

— Как только все уладим. Тут немного, ведь деловыми вопросами у нас ты занимаешься. —

Эш улыбнулся: сам он ни разу не прикоснулся к деньгам и не подписал ни одной бумажки. — Я сяду в Хенритоне на поезд, и все будут думать, что я уехал на восток. Когда я не вернусь, говори, что меня задержали семейные хлопоты. А через несколько месяцев возьми сына и тоже уезжай, как будто я вас позвал к себе.

— Нет. Я останусь здесь.

— Но люди подумают…

— Пусть думают, что хотят! — произнесла Нэн с вызовом. — Пусть только попробуют.

— Не волнуйся, если я вернусь, то смогу найти тебя где угодно.

— Ты не вернешься… Но если вернешься, то найдешь меня здесь.

С урожаем трудностей не было. Как Эш и говорил, после смерти отца деловой стороной занималась Нэн — и занималась хорошо. Батраки всегда охотно шли трудиться на ферму Максиллов, а закупщики назначали цену один выше другого… Но что будет через год?

Без мужней заботы и земля, и сама Нэн зачахнут. На лице пролягут глубокие морщины, волосы поседеют, уголки рта опадут. Деревья понемногу станут погибать, плоды будут рождаться реже и всё менее безупречные. Кукуруза год от года будет

расти все хуже, начнет болеть и страдать от паразитов, станет неказистой, крохотной, никакой. В конце концов урожай уменьшится настолько, что перестанет хватать на покупку семян. Со временем сады засохнут, все заполонят сорняки, и ферма превратится в пустошь. А уж Нэн…

Она знала, что вся эта музыка звучит лишь в ее воображении. Однако морок был столь сильным и реальным, что на мгновение она как будто различила голос Эша, его послание ей, такое интимное, нежное, успокаивающее…

— Да, — произнесла Нэн вслух. — Да, конечно.

Наконец она поняла. Зимой она обойдет всю ферму, подбирая промерзшие комья земли и отогревая их в ладонях. Весной — запустит руки по локоть в мешки с семенами, перебирая их одно за другим. А потом станет касаться ростков и почек на деревьях. Она обойдет посевы и поделится с ними своей жизненной силой.

Такого, как при Эше, конечно, не будет. Это попросту невозможно. Но земля продолжит приносить урожай, цветы и деревья продолжат благоухать и плодоносить. Вишни, абрикосы, сливы, яблоки и груши не будут такими же обильными и аппетитными, как раньше, да и кукуруза не будет такой же аккуратной и высокой. Но они

будут расти, ее руки заставят их расти. Руки о пяти пальцах.

Эш был здесь не зря.

Отстоять пути мои. Ричард Маккенна (1913–1964)

The magazine of fantasy and science fiction
февраль

Ричард Милтон Маккенна – автор превосходного романа The Sand Pebbles («Песчаная галька», 1962), по которому был снят известный фильм со Стивом Маккуином в главной роли. К сожалению, это единственный роман писателя, умершего в расцвете своих литературных сил.

В мире научной фантастики и фэнтези Маккенну хорошо помнят за замечательные добрые и нежные рассказы, многие из которых можно найти в сборнике Casey Agonistes, and Other Science Fiction and Fantasy Stories («Предсмертная галлюцинация по имени Кейси и другие научно-фантастические и фэнтезийные рассказы», 1973). Один из них, «Тайник», завоевал премию «Небьюла-66». Для продвижения работ Ричарда многое сделал Деймон Найт, и несколько лучших историй

писателя (Маккенна был прирожденным рассказчиком) можно найти в знаменитой серии антологий Orbit.

В The Sand Pebbles нашла отражение более чем двадцатилетняя служба мистера Маккенны в Военно-морском флоте США, за годы которой он опубликовал всего несколько художественных произведений. Заметное место в его фантастике занимают антропологические темы, особенно в «Вернись домой, охотник» (1963), «Тайнике» (1966) и «Стране мечты» (1967). Ричард Маккенна – это еще один (увы) пример большого нераскрытого потенциала. (М. Г.)

Культурные различия трудно понять. Когда встречаются две цивилизации, каждая склонна считать другую примитивной, отсталой, даже безумной. Представьте, как, должно быть, удивительно прожить всю жизнь среди людей, говорящих на одном языке, и столкнуться с теми, кто издает непонятные звуки и тем не менее умудряется общаться. Древние греки называли всех, кто не говорил по-гречески, «ба-ба-ба», поскольку звуки, которые те издавали, казались бессмысленными слогами. Таким образом,

негреки стали barbaros*, превратившимися для нас в «варваров».*

Мы склонны думать о «варварах» не просто как о людях, говорящих на незнакомом языке, но как о людях нецивилизованных. Римляне считали «варварскими» северные племена, а китайцы называли «варварами» всех европейцев, и так далее. Мы также называем других savages *(дикарями), если они, на наш взгляд, лишены благ цивилизации. Это слово происходит от латинского «обитатель лесной глуши», но стало означать «неоправданно жестокий».*

Если мы когда-нибудь будем исследовать другие миры, представьте, сколько странных «варваров» и «дикарей» нам повстречается и какой трудной окажется попытка понять их уклад. (А. А.)

Уолтер Кордис был пухлым стареющим человеком, любящим спокойную жизнь. В последний, как он полагал, день полевой работы перед отправкой на пенсию в Новую Зеландию Уолтер взирал на свою жену на экране шпионского устройства и паниковал.

Пока они с Лео Браммом и Джимом Андрисом

строили гиперпространственный ретранслятор на планете Робадур, жизнь была далека от спокойствия: с ними были жены, а отдыхать и работать приходилось, спрятавшись под высоким горным массивом. Причина в том, что робадурианцы — уязвимые для культурного шока асимволики, и Институт человека, под юрисдикцией которого находились планеты гоминидов, запретил любые контакты с аборигенами. Марта продолжала скучать даже после того, как ей построили домик на соседнем пике. Кордис обрадовался, когда они с Андрисом вошли в тау-контакт с ретрансляционным блоком связи.

В следующие два месяца мирной изоляции тау-схемы устройства скопировали определенные нейронные паттерны людей, сделав его наполовину разумным и способным к электронной телепатии. Все шло тихо и спокойно. Теперь, когда работа закончена, люди были готовы опечатать станцию и вернуться на заранее подготовленной спасательной капсуле обратно на Землю. В дальнейшем Робадур посетят разве что антропологи из Института человека.

Но сейчас Уолтер Кордис стоял посреди разгромленного домика, и изображение на экране нелегального шпионского устройства приводило

его в ужас.

Робадурианцы не пользовались символами. Они просто не могли совершить налет на этот временный приют. Но экран показывал Марту, Уиллу Брамм и Элли Андрис сидящими на опушке леса и привязанными к кольям. Голубое платье Марты и ее тугие рыжие кудри были в полном порядке. Короткие ноги были чопорно прижаты друг к другу, а упрямо надутые губы показывали, что Марта в дурном расположении духа и тоже не верит своим глазам.

Возле ручья, на усыпанном желтыми цветами зеленом лугу одни обнаженные бородатые аборигены рыли яму острыми палками, другие складывали в кучу сухие ветки. Это были высокие парни с буграми мускулов под редким мехом, с низкими лбами и оскаленными челюстями. Один, в дьявольской маске из веток и перьев, казался старшим. Рядом с Мартой тихо плакала дерзкая смуглая малышка Элли Андрис. Уилла напрягала белые руки, пытаясь справиться с веревками. Женщины прекрасно понимали, что попали в беду.

Кордис отвернулся от экрана, стараясь не встречаться взглядом с Лео Браммом или Джимом Андрисом. В своих коричневых комбинезонах

они казались такими же неуместными среди серебристо-алого интерьера, как и мертвый робадурианский юноша у их ног. Округлое приятное лицо Лео выражало изумление. Джим Андрис хмурился. Это был крупный широкоплечий мужчина с резкими угловатыми чертами и черными волосами. Кордис понимал, что эти двое — более молодые и неопытные — безмолвно требуют от него решения.

Решение. Теперь ему не уйти на пенсию со статусом 8, повезет, если сохранит статус 7. Но он только что вышел из тау-контакта и пока был чист перед законом, предельно ясным законом: минимизировать культурный шок любой ценой. Но бросить Марту? Кордис посмотрел на мертвого робадурианского юношу. На гладкой коже цвета слоновой кости не было голубых волос, кроме как на раздробленном черепе. Кордис почувствовал, как его лицо запылало.

— Наши жены отмыли его, побрили и сделали домашним животным? — Его голос слегка дрожал. — Лео… Лео…

— Моя вина, сэр. Я соорудил им шпионский экран и отправился спасать мальчика, — ответил Лео. — Не хотел отвлекать вас с Джимом от контакта. — Коренастый светловолосый молодой

человек сильно побледнел. — Они… Ну, я беру всю вину на себя, сэр.

— Вину установит Институт человека, — сказал Кордис.

«Виновен я», — подумал он. В том, что вопреки здравому смыслу притащил сюда Марту. Но шпионский экран Лео был нарушением этики и непосредственно привел к незаконному контакту и… к этой передряге! Лео молод, к нему проявят снисходительность. Хорошо, это вина Лео. Кордис заговорил четким голосом:

— Минимизируем. Расплавляем домик, опечатываем станцию, капсулируемся домой на Землю и докладываем об этом.

Джим нахмурился еще сильнее.

— Что бы ты ни думал о собственной жене, свою я люблю, Кордис, — заявил он. — И вытащу Элли оттуда, даже если мне придется культурно шокировать этих синих обезьян огненной струей насмерть.

— Ты сделаешь так, как я говорю, Андрис! Вы с женой подписали обязательства и отказ от претензий, помнишь? — Кордис попытался исполнить взгляд начальника на подчиненного. — Закон гласит, что она не стоит риска исчезновения целого вида, который когда-нибудь

может стать человеческим.

— К черту закон, для меня она того стоит! — ответил Джим. — Кордис, эти голубые обезьяны уже люди. Как еще они могли совершить набег, убить этого мальчика, увести женщин? — Он сплюнул. — Высадим тебя опечатывать станцию, сохранишь руки чистыми. А мы с Лео заберем женщин.

Кордис опустил глаза. Будь проклята эта его наглость! И все же… Лео мог засвидетельствовать, что все затеял Андрис… а он все равно останется чист…

— Я пойду с вами, чтобы гарантировать минимизацию, — сказал он. — Против воли… Лео, ты свидетель. Но этот дом уничтожаем немедленно!

Несколько минут спустя флаер под управлением Лео уже висел над домиком, пока Кордис направлял на поверхность скалы огненную струю. Порода дымилась, рассыпалась, плавилась и погружалась в пузырящуюся, дымящуюся полость. Мертвый юноша с гладкими мускулистыми конечностями превратился в пятно сажи. Кордис почувствовал себя лучше.

Полчаса спустя флаер завис над лугом, ниже по склону той же горы. Робадурианцы бросились в лес, и Джиму не понадобилось использовать

огнемет. Лео приземлился, мужчины вышли, и Кордис почувствовал, как его скрученный последний час желудок отпустило. Они побежали к женщинам. Элли Андрис улыбалась, а Марта кричала что-то со злым лицом. Когда Кордис остановился, чтобы развязать жену, синяя орда из леса вернулась. Робадурианцы приближалась, вопя, прыгая и размахивая мокрыми ветками с листьями, от которых шел резкий запах…

Кордис пришел в себя, болезненно осознавая, что привязан к столбу, как животное, и теперь должен спасать не карьеру, а жизнь. Он притворился спящим и осторожно приоткрыл один глаз. Марта сейчас выглядела изможденной и злой, он побоялся встретиться с ней взглядом. Остальных Кордис видеть не мог, только Элли Андрис, которая слабо улыбалась… Без сомнения, Джиму.

«Эта пара детей должна спастись», — подумал Кордис.

Наверное, он довольно долго оставался без сознания, поскольку внизу, в долине, уже пылал багрянцем и золотом закат, а яма выглядела законченной — эллипс примерно тридцать футов в длину и три в глубину. Часть робадурианцев продолжала насыпать по краям черную землю, а остальные складывали из наломанного

кустарника грубую пирамиду. Они тараторили без умолку, но Кордис знал, что это всего лишь обмен настроениями. Именно это и делало происходящее настолько ужасным. Аборигены были чужды символизму, еще не имели полноценного языка, не знали добра и зла и являлись такой же природной силой, как текущая вода. Кордис не имел возможности ни угрожать, ни подкупать или даже умолять. Несмотря на курносый нос и полные губы, он умел произвести впечатление… дома, на Земле. Не на таких, как эти.

Возле ямы как часовой возвышался дьявол в маске. Внезапно он повернулся и зашагал к Кордису, волоча за собой деревянное копье. Кордис напрягся и почувствовал, как в нем зарождается крик. Дьявол навис над ним, худой и мускулистый. На державшей копье руке не было мизинца. Сквозь перья и веточки смотрели проницательные серые глаза.

— Кордис, ты дурак, зачем вы притащили женщин? — спросил дьявол на беглом английском. — Теперь жизни всех вас в опасности.

Крик превратился в благодарный вздох. С возможностью говорить Кордис вновь почувствовал себя вооруженным, почти свободным. Но первой ответила Марта:

— Мужчинам нужны женщины, которые вдохновляли бы их и придавали мужества! Уолто! Скажи ему, кто ты такой! Заставь его отпустить нас!

«Уолто» означало, что она в гневе. В теплых чувствах она называла его Уолли-малыш. Но, как обычно, Марта была права. Он сжал челюсти и обратил холодный взгляд статуса 7 на маску дьявола.

— Послушайте, если вы знаете наш язык, то должны знать и то, что мы очень стараемся не высаживаться на планеты гоминидов, — любезно произнес он. — Есть множество других планет. По техническим причинам нам пришлось выполнять здесь работу. Она закончена. У нас есть запасы и инструменты, которые мы можем вам оставить. — Он непринужденно рассмеялся. — Заберите их и отпустите нас. И никогда больше никого из нас не увидите.

Дьявол покачал головой.

— Дело не в том, что можем увидеть мы, а в том, что уже увидели ваши женщины, — сказал он. — Они знают священную тайну, и бог Робадур требует вашей смерти.

Кордис побледнел, но говорил спокойно:

— Мы с Андрисом не общались с остальными

два месяца. Я не знаю никакой тайны. Пока мы были изолированы, Брамм соорудил для женщин шпионский экран и спас того мальчика…

— Который был отдан Робадуру. Робадур ест своих детей.

— Артура *пытали*, а потом он вырвался и убежал, — вмешалась Марта. — Я видела тебя там!

— На вашем совершенно неэтичном шпионском экране.

— Почему бы и нет? Вы всего лишь грубые животные!

Дьявол приставил копье к ее горлу.

— Заткнись или я сейчас проткну тебя! — сказал он.

В глазах Марты сверкнул вызов.

— Нет! *Тихо*, Марта! — Кордис поперхнулся. Его уверенность рассыпалась. — Брамм совершил все это. Убейте его и отпустите нас! — Он извивался в своих путах.

Сзади раздался голос Лео:

— Да, я это сделал. Возьми меня и отпусти их. — Его голос тоже стал высоким и дрожал.

— Нет! О, пожалуйста, нет! — Это зарыдала Уилла.

— Прекратите! — взревел Джим Андрис. — Или все, или никто! Послушай, ты, в перьях, я знаю

твою тайну. Ты ренегат, изображающий бога среди асимболиков. Но мы здесь по разрешению Института человека, и они придут искать нас. Твоя игра окончена. Отпусти нас, и тебя обвинят только в культурном шоке.

Дьявол поставил копье на землю и склонил голову набок. Робадурианцы вокруг ямы остановили работу, чтобы наблюдать. В наступившей тишине Марта пронзительно закричала:

— Мой брат работает в Институте человека!

— Я велел тебе заткнуться! — Дьявол ударил ее древком копья. — Знаю я твоего брата. Том Бреннан лично убил бы тебя, чтобы сохранить тайну.

— Какую тайну, пернатая морда? Что ты бог? — спросил Джим.

— Тайну о том, что человек создал себя сам, а что создал человек, человек же может разрушить, — ответил дьявол. — Я не Робадур, Андрис, но я прикреплен к нему от Института человека. Институт скроет ваши смерти. То же самое было сделано на сотнях других планет гоминидов ради сохранения тайны.

— Роланд Кребс! Ролло! Ты ударил даму…

Копье атакующей змеей метнулось к горлу Марты. Она откинула голову назад и заохала, ее лицо внезапно побледнело, а в глазах была

растерянность.

— Не трогай ее! — закричал Кордис. — Мы поклянемся все забыть, если ты нас отпустишь!

Дьявол отвел копье и рассмеялся.

— Поклянетесь чем, Кордис? Своей честью? Своей душой? — Он сплюнул. — Что создал человек, человек же может разрушить. Ты — живое доказательство!

— Мы поклянемся Робадуром, — взмолился Кордис.

Дьявол посмотрел вдаль, на закат.

— Знаете, а вы могли бы. Вполне могли бы, — задумчиво сказал он. — Сегодня вечером мы отправляем группу мальчиков к Светлому Робадуру, вы могли бы пойти с ними. — Он резко развернулся. — Лидер ты, Андрис. Как тебе такое?

— И что это собой представляет? — спросил Джим.

— Ритуал, который превращает животных в людей, — ответил дьявол. — Существуют определенные испытания для уничтожения животных. Если вы действительно мужчины, с вами все будет в порядке.

— А что насчет женщин? — Голос Джима звучал раздраженно.

— У них нет душ. Робадур заставит вас ответить за них.

— Твоя вера в Робадура велика, — сказал Джим.

— Не вера, Андрис, а знания ученого, такие же твердые, как твои собственные, — ответил дьявол. — Если вы посадите робадурианца в парикмахерский аппарат, ему не понадобится вера, чтобы постричься. А вечерний ритуал — это своего рода психическая машина. Вы увидите.

— Хорошо, мы согласны, — сказал Джим. — Но хотим, чтобы наши жены не пострадали. Понял, пернатая морда?

Дьявол ему не ответил. Он крикнул, и туземцы засуетились вокруг кольев. Кордиса развязали и рывком поставили на ноги, его сердце колотилось так сильно, что закружилась голова.

— Не позволяй им причинить тебе боль, Уолли-малыш!

На миг в расстроенном лице Марты он увидел призрак девушки, на которой женился тридцать лет назад. Словно отблеск живой красоты, которая освещала обращенное к Джиму лицо Элли Андрис. Цепенея от страха, Кордис попрощался с призраком.

Кордис тащился вверх по темному ущелью,

как раненый бык. Он знал, что если не достигнет убежища у священного пруда где-то впереди, то идущие по пятам жрецы проткнут его копьем, словно загнанное животное, каковым Кордис себя и ощущал. Джим, Лео и перепуганные робадурианские юноши давным-давно его опередили. Камни резали ступни, а шипы рвали кожу. Лео и Джим виновны, молоды и останутся живы. Он невиновен, стар и умрет. Несправедливо. Пусть они тоже умрут. Его легкие мучительно горели, а у подножия водопада подогнулись колени.

Умереть здесь. Несправедливо. Кордис услышал приближающихся жрецов, и от ужаса по его спине поползли мурашки. Умереть в бою. Он пошарил в воде в поисках камня. Лицом к лицу с копьями. Он съежился.

Джим и Лео вернулись вдоль водопада и помогли Кордису подняться по тропе.

— Соберись с духом, Кордис! — сказал Джим.

Они тащили его вперед, тяжело дыша и ругаясь, пока овраг не расширился, превратившись в тихую заводь под нависающей скалой, увенчанной красными отблесками заката. Двадцать с лишним робадурианских юношей, хныча, сгрудились слева, на каменистом склоне. Затем с ревом налетели жрецы, и после Кордис воспри-

нимал происходящее вспышками.

У него был дьявол-хранитель, чудовищный жрец с белыми полосами, нарисованными глиной поперек груди. Белая Полоса и другие погнали Кордиса вверх по склону, бросили на спину и связали его запястья и лодыжки пучками травы. На грудь ему положили камешек. Кордис старался помнить, что это символические ограничения, и, если разорвется трава или сдвинется камешек, Белая Полоса убьет его. Ниже по склону мальчик-туземец с криком разорвал путы, и жрецы проломили ему череп. Кордис содрогнулся и лежал очень тихо. Но когда ему воткнули шип рядом с левым ахилловым сухожилием, Кордис охнул и поджал ногу. Камешек скатился, дубинка Белой Полосы обрушилась рядом с его головой, и он умер.

Кордис очнулся от боли и холода уже при свете звезд и понял, что всего лишь потерял сознание. Рядом с ним в тени скалы сидел Белая Полоса, положив дубинку на волосатые колени. Ниже по склону местные мальчишки пели заунывную песню без слов. Они делились настроением, выражая печаль и испуганное удивление. «Я почти мог бы подпеть им», — подумал Кордис. На груди у него снова лежал камешек, а на запястьях и

лодыжках ощущалась трава. В спину впивался каменный выступ, и Кордис очень осторожно, чтобы не потревожить символы, сменил позу. Неподалеку, но не в поле его зрения тихо переговаривались Джим и Лео.

«Черт бы их побрал, — подумал Кордис. — Они будут жить, а я умру. Я уже умираю. Зачем терпеть боль и унижение, если все равно умирать? Я просто сяду и позволю Белой Полосе покончить с этим. Но сначала…»

— Лео, — произнес он.

— Мистер Кордис! Слава небесам! Мы подумали… Как вы себя чувствуете, сэр?

— Плохо, Лео… Хотел сказать… ты отлично поработал тут. Твое имя внесено в статус три. Хотел сказать… это все моя вина. Прости.

— Нет, сэр, — сказал Лео. — Вы были в контакте, как вы могли…

— До этого. Когда позволил Марте прилететь, а потому не смог уговорить вас, юниоров, оставить своих жен дома. — Кордис сделал паузу. — Я должен… Марта заставила меня в некотором смысле, Лео.

Ее гордость, подумал он. Ее более тонкие чувства. Ее мгновенная уверенность в правоте, которая подкреплялась его собственной нереши-

тельностью. Да, Марта управляла им.

— Я знаю, — сказал Лео. — Уилла тоже гордая и честолюбивая.

Над Уиллой поработала Марта, подумал Кордис. Намекнула, что могла бы помочь карьере Лео. Так она получила шпионский экран. Что ж, *раньше* он оценивал Лео гораздо выше, чем Джима. Да и Марте не нравилось поведение Элли и Джима.

— Я собираюсь умереть, парни, — сказал Кордис. — Вы простите меня?

— Нет, — ответил Джим. — Женщина превратила тебя в беспомощное ничтожество, Кордис. Сам прости себя, если сможешь.

— Послушай, Андрис, я это запомню.

— Я увезу Элли на пограничную планету, — заявил тот. — Мы больше никогда не увидим безволосых слизняков вроде тебя.

Лео протестующее забормотал. «Я выживу, чтобы поквитаться с Андрисом, — подумал Кордис. — Будь проклята его наглость!» Пятка пульсировала, а камень все еще колол под ребра. Кордис осторожно пошевелился, и ему стало легче. Он напевал под нос песню местных мальчиков, и это тоже помогало. Кордис задремал. «Если я выживу, у меня снова вырастут волосы на теле», — подумал он.

* * *

Его разбудил голос Джима:

— Кордис! Лежи тихо!

Открыв глаза, в свете факелов он увидел вокруг волосатые ноги, зубастые звериные морды, ревущие песню, и Белую Полосу, покачивавшегося рядом ей в такт с дубинкой наготове. Песня раскатисто прогремела над Кордисом, и вниз языками пламени посыпались искры, опаляя его тело. Он заскулил и дернулся, но не позволил шевельнуться камешку на своей груди. Процессия двинулась дальше. Ниже по склону закричал мальчик, глухие удары дубинки заставили его замолчать. И снова Кордис почувствовал жалость к мальчишкам.

— Черт возьми! — выругался Джим. — Это и впрямь больно!

— Это испытание, которого не выдержал тот парнишка, Артур, только ему удалось сбежать, — сказал Лео. — Миссис Кордис следила за ним на экране, пока я его не спас.

— Как он себя вел? — спросил Джим.

— Доверился мне с самого начала. Уилла сказала, что он был очень ласковым, и они научили его разным трюкам. Только он не произносил ни

слова и просто взбесился, когда они попытались заставить его говорить.

«Я ласковый. И знаю разные трюки», — подумал Кордис. Ниже по склону погасли факелы, и жрецы запели вместе с мальчиками. Белая Полоса снова уселся на выступ рядом с Кордисом и тоже негромко запел. Это была новая песня — со словами, что встревожило Кордиса. Затем он услышал шаги над головой и резкий голос Джима:

— Привет, пернатая морда, мы все еще тут. Миссис Кордис назвала тебя по имени. Кребс, да? Кто ты, черт возьми, такой?

— Роланд Кребс. Антрополог, — произнес дьявольский голос. — Однажды я чуть не женился на Марте, но она очень вовремя начала называть меня *Ролло*.

Тот тип? Кордис открыл было рот, но быстро закрыл. Еще не хватало! Он притворился, что потерял сознание, и старался не слушать.

— Вы не сможете разделить следующую фазу ритуала, и это ваша большая потеря, — сообщил Кребс. — Сейчас каждый мальчик постигает имя, которое назовет своим на последнем этапе, если выживет. У мужчин примитивный язык, и мальчики давным-давно подхватывают слова, как попугаи. Теперь, когда они поют вместе со

жрецами, слова оживают в них.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Джим.

— Непосредственно то, что сказал. Слова связываются вместе и впервые обретают смысл. В этой песне робадурский вариант мифа о сотворении мира. — Кребс понизил голос. — Их нет здесь и сейчас, как тебя, Андрис. Они, осознавая все свои чувства, присутствуют при сотворении собственного человеческого мира.

— Это и есть потеря для нас? Да… Это большая потеря. — Голос Джима звучал потрясенно.

— Да. Долгое время слова были всего лишь болезнью нашего рода, — сказал Кребс. — Но они все еще способны объединять и значить. Подумайте вот о чем: мы нашли гоминидов на тысячах планет, но никто из них не достиг стадии использования символов. Разве что едва-едва. Палеонтология доказывает, что аборигены застряли на пороге эволюции разума в человеческий на целых двести миллионов лет. Но на Земле разум нашего вида эволюционировал до стадии использования символов примерно за триста тысяч лет.

— Так эволюционирует разум или мозг? — тихо спросил Джим.

— Мозг эволюционирует так же, как плавники превращаются в ноги, — ответил Кребс. — Го-

миниды не в состоянии развить центральную нервную систему, адекватную для работы с символами. Но на Земле за очень короткое время что-то привело к структурным изменениям в центральной нервной системе одного вида животных, куда более значительным, чем грубое внешнее изменение от рептилии к млекопитающему.

— Я инженер, — сказал Джим. — Зоологи знают, как такое случилось.

— Зоологи всегда считали, что естественный отбор не мог сработать столь быстро, — ответил Кребс. — То, что мы узнали на планетах гоминидов, доказывает — так оно и есть. Естественный отбор может занять полмиллиарда лет. Наши пращуры выбрали короткий путь.

— Ладно, — сказал Джим. — Ладно. Наши пращуры стали своим собственным фактором отбора в ритуалах, подобных этому. Они были животными и превратили себя в людей. Ты хочешь, чтобы я это сказал?

— Я хочу, чтобы вы почувствовали хотя бы часть того, что сейчас чувствуют мальчики. Да, наши пращуры изобрели ритуал как искусственное дополнение эволюции. Они изобрели ритуал, чтобы выявить и сохранить все мутации в чело-

веческом направлении и устранить регрессию к животной норме. Они придумали испытания, в которых инстинктивное поведение животного означало смерть, и только способные пойти против инстинкта могли выжить, чтобы стать людьми и отцами следующего поколения. — Голос Кребса слегка дрожал. — Подумай об этом, Андрис! Люди и животные — братья, рожденные от одной матери, и животных убивали в период полового созревания, если они не выдерживали испытаний, вынести которые мог только человеческий разум.

— Да. Наша тайна. Наша настоящая тайна. — Голос Джима тоже дрогнул. — Каин убивал Авеля на протяжении десяти тысяч поколений. И это создало *меня*.

Кордис вздрогнул, и камень вонзился ему под ребра.

— Грех Темного Робадура — это благодать Светлого Робадура, и они едины, — сказал Кребс. — Знаешь, Институт превратил миф в науку. Темный Робадур — это общевидовая личность, олицетворенный инстинкт. Светлый Робадур — это человеческий потенциал этих созданий. Он связывает Темного Робадура символами и удерживает его ритуалом. Он делает это с любовью,

ради превращения своего народа в людей.

— С любовью, страхом, болью и смертью, — заметил Джим.

— С болью и смертью. Те, кто умер сегодня ночью, были животными. Те, кто умрет завтра, будут несостоявшимися людьми, которые осознают, что умирают, — ответил Кребс. — Но послушай их песню.

— Я слышу ее. Я понимаю их чувства, спасибо тебе за это, Кребс, — сказал Джим. — Только мальчики?

— Да, девочки получат половину хромосом от своих отцов. Они получат весь эффект отбора, за исключением той части, которая специфически относится к мужской Y-хромосоме, — пояснил Кребс. — Они останутся без греха, связанного с Темным Робадуром. Это создаст психологическую разницу.

— А. И вы, люди из Института, начинаете эти ритуалы на планетах гоминидов, делаете их самоподдерживающимися, как разжигание уже разведенного костра, — медленно произнес Джим. — Культурный шок — это ложь.

— Не ложь, а полезная дымовая завеса.

— Ох, Кребс, спасибо тебе. Кребс… — Джим понизил голос, и Кордис напрягся, чтобы расслы-

шать: — ...как ты считаешь, может ли Светлый Робадур обладать сверхчеловеческим потенциалом?

— Я надеюсь, что он может таким стать, — ответил Кребс. — Теперь вы знаете всю меру нашего предательства. И на этом я вас оставлю.

Его шаги затихли вдали. Впервые заговорил Лео.

— Джим, я боюсь. Мне это не нравится. Ритуал сделает *нас* сверхлюдьми? Что это значит?

— Мы не можем знать. Ты бы спросил у обезьяны, что значит «человек»? — ответил Джим. — Наши пращуры сумели развить себя в качественно иной вид. Потом они остановились, но этого не следовало делать. Я надеюсь, что на одной из планет гоминидов произойдет развитие через человека к качественно иному виду. — Он рассмеялся. — Эта возможность — тайна, которую мы должны сохранить.

— Мне это не нравится. Я не хочу быть сверхчеловеком, — сказал Лео. — Мистер Кордис! Мистер Кордис, что вы думаете?

Кордис не ответил. Зачем позволять проклятому Андрису снова оскорблять его? Кроме того, он не знал, что и думать.

— Он в обмороке или мертв, бедный толстый

старый ублюдок, — сказал Джим. — Лео, все, что делает ритуал, это заставляет тебя доказывать свою человеческую сущность, свою мужественность, точно так же как это приходится делать мальчишкам. Мы ведь обладаем мужественностью только благодаря случайности при оплодотворении.

— Мне это не нравится, — отозвался Лео. — Эти сверхчеловеческие штучки. Это… аморально.

— До них еще сто тысяч лет, — ответил Джим. — Но мне это нравится. Что мне не нравится, так это думать, что история галактической жизни пойдет вверх, а потом навсегда остановится на таких, как старина Уолли-малыш.

— Он не так уж плох, — сказал Лео. — Я надеюсь, он все еще жив.

«Да жив, черт бы побрал вас обоих!» — подумал Кордис. Джим и Лео перестали разговаривать.

Ниже по склону голоса жрецов стихли, и мальчики в одиночестве допевали свою обретшую слова песню сотворения мира. Белая Полоса исчез. Небо над огромной скалой побледнело, а на горизонте появились яркие планеты. Кордис почувствовал, что его лихорадит. Он погрузился в полудрему.

И увидел развернутую веером сеть из золотых

линий. Узлы утолщались, превращаясь в рыб, ящериц и людей. Голос прошептал: *Вся жизнь — это непрерывная цепь во времени. От сына к отцу червь жизни, не прерываясь, тянется в прошлое, к изначальному океану. Ради тебя жизнь склонилась перед сексом и смертью. Ради тебя она вдыхала ледяной воздух слабыми легкими. Ради тебя она терпела боль от гравитации в костях, слишком слабых, чтобы ее выносить. Десять тысяч твоих волосатых пращуров один за другим прошли через испытание болью и ужасом, чтобы сделать тебя мужчиной. Зачем?*

Я не знаю зачем.

Ты мужчина?

Что такое мужчина? Я мужчина по определению. По естественному праву. В результате случайности при оплодотворении. Что еще такое мужчина?

Два миллиона лет бьются о тебя прибоем, Уолтер Кордис. Двадцать тысяч кулаков твоих волосатых пращуров грохочут по тебе, как по двери. Открой им путь или будешь разбит.

Я не знаю пути. Я сбился с дороги.

Сквозь туман сна он бежал от своих волосатых предков. Но это они сохранили целыми пучки сухой травы, которые связывали его ужасающей

прочностью смысла. Это они укрепили камешек, который раздавил его тяжестью горы символов. Ни на мгновение он не переставал осознавать их присутствие.

К полудню пасмурного дня жажда стала еще большей мукой. Кордис едва слышал жужжание насекомых, которые питались его запекшейся кровью и сукровицей. Но он слышал каждый всплеск и журчание охраняемой жрецами воды, стекавшей по склону. Еще слышал, как умирали мальчики, чья животная жажда пересиливала ненадежную новую связь с символами.

«Выживают лишь те, кто помнит, что означают пучки травы, — подумал Кордис. — Бедные про́клятые дети! Уметь страдать и преодолевать свои инстинкты — значит жить и быть человеком».

Голоса Джима и Лео то появлялись, то исчезали из его лихорадочных снов. Спина уже онемела там, где в нее впивался камень.

Роза заката венчала огромную скалу над заводью, когда Белая Полоса погнал Кордиса своей дубинкой вниз по склону. Тот прихрамывал и растирал спину, а каждый сустав и мышца его измученного тела болели и требовали воды. Джим и Лео выглядели неплохо. Кордис хмуро промол-

чал в ответ на их приветствия. «Обойдусь перед смертью без их чертовой жалости», — подумал он. И отошел к группе местных мальчишек, стоявших у каменного края водоема. Их тонкие губы подергивались, а плоские ноздри раздувались и принюхивались к запаху воды. Кордис тоже шмыгнул носом. Он увидел, как Кребс, все еще в маске из веток и перьев, прошел через шеренгу жрецов и заговорил с Джимом.

— Вас всех бросят в воду, Андрис. Что касается мальчиков, Темный Робадур должен довести тело до берега, иначе они утонут. Светлый Робадур должен не позволить телу напиться, иначе их забьют дубинками. Эти двое должны действовать сообща. Понимаешь?

Джим кивнул, и Кребс повернулся к жрецам. «Эти дети не смогут такое проделать, — подумал Кордис. — Я и сам не смогу». Он потряс руку мальчика, стоявшего рядом, и посмотрел в испуганные карие глаза. «Не пей», — попытался сказать Кордис, но горло слишком пересохло, чтобы говорить. Он улыбнулся, кивнул и сжал губы пальцами. Мальчик улыбнулся в ответ и повторил его жест. Следом и остальные мальчики проделали то же самое. Кордис осознал, что его охватило странное чувство. Похожее на любовь.

Как будто они все были его детьми.

Затем влага охладила его тело и лицо. Он поплыл по-собачьи, прикусив язык, чтобы не сглотнуть. Белая Полоса выдернул его обратно на берег, и Кордис услышал позади ужасные крики и глухие удары дубинки. Слезы защипали ему глаза.

Затем, хромая и спотыкаясь, он спустился в темный овраг. На крутых участках юные аборигены поддерживали его за руки и помогали. Миновав заросли ив, Кордис увидел костер возле окруженной кустарником ямы. Там стояли их женщины. Они выглядели вполне нормально. Кордис пошел с мальчиками к яме.

— Уолли-малыш! Не позволяй им навредить тебе! — закричала Марта.

— Заткнись! — рявкнул Кордис. Крик разорвал его склеенное горло.

Мальчики встали в круг лицами наружу и принялись танцевать вокруг ямы. Жрецы танцевали в большем круге лицами внутрь, двигаясь в противоположном направлении. Кольца разделяло расстояние в десять футов. Жрецы выли и махали руками. Кордис очень устал. У него болела пятка, а на спине, по ощущениям, вырос горб. Каждый раз, оказавшись напротив, Белая Полоса выл и

указывал на него. Кордис видел Марту, когда проходил мимо освещенной огнем площадки. Внезапно один из жрецов прыгнул вперед и вытащил соседнего с Кордисом мальчика в пространство между кольцами танцующих. Кордису пришлось двигаться дальше, но он услышал крики и удары дубинки. Когда он завершил круг, то увидел, как обмякшее тело швырнули между танцорами в яму.

Жрецы хватали новых мальчиков, заставляли их вставать на колени и что-то проделывали. Если мальчики не могли этого вынести, их убивали. Но даже если они выдерживали, жрецы бросали их в яму. «Я должен это вынести, — подумал Кордис. — Иначе меня убьют». И тут Белая Полоса взвыл, прыгнул и схватил его.

Бросил на колени.

Уложил правую ладонь Кордиса на плоский камень.

Отвел в сторону мизинец.

«Его размозжат камнем! Не смогу это вытерпеть!»

Возмущение взорвалось воплем боли. Скрытая сила взревела, почти превращаясь в действие. Но после появились волосатые пращуры, заставили потомка замолчать, и он выдержал. Белая Полоса

перегрыз сухожилия зубами, и, когда палец был оторван, а культя прижжена тлеющим углем, жрецы бросили Кордиса в яму.

Он чувствовал, как рядом с ним падали другие тела, и волосатые пращуры подошли совсем близко. Окружили его, усмехаясь и шепча: «Ты *мужчина*. Твой путь открыт». Кордис чувствовал себя отлично — уверенным, умиротворенным и сильным, как никогда раньше. Он хотел удержать это ощущение и, опасаясь потерять его, старался не слушать звавший его голос Джима. Но тот не умолкал, поэтому Кордис открыл глаза и поднялся на ноги. Лео и Джим ухмыльнулись ему.

— Знал, что у тебя получится, старина, и я рад, — сказал Джим.

Новое чувство не покинуло Кордиса. Он ухмыльнулся в ответ и пожал своим друзьям окровавленные руки. Вокруг ямы над их головами по сваленному в кучу кустарнику затрещало и запрыгало красное пламя.

Вокруг нового костра начали петь жрецы, и Кордис мог видеть, как они прыгают в фантастическом танце. Живые мальчики-туземцы с трудом высвободились из-под тел мертвецов и встали. Кордис насчитал четырнадцать. Над ямой повалил дым, воздух стал плотным и удуш-

ливым. Было очень жарко, и все они принялись кашлять, сгибаясь пополам и чуть не выворачиваясь наизнанку.

Пение прекратилось, выкрикнули какое-то слово. Один из мальчиков поднял руки и принялся бегать взад-вперед вдоль края ямы. Подошел совсем близко и снова отпрянул.

— Назвали его имя, — пояснил Джим. — Время пройти сквозь огонь, чтобы заявить права на имя. Время нарушить самое священное табу Темного Робадура.

Снова крик. Дважды мальчик делал шаг вперед и дважды отшатывался. Его глаза закатились, он невидящим взглядом посмотрел на Кордиса. Лицо мальчишки было диким от животного страха перед пламенем.

Лео заплакал.

— Снаружи не увидят, давайте подтолкнем его, — предложил он.

— Нет, — сказал Кордис.

Он почувствовал над ямой чье-то *Присутствие*. Оно было тревожным и печальным. А еще знакомым, и странным, и ожидаемым, и очень правильным. Волосатые пращуры не были его частью, но приветствовали и говорили через него.

— Робадур, Робадур, дай ему сил пройти, — мо-

лился Кордис.

Третий крик. Мальчик стремительным прыжком взлетел вверх и прошел сквозь пламя. Огромная, всепоглощающая радость неслась вихрем и гремела в *Присутствии*.

— Джим, ты чувствуешь это? — спросил Кордис.

— Чувствую, — ответил Джим. Он тоже плакал.

Следующий мальчик попытался и отступил. Он застыл в тишине после третьего крика. Это была ужасная тишина. Волосы мальчика были опалены, лицо почернело, а губы открывали крепкие белые зубы. Глаза вытаращились и уже не были человеческими, но стали очень печальными.

— Я должен помочь ему, — сказал Лео.

Джим и Кордис удерживали его. Мальчик внезапно упал на четвереньки и зарылся под тела мертвых мальчишек, у которых тоже не было имен. Огромная печаль разлилась по всему *Присутствию*. Кордис заплакал.

Один за другим мальчики проходили через огонь. Их ноги пробили темную брешь в пылающей стене. Затем голос позвал: Уолтер Кордис!

Кордис подпрыгнул и прошел через темную щель, это было легко, ведь огонь почти погас.

Он направился прямо к Марте. Вся ее напуск-

ная твердость и надутые губы исчезли, а лицо светилось тем же мягким сиянием, что и личико маленькой Элли Андрис, которая все еще ждала Джима. Кордис отвел Марту в тень, и они, не говоря ни слова, обнялись. Затем смотрели, как появлялись остальные, а после жрецы длинными шестами столкнули пылающую стену в яму. Смотрели, как угасал огонь, и молчали. Танцоры ушли, и Кордис осознал, что незаметно исчезло и *Присутствие*. Но что-то все-таки осталось.

— Я люблю тебя, Марта, — сказал он.

Оба знали, что у него была сила произнести эти слова и право обладать женщиной.

Затем прошло еще некоторое время, а когда он снова поднял взгляд, там уже был флаер. Рядом в тусклом свете костра стояли Уилла и Элли, а к нему направлялся Кребс.

— Пойдем, Кордис. Перевяжу тебе руку, — сказал он.

— Я подожду у огня, Уолтер, — произнесла Марта.

Кордис последовал за Кребсом в лес. Нервное напряжение схлынуло, и ноги казались ватными. Все тело болело, хотелось воды, но Кордис все равно чувствовал себя хорошо. Они пошли туда, где сквозь стену хижины из переплетенных

ветвей пробивался свет. Лео и Джим уже оделись и стояли внутри у грубого стола и сундука. Пластигель почти моментально успокоил порезы и волдыри Кордиса. Он оделся и осторожно отпил воды из чашки, которую протянул Джим.

— Что ж, мужчины… — сказал он. Все рассмеялись.

Кребс стащил маску из веточек и перьев. Лицо у него оказалось с такой же выступающей челюстью, как у робадурианских жрецов, но оно было вовсе не уродливо.

— Кордис, я полагаю, ты знаешь, что на Земле тебе могут регенерировать этот палец, — сказал он и провел по своей бороде тремя пальцами. — В наши дни биополевая терапия творит чудеса.

— Не стану утруждаться, — ответил Кордис. — Когда нам давать клятву? Я могу поклясться сейчас.

— Нет необходимости, — сказал Кребс. — Теперь вы навсегда связаны с Робадуром. Вы сохраните тайну.

— Я бы сохранил в любом случае, — заметил Джим.

Кребс кивнул.

— Да. Ты всегда был мужчиной.

Они пожали друг другу руки и попрощались.

Кордис первым направился к флаеру. Он сильно наступал на левую пятку, чтобы почувствовать боль, и осознавал, что быть мужчиной — это совсем не мало.

Пастеризованного… Полный бак, пожалуйста. Рик Рафаэль (1919–1994)

Astounding science fiction

апрель

Рик Рафаэль работал выпускающим редактором в газете и редактором новостей на радио в Айдахо, после чего с 1965 по 1969 год служил пресс-секретарем у сенатора Фрэнка Чёрча, а затем десять лет провел в должности менеджера в сети магазинов Дж. К. Пенни. Как автор научной фантастики больше всего известен двумя сборниками связанных новелл: Code Three («Код три», 1965) и The Thirst Quenchers («Утоляющие жажду», 1965, в США не опубликован). Первый является прекрасным набором историй об американском будущем, где доминируют автомобили и невероятная система шоссе, – только On Wheels («На колесах») Джона Джейкса может конкурировать с Code Three в этой теме. The Thirst Quenchers – одна из немногих в научной

фантастике попыток подробно разобраться с проблемами перенаселенности. Рик Рафаэль также опубликовал два триллера: The Defector («Перебежчик», 1980) и The President Must Die («Президент должен умереть», 1981).

«Пастеризованного… полный бак, пожалуйста», перепечатываемый здесь впервые со времени журнальной публикации тридцать лет назад, – еще одна находка Барри Молзберга, спасибо снова, Барри. (М. Г.)

У великого Джона Кэмпбелла-младшего, ныне покойного, было двойственное отношение к науке. Он безмерно ею восхищался, но при этом считал, что ученым свойственно упорно придерживаться существующего образа мысли и сопротивляться изменениям. Он обожал рассказы, в которых ученые сталкиваются с чем-то совершенно безумным и им приходится достичь той же меры безумия, чтобы объяснить происходящее.

Написать такую историю без юмора невозможно. Я-то знаю. В 1956 году я написал для Джона рассказ «Паштет из гусиной печенки» о птице, несущей золотые яйца. А Рик Рафаэль вовлекает Кэмпбелла – и нас вместе с

ним – в еще более эксцентричную и комичную ситуацию. (А. А.)

— Кыш! — крикнула Хетти Томпсон, пытаясь пробраться к курятнику, и замахала видавшей виды фетровой шляпой на кудахчущую стаю, кружащую вокруг ног. — Пошли прочь! Ну-ка, Соломон! — обратилась она к подпрыгивающему гребню огромного петуха, гордо вышагивавшего вдоль толпы. — Не стой как довольный ковбой после ночи в Рино[8]. Разгони этих балаболок, а то не пройти!

Она шуганула кур руками, и птицы с протестующими криками бросились врассыпную.

В дверях курятника Хетти задержалась, чтобы после ослепительно сияющего двора ранчо дать глазам привыкнуть к прохладному полумраку. В спину било жаркое солнце раннего невадского утра, и под мужской рубашкой, которая была на ней надета, ощутимо потекли первые струйки пота.

Аккуратно, но быстро двигаясь вдоль гнезд, Хетти уверенно шарила в рассыпанной соломе в поисках яиц, осторожно клала каждую находку

---

[8] Сноски: 8

Рино — город в штате Невада. До момента расцвета Лас-Вегаса удерживал за собой звание игорной столицы США. — *Прим. ред.*

в висящую на руке металлическую корзину и беззвучно считала. Обойдя весь курятник, она выпрямилась и вышла с выражением легкого раздражения на лице.

Куры снова закружили у ног в надежде на горсть лущеной кукурузы, которую Хетти обычно им кидала. В дальнем углу по краю двора величественно ступал Соломон, ни единым шагом не заходя на взрыхленную полосу, за которой находился огород.

— Вот там и стой, донжуан негодящий, — проворчала Хетти. — Сегодня утром на пять яиц меньше, а ты как будто профсоюзный босс у этих беженок из кастрюли.

Соломон склонил голову и пристально посмотрел Хетти в глаза. Прежде чем подняться по ступенькам заднего крыльца, она бросила петуху последнее замечание:

— Плохо будешь стараться — сам того и гляди в этой кастрюле очутишься.

Соломон презрительно заклокотал.

— А еще лучше, заведу себе молодого петушка, будет вместо тебя работать.

Соломон громко вскудахтнул и помчался к курятнику, гоня перед собой трех куриц.

С довольной улыбкой победителя Хетти под-

нялась по ступенькам к двери кухни. Прежде чем войти, она обернулась и оглядела двор с постройками.

— Барни-и-и-и! — завопила она. — Ты никак там все еще коров доишь?

— Уже иду, миз Томпсон, — донеслось из хлева.

Сетчатая дверь за Хетти захлопнулась, она вошла на кухню и поставила на большой хозяйственный стол корзину с яйцами. Потом подняла было руку, чтобы вытереть рукавом рубашки влажный лоб, но тут заметила, что в оцинкованной корзине среди обычных яиц в центре лежит… золотое.

Хетти на несколько секунд застыла с приподнятой рукой, недоуменно таращась на тускло сияющий овал, а затем медленно вытащила яйцо наружу. Оно было чуть тяжелее обычного и, если бы не желтовато-бронзовый цвет скорлупы, не отличалось бы от остальных двадцати с лишним яиц в корзине. Хозяйка так и стояла с яйцом в руке, когда дверь снова хлопнула и, прихрамывая, вошел батрак. Он пересек кухню с двумя ведрами молока и поставил их у раковины.

— На чегой-то вы такое глядите, миз Томпсон? — спросил Барни Хэтфилд.

Хетти ничего не ответила, не переставая хмуро

пялиться на яйцо у себя в руке. Барни обогнул стол и подковылял поближе, приглядываясь. Льющийся сквозь окна кухни свет блестел на странной скорлупе. У Барни округлились глаза.

— Вот это штука… — с восхищением прошептал он.

Хетти вздрогнула, словно перед ее носом кто-то щелкнул пальцами. Ее лицо вернуло себе привычное выражение деловитого скептицизма.

— Да уж, — фыркнула она. — Сама чуть не попалась. Не такое какое-то яичко, но уж не золотое же. Видать, глупая курица наклевалась в сарае удобрений, перебрала минералов, что ли, каких-нибудь… На что ты пялишься, дурак ты старый! — Она сердито глянула на Барни. — Это тебе не золото.

Хетти положила яйцо на стол и подошла к раковине, поставила в нее чистый двухгаллоновый бидон из сушилки, готовая перелить в него жирное пенное молоко из ведер, принесенных Барни.

— Миз Томпсон, Салли сегодня отелилась. Разродилась славным бычком.

Хетти посмотрела на два ведра молока.

— Ну а где тогда остальное?

— Это от Квини. То, что от Салли, осталось на

крыльце.

— Так тащи его внутрь, пока на солнце не скисло!

— Не могу, — ответил Барни.

Хетти резко развернулась и сердито уставилась на него.

— Что значит — не можешь?! Ящур подцепил?

— Не, мэм, просто нехорошее оно, от Салли которое. Давайте теленку дадим молоко Квини?

Хетти подняла одно из ведер и принялась наполнять бидон. По ее лицу распространилась хмурая гримаса.

— Барни, а что там такое? Думаешь, Салли заболела или что? — спросила она.

Барни почесал в затылке.

— Даже не знаю, миз Томпсон. С виду-то и не скажешь, нормальное после отёла, ну почти. Жирности маловато и пенки нет, как привычно. Но одно точно скажу: пахнет оно как-то не так и на вкус тоже че-то не так, дьявол его. Мне когда оно странным на вид-то показалось, я палец в него сунул да попробовал. Ну точно говорю: дрянной вкус. Фу-у. — Вспомнив вкус молока, он скривился.

— Да ты небось лошадь свою старую чистил, а потом доить пошел, — Хетти фыркнула, — вот у

тебя вкус ее траченой старой шкуры на пальцах и остался. Я тебе сколько раз говорила руки мыть, прежде чем лезть доить коров. Я тыщу восемьсот долларов за племенную гернзейскую корову выложила не для того, чтоб у нее от твоих грязных рук вымя воспалилось.

— Да не так все было, миз Томпсон! — с негодованием воскликнул Барни. — Помыл я руки! Хорошо помыл. А к лошади утром вообще не подходил. Это просто молоко такое дрянное.

Хетти наполнила бидон, поставила в холодильник, вытерла руки о джинсы и вышла на крыльцо. Барни плелся следом. Она наклонилась к оставленным у дверей ведрам и принюхалась.

— Тьфу! — поморщилась она. — И впрямь запах странный. Барни, подай мне вон тот ковшик.

Барни снял висевший на гвозде рядом с дверью ковшик и протянул ей. Хетти зачерпнула молока, пригубила, резко выпрямилась и выплюнула молоко на двор.

— Гадость какая, — скривилась она, — на вкус хуже солярки. — Поморщившись, она помешала мутную жидкость в ведрах и пошла обратно на кухню, восклицая: — Ничего подобного еще не видывала. Куры снесли какое-то негодящее яйцо, а теперь, вот тем же утром, отелившаяся пле-

менная гернзейка за тыщу восемьсот долларов выдает помои вместо молока. — Она задумчиво посмотрела вдаль над двором, на далекие горы, словно колышущиеся от горячего полуденного солнца. — Пожалуй, Барни, мы это молоко свиньям нальем, чтоб не выбрасывать. Я еще не видела, чтобы дюроки от чего-нибудь отказывались. Будешь им еду разогревать, залей туда это молоко.

Хетти вернулась на кухню, а Барни заковылял по двору к тракторному сараю. Он надвинул на глаза поля пропитанного потом стетсона и, прищурившись, поглядел на юг, поверх дрожащих в горячем воздухе зарослей полыни и чахлых лугов ранчо «Сёркл-Т». Пыльные вихри кружили в далекой дымке у подножия гор, как будто образовывая коридор, ведущий к ранчо. Со двора шла грунтовая дорога, и примерно в пяти милях к югу она пересекалась с гудронным окружным шоссе, которое было сейчас единственным связующим звеном между «Сёркл-Т» и Карсон-Сити. Грунтовка-то и дальше шла на юг, в сторону города, прямая, как стрела, однако через пятнадцать миль ее перерезал новый забор с колючей проволокой в шесть рядов. Белая металлическая табличка с рельефными буквами заявляла: «До-

рога закрыта. Военная база правительства США. Запретная зона. Опасность — Peligre[9]. Проезд воспрещен».

Туго натянутые ряды раскаленной на солнце проволоки тянулись к востоку и к западу от дороги по двадцать миль в каждом направлении, и через каждые пятьсот ярдов на заборе висели дубликаты той металлической таблички. Затем проволочная преграда поворачивала и шла на юг почти сто миль, очерчивая колючими металлическими жилами границы Невадского ядерного полигона во впадине Френчмен-Флэт.

Когда только вырос этот забор, Хетти и ее соседи-ранчеро взывали и к высшим силам, и к высшим чиновникам, жалуясь, что лишились дороги и пастбища. Забор выстоял. Сейчас все уже свыклись с мыслью о его существовании и даже равнодушно воспринимали частые ядерные взрывы, которые сотрясали пустыню на шестьдесят миль во все стороны от эпицентра.

Барни развел огонь под большим почерневшим от копоти котлом, в котором Хетти готовила баланду для свиней. Дейл Хэмилтон, окружной сельхозагент, провел с Хетти долгую беседу об

---

[9] Сноски: 9
Опасность (*исп.*).

опасностях кормления свиней сырыми, необработанными и, возможно, зараженными отходами. Когда Хэмилтон живописал, что случается с людьми, которые ели свинину, полученную от таких животных, Хетти чуть поменялась в лице и приказала Барни обзавестись варочным котлом.

Слив в котел все помои, Барни отправился обратно к крыльцу за негодным молоком.

Хетти сидела за кухонным столом и складывала яйца в пластиковую подставку из холодильника, когда корм для свиней с ревом взорвался, а спустя долю секунды последовал еще более оглушительный взрыв, сотрясший строения ранчо. Яйца раскидало по всей кухне, а в окно, окруженная метелью осколков, со свистом влетела крышка котла, закончившая свой путь над печкой, где ребром воткнулась в стену. Хетти отбросило назад, голова оказалась прямо в кучке разбитых яиц. На застывшую фигуру пролился дождь из отбитой штукатурки и глиняных черепков. Расширенными глазами Хетти смотрела, как на дворе поднимается столб красновато-пурпурного пламени. Женщина, которую двадцать три раза сбрасывали необъезженные лошади и пять раз ей при этом прилетало копытом, надолго в остолбенении не застынет. Смахнув с лица шту-

катурку и ошметки яиц, Хетти Томпсон с усилием поднялась на ноги и, пошатываясь, подошла к двери кухни.

— Барни-и-и! — заорала она. — Ты там как?

Столб странно окрашенного пламени быстро сошел на нет, лишь несколько мерцающих щепок из-под котла горели по двору тут и там. Самого котла видно не было.

— Барни! — уже тревожно крикнула Хетти. — Ты где?

— Тут я, миз Томпсон. — Перепачканное сажей лицо Барни выглянуло из-за угла тракторного сарая. — Вы-то как, миз Томпсон?

— Что это тут за светопреставление? — поинтересовалась вместо ответа Хетти. — Ты что, огонь динамитом разводил?

Потрясенный, но в остальном невредимый Барни, мучительно хромая, добрался до крыльца дома.

— Не спрашивайте меня, что случилось, мэм. Я только то молоко в котел с помоями вылил, крышкой опять закрыл и ушел. Потом слышу — вжух, а как обернулся, вижу, крышка слетает, котел начинает над огнем кренироваться… А потом оно как даст… Меня прямиком за сарай с тракторами занесло.

Он порылся в кармане, достал сигарету и трясущимися руками прикурил.

Хетти внимательно оглядела двор, а подняв глаза, ахнула. Словно щеголеватая шляпа-котелок, на одну из лопастей ветряного насоса наделся котел из-под помоев.

— Да чтоб меня… — сказала Хетти Томпсон. — Барни Хэтфилд. Ты точно не налил бензину в огонь, чтобы разгорелось быстрее? — рявкнула она на батрака.

— Да как можно! — громко запротестовал Барни. — Там рядом-то и бензина не было, с огнем этим. Если чего и лил, так только то негодное молоко. — Он помолчал и почесал в голове. — Не иначе, миз Томпсон, это странное молоко такое учудило? Не придумали еще бензина, который бы так странно взорвался и загорелся.

— Да слыханное ли дело, чтобы молоко взрывалось, идиот старый? — Хетти фыркнула. Но на лице ее уже появилось сомнение. — Ты все молоко туда вылил?

— Нет, мэм, только одно ведро. — Барни указал на второе около двери кухни, сейчас заполненное только наполовину и стоявшее в луже жидкости, выплеснувшейся от ударной волны.

Хетти с минуту изучала ведро, потом реши-

тельно подняла его и пошла на двор.

— Есть только один способ узнать. Барни, принеси мне пустую консервную банку.

Она налила на дно банки пару столовых ложек молока, а Барни тем временем собрал кучу щепок на растопку. Отставив ведро с молоком на безопасное расстояние, Хетти разожгла костер, поставила на огонь консервную банку и отбежала на несколько ярдов к Барни, который наблюдал за происходящим, стоя поодаль. Не прошло и минуты, как из консервной банки со свистящим грохотом поднялся миниатюрный столб пурпурного, словно газового, пламени.

— Ну ты гляди на него! — изумленно воскликнула Хетти.

Жестянка отлетела на несколько футов, но не взорвалась. Хетти вернулась к ведру и, зачерпнув ковшиком меньше чайной ложки молока, подошла к костру. Встав как можно дальше, чтобы только дотянуться до пламени, она осторожно капнула жидкостью прямо в огонь и отскочила назад. Едва она успела начать движение, как из огня вырвались шарики пурпурного пламени. Во все стороны полетели пылающие щепки, одна угодила Барни по макушке и осыпала ему спину дождем искр.

Батрак завыл от боли и прыжками бросился к поилке у загона, оставляя за собой дымный след. Хетти задумчиво изучала поле своего эксперимента, подняв брови. Затем удовлетворенно хмыкнула, забрала ведро с остатками «молока» и вернулась в дом. Барни, обтекая, вылезал из лошадиной поилки.

На кухне царил хаос. Все было заляпано разбитыми яйцами, пол, стол и все поверхности усыпаны битым стеклом, черепками и штукатуркой. Неразбитым осталось лишь одно яйцо. Золотое. Хетти взяла его в руку и потрясла. Возникло едва заметное ощущение, будто внутри крепкой, словно металлической скорлупы что-то болтыхается. В принципе, чувство почти то же, как если встряхнуть обычное яйцо, но не совсем. Хетти водрузила странный предмет на полку и принялась наводить порядок.

Джонни Калпеппер, еще один постоянный работник, который помимо этого выполнял роль помощника управляющего ранчо, перед самым полуднем въехал на пикапе во двор. Джонни припарковался в тени огромного канадского тополя, росшего около дома, и соскочил с машины с грудой писем и газет. За дверью кухни он сгрузил почту на буфет и уже собрался закинуть шляпу

на крючок, когда заметил, в каком состоянии находится помещение. Хетти в это время разливала подогретое ароматное рагу по трем стоявшим на столе тарелкам. Основной беспорядок она уже ликвидировала и переоделась в чистые рубашку и джинсы. Седые волосы были стянуты на затылке в пучок, еще не просохший после того, как она торопливо вычищала из волос липкую смесь яиц и штукатурки.

— Хетти, разрази меня гром… — сказал Джонни. — Что здесь произошло? Бойлер, что ли, рванул?

У него расширились глаза, когда он увидел крышку помойного котла, угнездившуюся в стене над печкой. Затем его взгляд переместился на разбитое окно.

— Небольшая авария, — как бы невзначай пояснила Хетти, ставя на стол последние тарелки. — Расскажу за едой. Иди мой руки и зови Барни. Сегодня вставишь новое стекло и вытащишь из стенки эту треклятую крышку.

Заинтригованный и недоумевающий, Джонни вымыл руки в кухонной мойке и подошел к двери крикнуть Барни. Тот в дальнем конце двора отпускал стопор ветряка. На глазах у Джонни, наблюдавшего за происходящим с крыльца, под

тяжестью помойного котла лопасть громадного ветряка медленно повернулась вниз, чугунный горшок соскользнул и с оглушительным грохотом упал на утоптанную землю.

— Вот ведь! — проговорил еще более удивленный Джонни. — Эй, Барни, обедать пора. Пошли в дом.

Барни доковылял до кухни и вымыл руки. Все сели за стол.

— Так, рассказывайте, чем вы тут оба занимались? — спросил Джонни, как только все набросились на полные тарелки.

Успевая жевать, двое старших изложили ему утренние злоключения. Чем дальше шел рассказ, тем причудливее становился.

Джонни был при «Сёркл-Т» с десяти лет. Именно тогда в Карсон-Сити Хетти вырвала его из рук полицейского, который уже волок в участок немытого подростка в лохмотьях, стащившего из магазина коробку печенья. Мать Джонни умерла, а отец, когда-то лучший механик в городе, стал лучшим в городе пьяницей.

Когда отец отсыпался — либо в лачуге на окраине города, где они жили, либо в местном вытрезвителе, — Джонни срывался с катушек.

Хетти взяла мальчика на ранчо по двум причи-

нам. Прежде всего, заполнить ноющую пустоту в сердце, образовавшуюся после смерти Большого Джима Томпсона, которому за год до того раздавило грудную клетку при аварии трактора. Вторая причина — тщательно скрываемая досада, что у нее не было детей. На грубоватом морщинистом лице Хетти никогда не отражалось одиночество или сердечная мука. И вся таившаяся в глубине теплота и любовь достались пугливому, но задиристому сорванцу. Только привязанности своей она особо проявляться не позволяла, покуда Джонни не стал частью ее жизни. Зимой через год после их встречи отец Джонни умер от пневмонии, заработанной, когда он всю ночь провалялся пьяным в метель в холодной хибаре. Безо всяких юридических формальностей округ стал автоматически считать, что Джонни — сынишка Хетти.

Она давала ему подзатыльники и утешала, пока он был нескладным подростком, протащила его через старшую школу, а потом, когда ему исполнилось восемнадцать, отправила в университет Калифорнии в Дейвис изучить все, что ученые мужи и Департамент сельского хозяйства Соединенных Штатов могли рассказать о разведении скота и управлении фермой.

Когда Хетти и Барни закончили повествование, на лице Джонни было написано откровенное недоумение.

— Если бы я вас обоих так хорошо не знал, то сказал бы, что вы тут на пару высосали бутылку бурбона, пока меня не было. Я хочу это увидеть.

Они закончили обед и, когда Хетти составила тарелки в раковину, все вместе выдвинулись на крыльцо, где теперь уже Джонни исследовал молоко. Снова на безопасном открытом пространстве двора сложили костерок, и снова несколько капель жидкости произвели тот же феерический взрывной эффект.

— Вот-те на! — воскликнул Джонни. — Четырехсотоктановая корова гернзейской породы!

Он затоптал огонь, отнес ведро в сарай, поставил на верстак и набрал инструментов, чтобы отремонтировать развороченную взрывом кухню. Когда он уже уходил, его взгляд упал на «молоко», он сгрузил инструменты на верстак и поискал под ним пустую пятигаллоновую канистру для бензина. Перелив в нее оставшуюся жидкость и завинтив крышку, он взял инструменты, прихватил с полки целое оконное стекло и направился к дому.

Хетти вошла на кухню и застала его внима-

тельно рассматривающим застрявшую в стене крышку.

— Ты пока справишься — еще хуже намусоришь, — заметила она, — так что закончи сперва, а я потом все сразу уберу. Все равно еще других дел полно.

Она напялила на голову старую мужскую фетровую шляпу и вышла во двор. Барни выгружал из кузова последние порции припасов, привезенных Джонни из Карсона. Хетти ладонью прикрыла глаза от металлического сверкания полуденного солнца.

— Барни, очень сухо становится. Забрось в пикап соляных брикетов, я их отвезу на южное пастбище да посмотрю, не надо ли включить насосы. И ветряк почини, вдруг ближе к вечеру хоть немного подует. Но в любом случае погоняй насос часок — воды в цистерну налить. Я только по пастбищу проедусь и обратно. Хочу посмотреть, как там ангус-однолетка, которого я на буженину выбрала.

Несколько минут спустя пикап Хетти исчез в клубах желтой пыли. Барни дошел до прохладной насосной у подножия внушительного ветряка. Электромотор, питавшийся либо от линии электропередачи, либо постоянным током от ак-

кумуляторных батарей, смотрелся в маленьком сарайчике настоящим монстром. Слева от него стоял небольшой бензогенератор — резервный источник питания на случай, если нет ни ветра, ни электричества, а это частенько случалось зимой, когда обрывало провода.

Барни дернул за рубильник на корпусе электромонстра. Ничего не произошло. Он потянулся к выключателю проверить, горит ли единственная лампочка, свисающая на проводе с потолка. Тоже глухо. Неразборчиво бормоча, он переключил двигатель на питание от постоянного тока и попытался запустить помпу от аккумуляторов. Мотор заверещал, а потом тихонько завыл, но стоило Барни подключить муфту, как мотор встал и дальше лишь слабо гудел. Тогда Барни открыл распределительный щит.

Когда Барни приковылял на кухню, Джонни уже освободил крышку и выбивал из рамы куски разбитого стекла, чтобы вставить новое.

— Джонни, этот горшок проводку к насосной разнес, когда отправился летать, — сказал он. — Миз Томпсон хочет воды накачать, а тут еще и аккумулятор сел. Можешь проводку сейчас починить?

Джонни остановился и окинул взглядом по-

мещение.

— Я тут еще час проработаю, чтобы Хетти могла прибраться, когда вернется. Давай, ты пока заводи бензогенератор, а я, как здесь разберусь, приду починить проводку, — сказал он.

— Окей, — кивнул Барни и повернулся было уходить. — А! Забыл тебя спросить. Миз Томпсон тебе про яйцо говорила?

— Какое яйцо?

— Золотое.

— А как же, — Джонни ухмыльнулся, — и гусыню я видел, которая его снесла. А ты — Джек, а ветряк — твой бобовый стебель. Иди лезь на него, Барни, и завязывай со сказками.

— Да не-е, Джонни, — запротестовал Барни, — кроме шуток. Утром миз Томпсон вытащила из-под куриц золотое яйцо. Ну, по крайней мере, оно такое, как будто золотое, но она говорит, не. Да вон, сам погляди!

Он залез в буфет, куда Хетти положила странное яйцо, и принес его сидевшему на раковине у разбитого окна Джонни. Тот покрутил яйцо в руках.

— На ощупь и правда странное. Интересно, какое оно внутри?

Он аккуратно стукнул яйцо о край раковины.

Когда оно не разбилось, он постучал посильнее, но потом, сообразив, что если яйцо вдруг разобьется, то прольется на пол, положил его на сливную полку и ударил по нему молотком.

Скорлупа треснула, и на сливную полку вылилась жидкость, но не клейкая, как белок обычного яйца, а чистая и прозрачная. Маленький красноватый шарик, видимо желток, скатился в раковину и рассыпался в порошок. От образовавшейся массы потянулся легкий запах, похожий на эфир.

— Права, видать, была миз Томпсон, — сказал Барни. — Сказала, небось наклевалась эта курица удобрений с разными химикатами. Никогда такого яичка не видывал.

— Ага, — озадаченно ответил Джонни. — Ну да ладно, давай работать. — Он отодвинул с раковины золотую скорлупу и вернулся к разбитому стеклу.

Барни пошел в насосную.

Там он открыл бензобак и проверил палочкой уровень топлива. Та оказалась почти сухой, и, пробормотав новую череду проклятий, Барни похромал через двор к тракторному сараю за канистрой. Вернувшись, он доверху наполнил бак, отставил в сторону канистру и, подкачав бензин

в карбюратор, дернул шнур стартера. Движок завелся с захлебывающимся ревом и закрутился с бешеной скоростью. Барни быстро переключил дроссельную заслонку на уровень холостого хода, но мотор продолжал молотить на высоких оборотах. Тогда Барни заметил, что по стенке бака бежит белая жидкость, такая же, какая капает из канистры. Он широко ухмыльнулся, отключил муфту насоса и торопливо засеменил в сторону кухни.

— Эй, Джонни! — выкрикнул он. — Ты это, молоко от Салли в канистру слил, что ли?

Джонни высунулся в открытое окно кухни.

— Ну да, а что такое?

— Да я генератор им случайно заправил, и слышал бы ты, как он погнал! — воскликнул Барни. — Иди, посмотришь.

Джонни сел на подоконник и легко выпрыгнул во двор. Они уже были на полпути к насосной, когда в строении раздался громкий взрыв. Обломки мотора, как шрапнель, пробили тонкие стены. Над разрушенным зданием взлетело колеблющееся облако пурпурного дыма. Джонни и Барни распластались на горячей утоптанной земле. Из насосной выползли языки пламени и принялись лизать стены. Люди метнулись к лошадиной по-

илке и, набрав воды, побежали к пожару. Огонь еще только подступил к деревянным стенам, и несколько ведер воды уняли пламя.

Через пару минут мужчины уже разглядывали останки бензинового мотора.

— Вот же дерьмо! — воскликнул Джонни. — Эта дрянь весь мотор разорвала. — Он поднял голову, разглядывая дыры в крыше насосной. — Цилиндры рвануло, клапаны прям через крышу вынесло. Дерьмо коровье!

Барни потрогал насос и электромотор.

— А насосу вроде ничего. Надо, наверное, чинить проводку, раз бензинового двигателя у нас теперь нет.

Порванные провода снаружи дома соединили быстро, и уже через двадцать минут Джонни щелкнул выключателем. Большой электромотор ожил и выдавал ровный деловитый гул. Лампочка над головой ненадолго потускнела, когда насос заработал под нагрузкой, а потом сарай наполнился чавкающим плеском воды. Пару минут мужчины постояли и послушали. Убедившись, что все работает как надо, они вышли из развалин строения.

Джонни нес канистру с «молоком».

— Хорошо, что ты ее отставил, где не задело, и

она не взорвалась, — сказал он. — Как эта дрянь реагирует — мы бы остались без насоса, без мотора и без ветряка. Барни, будь другом, закончи там вместо меня со стеклом, ладно? Раму я подготовил, можно шпаклевать. А мне надо покумекать и кое с чем повозиться.

Джонни свернул к тракторному сараю и исчез внутри. Барни доковылял до кухни и принялся за окно. Из сарая донеслись звуки мотора, который зафыркал, завелся, разогнался, замедлился и перешел на холостые обороты.

Когда через час Хетти вернулась, Джонни с довольной ухмылкой во весь рот лихо накручивал на тракторе круги по двору, словно подросток. Она поставила грузовик под дерево, а Джонни проехал мимо нее и поддал газу, продолжая скалиться.

— Какого дьявола у вас тут происходит? — спросила Хетти, вылезая из пикапа.

— Знаешь, на чем едет этот трактор? — крикнул Джонни, стараясь перекрыть шум мотора.

— Знаю, конечно, придурок малолетний! — воскликнула она. — На бензине.

— А вот и нет! — торжествующе завопил Джонни. — Он едет на молоке Салли!

* * *

На следующее утро Джонни намешал двести галлонов «топлива Салли», и на этой смеси у него заурчали пикап, трактор, грузовик для перевозки скота, его «форд» 1958 года и минивэн «шевроле» Хетти 59-го.

Приготовить смесь было нетрудно — эксперименты позволили определить правильные пропорции: одна кварта чистого «молока» Салли на сто галлонов воды. На изготовление опытных образцов Джонни израсходовал две остававшиеся в канистре кварты, но к утру гернзейка осчастливила ранчо еще пятью галлонами неразведенного концентрата. Джонни аккуратно слил «молоко» в тщательно вымытую пятидесятипятигаллоновую бочку, стоящую в сарае с инструментами.

— Мы нашли золотую жилу! — с ликованием заявил он хозяйке ранчо. — Нам больше не придется покупать бензин. Да к тому же, с какой скоростью Салли эту штуку выдает, через пару недель мы сможем начать продажу и заработаем целое состояние.

В то же утро Хетти собрала из-под кур еще три золотых яйца.

— Положи их на полку, — посоветовал Джон-

ни, — а когда следующий раз будем в городе, я попрошу Дэйла глянуть на них — может, расскажет, чем эти куры занимались. Я, наверное, в субботу поеду, почту забрать.

Но к концу недели Джонни хромал по ранчо с вывихнутой ногой, которую повредил, когда его лошадь угодила копытом в норку суслика и парень не удержался в седле.

— Не нагружай ногу, — приказала Хетти. — Почту в городе заберу я. Девкам придется пока потерпеть без твоих ухаживаний.

Джонни скорчил недовольную гримасу, но подчинился.

— Барни-и-и! — выкрикнула Хетти. — Принеси мне из холодильника четвертину туши.

Барни высунул голову из сарая и кивнул.

— Я уже шут знает сколько обещаю судье Хэтчеру хорошей говядины, — пояснила она Джонни.

— Если будешь в суде, может, отнесешь эти твои странные яйца в кабинет окружному сельхозагенту да оставишь для анализа? — предложил Джонни и похромал в кухню за диковинами.

Барни пришел с охлажденной четвертью туши, завернутой в мешковину, закинул мясо в кузов пикапа и набросал сверху еще несколько мешков, чтобы защитить от жарящего солнца

уже разгоревшегося утра. Джонни вынес яйца в небольшой картонке, набитой смятыми газетами, и засунул коробку между бортом и мясом, в переднем углу кузова.

— Да, вот еще что, — сказал он. — Хетти, у меня в тракторном сарае полбочонка отработанного масла, я его собирался сменять на редукторную смазку, мне Вилли Симонс с заправки обещал. Можешь закинуть масло к нему и забрать смазку?

— Брось в машину, — сказала Хетти, — я пока схожу переоденусь в городское.

Джонни двинулся было вниз по ступенькам крыльца, но Барни остановил его.

— Приятель, я сделаю, не береди ногу!

Барни сел за руль пикапа и подъехал к тракторному сараю. Углядев в полутьме две бочки с маслом, он наклонил ближайшую, почувствовал, как жидкость плещется примерно на середине, и покатил к двери. Затем он закатил бочку в кузов, поставил поближе к кабине и подогнал пикап обратно к дому. Хетти как раз выходила, в чистых джинсах и яркой цветастой блузе. Ее седые волосы были убраны в аккуратный узел под плотной шляпой.

Хетти забралась в машину, помахала помощникам и выехала со двора. В воротах, когда она

переезжала через решетчатый настил, положенный, дабы не пропускать скот, деревянная пробка, которой Джонни наскоро заткнул бочку, наполненную двадцатью галлонами чистого «молока» Салли, вылетела.

Первый фонтанчик белой жидкости выплеснулся из бочки, когда пикап подбросило на следующем ухабе, и, пока машина тряслась по проселочной дороге, «молоко» мелкими порциями вылетало при каждом толчке и скапливалось лужицей на дне кузова. Когда Хетти выскочила на окружное шоссе, бочка опасно накренилась и качнулась обратно. На этот раз фонтан молока напоминал маленький гейзер и обильно залил коробку с подозрительными яйцами. Хетти продолжала путь.

Но недолго.

Как истинная фермерша, Хетти не снисходила до того, чтобы следить за дорогой, а все время оглядывала окрестные пастбища, где группками паслись ее драгоценные черные ангусы. Она гордилась, что, несмотря на шестьдесят лет, глаза у нее еще острые, зараженную глистами корову за тысячу ярдов определяют.

Через две мили после поворота на окружную дорогу, по-прежнему проходившую через пастбища

«Сёркл-Т», хозяйка ранчо заметила в нескольких сотнях ярдов к югу от дороги на склоне холма корову с теленком. Сбросив скорость до пятидесяти миль в час, Хетти прищурилась от солнца, а потом, довольно хмыкнув, ударила по тормозам. Грузовик резко вильнул и остановился у левой обочины пустынной дороги. Хетти выскочила и быстро пошла по склону — взглянуть на корову и теленка поближе.

Она не услышала глухой звук, с которым бочка опрокинулась, уперевшись в край кузова. Хетти поднялась на холм и последовала за медленно удалявшимися животными. Пока она спускалась по дальней стороне, все больше теряя из виду пикап, ровная струйка «молока» поливала коробку с золотыми яйцами. Минуту спустя полегчавшая бочка сдвинулась и покатилась. Она упала на яйца и разбила с полдесятка.

Земля разверзлась, и мир вокруг Хетти обернулся ревущим адом пурпурно-красного пламени и разрывающего уши грохота. Пронесшаяся ударная волна сбила ее с ног и забросила в высохшую канаву у подножия холма. Канава спасла Хетти жизнь, когда расколовший небеса удар прокатился над ней. Ошеломленная и оглушенная, она распласталась под нависающим выступом

земли.

Ударная волна потрясла ранчо и городки миль на сто вокруг, а сейсмическую активность зафиксировали приборы в Калифорнийском университете в Беркли, находящемся за двести миль, и в университете Лос-Анджелеса, в четырехстах милях. На полигоне Комиссии по атомной энергии, в каких-то шестидесяти милях к югу от зияющей дымящейся дыры, ознаменовавшей конец жизни пикапа ранчо «Сёркл-Т», сошли с ума все средства слежения и контроля.

Усадьба, если по прямой, находилась от точки взрыва примерно в восьми милях.

К тому моменту, как небо заслонил ослепляющий фиолетовый свет взрыва, Джонни успел расслабленно устроиться в стоящем на широкой задней террасе любимом кресле-качалке Хетти, попыхивая сигареткой в сторону взгромоздившегося на перила крыльца Барни. Оба еще моргали, остолбенев от изумления, когда ударная волна ворвалась на двор, расплющила постройки похлипче и покосила стены и крышу скрепленного металлическими скобами хлева. Все окна превратились в ураган смертоносных стеклянных осколков. Катящаяся сейсмическая волна, прошедшая вслед за взрывом, пошатнула крепкий

дом из бревен и кирпича. Стихия обрушилась на Джонни, закрутила вместе с креслом-качалкой и прижала к стене дома. Барни волна подхватила и бросила, словно мешок мокрых лохмотьев, поверх изумленного и чуть не потерявшего сознание молодого человека.

Первое испуганное ржание лошадей в стойлах и коралях уже смешалось с мычанием телят в загонах, когда звук взрыва накрыл разрушения от ударной волны. Будто эхо тысячи собранных вместе пушек, выстреливших разом, рвущий душу звук, чью плотность, казалось, можно физически ощутить, пронесся над пустыней и окатил то, что осталось от ухоженного двора. Этот звук заставил едва шевелящихся на крыльце людей прижаться к полу и полетел дальше грохочущей приливной волной.

Чуть обождав, Барни со стоном свалился с запутавшихся друг в друге кресле-качалке и оглушенном Джонни. Тот пролежал в оцепенении еще секунду-другую и попытался встать.

— Хетти, — прохрипел он, неистово тыча пальцем на юг, туда, где в небо поднималась массивная колонна грязно-пурпурного дыма и огня, напоминая ножку уродливой ядовитой поганки. — Там Хетти!

Джонни, шатаясь, спустился с крыльца и неровно припустил к груде разбитых досок, которые несколько секунд назад были тракторным сараем. Когда юноша пересекал двор, с севера налетел сильный порыв ветра, гоня перед собой облака сухой пыльной земли. Потрясенного и побитого Джонни чуть снова не опрокинуло силой ветра, пронесшегося по ранчо в обратную сторону, в направлении мощного столба пурпурного дыма.

Молодой человек, набросившись на гору досок, завалившихся минивэн, с яростью расшвыривал их во все стороны. Приковылявший Барни присоединился к этой отчаянной попытке освободить машину из плена, и минуту спустя они расчистили проход. Джонни протиснулся на переднее сиденье и задним ходом вывел машину из-под оставшихся досок.

Три из боковых стекол были разбиты, но ветровое уцелело, лишь небольшая трещина лучами разошлась по триплексу. Барни открыл освобожденную пассажирскую дверь и, скользнув внутрь, уселся рядом с Джонни. Пыль взвилась из-под колес, когда тот втопил педаль в пол и рванул в сторону дымного столба, возвышающегося в воздухе уже более чем на полторы мили.

Хетти пошевелилась в своем укрытии и сла-

бо застонала. Две одинаковые струйки темной крови текли из ее ноздрей. Вокруг оседала густая пыль, Хетти закашлялась и начала хватать ртом воздух.

На противоположной стороне холма, напоминая пробудившийся вулкан, дымился обширный — футов сто в диаметре и от шести до десяти футов глубиной — рваный кратер и распространял вокруг странный острый запах эфира.

Столь же драматичной, как спасательный рывок Джонни Калпеппера, была реакция в дюжине прочих мест Невады и Калифорнии. С особым накалом события развивались в шестидесяти милях к югу, где небольшая армия военных и ученых как раз готовилась к подземному атомному взрыву, когда пикап ранчо «Сёркл-Т» произвел самоаннигиляцию.

Ударная волна прокатилась по дну пустыни, обтекла горы и влилась на Френчмен-Флэт, разбудив половину измерительных приборов. Следом явилась сейсмическая волна, пробежавшая по земле, как суслик по саду, — вторая половина приборов отреагировала не менее бурно. Наконец, на ошеломленных ученых и солдат обрушился звук, заставивший представить огромные литавры, подвешенные под куполом пылающего неба.

Исследователи с наблюдательных пунктов на вершинах гор обратили недоуменные взгляды к северу, где рос в небо столб из дыма и пыли, затем вскрикнули, резко развернули свои оптические и электронные инструменты и навели их на фантастическую колонну.

Минут за пятнадцать намеченное испытание было отменено, оборудование зафиксировано в новом положении, а первые отряды ученых, солдат, разведчиков и служб безопасности ринулись на север, вслед за одетыми в белые герметичные костюмы радиационными бригадами со счетчиками Гейгера наперевес. Телефонные линии были перегружены звонками представителей Комиссии по атомной энергии, которые докладывали о неизвестном явлении в Вашингтон и вызывали подкрепление с баз организации на Западном побережье и в Нью-Мексико. Истребители военно-воздушной базы Неллис близ Лас-Вегаса были подняты в воздух и с ревом понеслись к северу, опережая наземный транспорт, чтобы визуально оценить и доложить обстановку вокруг грандиозного и непонятного пурпурного столба.

Офис «Ассошиэйтед Пресс» в Сан-Франциско только-только получил уведомление о землетрясении, зафиксированном сейсмографом в Беркли,

когда один из сотрудников принял звонок от внештатного репортера АП в Карсон-сити, сообщавшего о взрыве и гигантском облаке в небе над пустыней. Один быстрый взгляд на карту показал, что взрыв произошел у северных границ полигона КАЭ. Внештатнику из Карсона было дано распоряжение немедленно выехать на место происшествия и держать оборону, пока из Фриско не прибудет подкрепление в лице журналистов и фотографов агентства.

Но еще прежде, чем отреагировали официальные и неофициальные структуры, минивэн из «Сёркл-Т» пронесся по грунтовке и свернул на шоссе, ведущее и к Карсон-сити, и к все увеличивающемуся, но уже менее плотному столбу дыма.

Джонни пригнулся к рулю и вглядывался в пелену дыма и пыли, не желая сбавлять головокружительную скорость, продиктованную необходимостью как можно скорее отыскать Хетти — если она еще жива. Ни один из мужчин не проронил ни слова с тех пор, как «шевроле» вырвался со двора.

Никаких веских оснований связывать взрыв с хозяйкой ранчо не было, но интуиция назойливо твердила Джонни, что Хетти каким-то образом

замешана в происходящем. Еще не догадывающийся о своей промашке с бочками Барни лишь вжимался в сиденье и уповал на лучшее.

Пыль сгустилась до практически нулевой видимости, и Джонни все-таки пришлось сбрасывать скорость по мере продвижения автомобиля вглубь основания столба. На дне сознания, под лихорадочной тревогой за Хетти, у него затаилась смутная мысль, что этот взрыв — ядерный и они с Барни направляются прямиком к неизбежной радиоактивной смерти. Его логика взвесила эту мысль и вынесла вердикт: «Если это ядерный взрыв, то умирать ты начал еще в кресле-качалке, так что пасовать уже нет смысла».

Когда минивэн приблизился к дымящемуся кратеру практически вплотную, порыв ветра услужливо приподнял пыль над дорогой. Джонни ударил по тормозам, они с Барни выскочили из машины и потрясенно замерли на краю дыры.

В тусклом от пыли воздухе прозвучал приглушенный всхлип молодого человека:

— О господи!

Они медленно обошли рваные края новообразования. Барни поднял с асфальта крохотный металлический обломок, озадаченно рассмотрел его, затем похлопал Джонни по руке и без слов

отдал ему. Это был искореженный кусок корпуса, блестящий на изломах и покрытый алой краской, совпадающей с цветом пикапа.

Глаза Джонни наполнились слезами, и он сунул металлический обломок в карман.

— Барни, давай еще поищем.

Они принялись медленно обшаривать территорию, обходя кратер по расширяющейся спирали, и постепенно добрались до вершины холма к югу от дороги.

Чтобы обнаружить Хетти, понадобилось еще пятнадцать минут, а еще через десять крепкая, жилистая ранчеро уже устроилась между ними на сиденье «шевроле» и объясняла, как так вышло, что ее не было в пикапе в момент его приснопамятной гибели.

Давно зародившееся у Джонни в голове подозрение теперь, когда отступила тревога за Хетти, найденную живой и, считай, невредимой, расцвело буйным цветом.

— Барни, — вкрадчиво спросил он, — ты какую бочку от масла поставил в пикап?

Факты уже сложились в историю, как куски пазла, когда репортер из Карсон-сити, на добрых десять минут опередивший караван автомобилей и карет скорой помощи из города и на двадцать

минут — Комиссию по атомной энергии и военных, обнаружил на краю уже едва тлеющего кратера минивэн с троицей из «Сёркл-Т».

Полчаса спустя дежурный редактор АП в Сан-Франциско ответил на звонок.

— Я только что вернулся с места взрыва, — вместо приветствия сказал внештатник.

Редактор прикрыл трубку рукой и крикнул на весь офис:

— Готовим взрывной на первую полосу! — И сказал уже в телефон: — Давай, записываю. — Он прижал трубку подбородком к плечу и занес пальцы над пишущей машинкой.

— Там кратер более ста футов в диаметре и десять футов глубиной, — добросовестно отчитался репортер. — Место происшествия — шоссе номер тридцать восемь, около сорока миль к востоку отсюда. Взрыв потряс Карсон-сити и вызвал обширные разрушения на много миль вокруг.

— Что стало причиной взрыва? — спросил редактор АП, набивая подводку к новости.

— Женщина на месте происшествия утверждает, что у нее взорвалось молоко с яйцами.

В десяти милях к югу от свеженького кратера перед проволочными джунглями, перекрывающими дорогу, остановилась машина быстрого

реагирования Комиссии по атомной энергии. Из грузовика выпрыгнули два человека с инструментами и принялись слаженно перекусывать все шесть рядов забора. Металлическая табличка «Проезд воспрещен» со звоном упала на землю, и ее отшвырнули в сторону. В образовавшуюся прореху въехал грузовик, и люди с кусачками вскочили в кузов. Позади в жаркое небо лениво поднималась завеса пыли, отмечая путь длинной вереницы прочих служебных машин, спешащих нагнать аварийную.

На перекрестке проселочной дороги и шоссе округа водитель притормозил, убедился, что самая высокая концентрация дыма от взрыва неизвестного происхождения — на западе, и повел машину в ту сторону. Проехав чуть меньше мили, он заметил мигающий красный маячок машины полиции штата, припаркованной посередине дороги. Открывшаяся глазам военных сцена представляла собой гибрид землетрясения в Сан-Франциско и фермерской ярмарки в Лос-Анджелесе.

Десятки легковушек, грузовиков, две пожарные машины и фургон фирмы по продаже мороженого без всякой системы заполняли поле по обе стороны от все еще тлеющего обширного кратера,

разверзшегося прямо на дороге. Слой пурпурной пыли покрывал прилегающую территорию, а часть непонятной субстанции все еще висела в воздухе, медленно оседая на автомобили и людей. Множество мужчин, женщин и детей выстроились вдоль края кратера, таращась внутрь, остальные бесцельно бродили по окрестным холмам и пустыне.

Молодой помощник шерифа, стоявший рядом с полицейской машиной, поднял руку, останавливая группу быстрого реагирования КАЭ. Грузовик затормозил, члены бригады радиационной защиты в белых костюмах высыпались из него и со счетчиками в руках дружно побежали к кратеру.

— Назад! — что есть мочи заорал их командир. — Всем назад! Район подвергся радиационному заражению. Быстро!

Секунду до изумленной общественности доходило сказанное, а затем началась безумная суматоха, в которой перемешались люди и машины, пытавшиеся оказаться как можно дальше за минимальное время. Радиационная бригада рассредоточилась вокруг кратера, подкручивая приборы, упорно показывавшие нормальный уровень фонового излучения.

Все машины отъехали подальше — все, кроме

потрепанного минивэна, припаркованного почти вплотную к восточному краю кратера.

Командир подбежал к минивэну. Три человека — двое мужчин и грязная, растрепанная пожилая женщина с испачканным в крови носом — сидели на переднем сиденье и невозмутимо ели мороженое.

— Вы что, не слышали? — завопил человек в белом скафандре. — Ну-ка, живо отсюда! Здесь заражено! Радиация. Опасно. У-ХО-ДИ-ТЕ!

Женщина высунулась из разбитого окошка и успокаивающе похлопала эксперта по плечу.

— Тихо, сынок, не надо так волноваться из-за пролитого молока.

— Молока? — багровея, взвыл человек из Комиссии. — Молока?! Я сказал, зараженная территория, тут сплошная радиация. Вы гляньте только на…

Он указал на шкалу своего счетчика, осекся, вытаращил глаза и потряс прибор. И снова на него уставился. Счетчик тихонько колебался по полосе «чуть выше нормального фонового уровня».

— Эй, Джек, — крикнул ему коллега с противоположного края кратера, — эта дыра вообще не фонит.

Командир недоверчиво посмотрел на счетчик

и постучал им по борту минивэна. Но стрелка оставалась в допустимой зоне. Он постучал сильнее, и стрелка внезапно упала до нуля. Хетти с помощниками через плечо эксперта глянули на дисплей.

— Вот незадача-то, — сочувственно вздохнул Барни. — Сломал?

Остальная часть бригады быстрого реагирования, сняв под раскаленным солнцем шлемы и расстегнув освинцованные костюмы, стекалась к командиру, стоявшему у автомобиля «Сёркл-Т». В миле к востоку оставшаяся часть колонны КАЭ широким полукругом встала на приличном отдалении от кратера. Еще несколько одетых в белое экспертов с предосторожностями двинулись вперед, наблюдая за приборами.

С озадаченным видом командир первой бригады повернулся и медленно пошел по дороге в сторону приближающейся цепи. Отойдя на полмили, он остановился, оглянулся на зияющую дыру, потом посмотрел на бесполезный счетчик у себя в руке, покачал головой и продолжил путь.

К концу дня красные лучи закатного невадского солнца уже отражались в рядах новенькой колючей проволоки. Вооруженные военные и служба безопасности КАЭ в пыльно-голубых

форменных куртках патрулировали заграждение вокруг кратера на дороге округа. А их коллеги обходили забор, который теперь охватывал усадьбу ранчо «Сёркл-Т». Прожекторы отбрасывали зловещий отсвет на сгрудившиеся у забора машины и окружавших их людей. Справа от импровизированной парковки приземлился вертолетик, и обозреватель Эн-би-си поделился со всем миром описанием происходящего, пытаясь перекричать фырчание газового генератора, обеспечивающего представителям «Ассошиэйтед Пресс» радиотелефонную связь с Сан-Франциско.

Черные фургоны КАЭ и камуфляжной расцветки военные машины проносились по грунтовке то к штабу в фермерском доме, то от него, притормаживая у блокпоста на главных воротах.

Статистика «Ассошиэйтед Пресс» зафиксировала, что в тот день и на следующее утро сто восемнадцать крупных ежедневных газет перепечатали новость АП:

> КАРСОН-СИТИ, НЕВАДА, 12 мая (АП)
> Килотонный эгг-ног[10] потряс научный мир сегодня утром

---

[10] Сноски: 10
Эгг-ног — напиток на основе сырых куриных яиц и молока.

«На ранчо в Неваде, в сорока милях к востоку от Карсона, шестидесятилетняя Мехатибель Томпсон получает от своей коровы молоко, превышающее по мощности ядерную бомбу. Куры Мехатибель откладывают механизм управления этой бомбой.

Мир узнал об этом сегодня, когда сотрясший землю взрыв прогремел…»

В фермерском доме ранчо «Сёркл-Т» Хетти, принявшая душ, сменившая одежду и почти не пострадавшая после всех своих приключений, суетилась на кухне, собирая на скорую руку ужин. Джонни и Барни вымели огромную кучу битого стекла, черепков и грязи, а хозяйка отыскала посуду, уцелевшую при взрыве.

Хетти маневрировала между десятком человек, сгрудившихся вокруг кухонного стола. Кто-то был в военной, кто-то в полицейской одежде; на троих была типичная полевая форма ядерных исследователей — яркие гавайские рубашки, темные очки, синие джинсы и кроссовки. Джонни и Барни ютились у кухонной сушилки, стараясь не оказаться на пути основного потока движения.

На столе были разложены свежие номера

сан-францисской «Колл-бьюлетин», оклендской «Трибьюн», лос-анджелесской «Геральд-Экспресс» и «Эпил» из Карсон-сити. Хетти сдвинула их в сторону, чтобы поставить тарелки.

В глаза бросались кричащие жирные заголовки. «Мистическая мощь молочной мины» — поигрывала аллитерацией первая полоса «Кроникл»; «Коровья бомба качнула берега Залива» — интриговала «Трибьюн»; «Ядерный масляно-яичный удар сотряс Лос-Анджелес» — заявляла слегка небрежная в формулировках «Г-Э»; «Ранчо Томпсон стало местом взрыва» — констатировала «Эпил», придерживающаяся твердых фактов.

— Миссис Томпсон, — попросил предводитель ученых, — не могли бы вы на пару минут отставить эти тарелки и рассказать нам всю историю от начала до конца? Целый день у вас то одни дела, то другие, и все, чего мы смогли добиться, — одна и та же безумная история о молоке и яйцах.

— Когда мы немножко перекусим, найдется время и поговорить, — ответила Хетти, ловко управляясь с блюдом со стейками и огромной миской картофельного пюре. — У всех нас был тяжелый день, и всем нам не помешает хорошенько подкрепиться. У меня с самого утра маковой росинки во рту не было, да и вам, ребята, думаю,

перехватить ничего не удалось. И раз уж вы решили расположиться здесь как дома, то, ей-богу, вы сядете и поедите с нами. — Возвращаясь к плите за овощами и хлебом, она добавила через плечо: — А вообще, мы с Джонни уже все, что можно, рассказали. Больше рассказывать нечего.

Она поставила еще несколько блюд на и так уже ломившийся от еды стол, затем обошла его, наливая каждому кофе из большого кофейника.

— Теперь садитесь и налетайте, — приказала она.

— Миссис Томпсон, — сказал майор с густыми усами-щетками, — мы не есть сюда пришли. Мы пришли за информацией.

Хетти убрала с лица выбившуюся прядку волос и сурово посмотрела на говорящего.

— А теперь, молокосос, послушай меня. Я тебя не приглашала, но, раз уж ты здесь, сделай одолжение и будь чуточку повежливее, — отрезала она.

Майор вздрогнул и посмотрел на предводителя ученых. Тот выразительно поднял брови и пожал плечами, затем сел. Послышался звук отодвигаемых стульев, и все остальные расселись вокруг большого стола. Джонни и Барни заняли свои привычные места по бокам от Хетти.

Хетти села во главе и с довольной улыбкой оглядела стол:

— Так-то лучше.

Она склонила голову, и непрошеные гости, неловко переглянувшись, последовали ее примеру.

— Благодарим Тебя, милосердный Господь, — тихо сказала Хетти, — за эту еду, которую мы будем сейчас вкушать, и за всю Твою помощь за сегодняшний день. Временами приходилось туговато, но, полагаю, у Тебя есть для всего этого веские причины. Потому как завтра всегда Твой день, просим, чтобы он был самую капельку потише. Аминь.

Проголодавшиеся мужчины принялись уплетать отменного годовалого теленка, выращенного на ранчо «Сёркл-Т», и следующую четверть часа кухню наполнял приятный уху звон фарфора и серебра и приглушенные просьбы передать еще картошки.

После второй порции стейка, третьей порции пюре с подливкой и четвертой чашки кофе предводитель ученых удовлетворенно откинулся от стола. Хетти кусочком хлеба вытирала со своей тарелки последние капли подливки. Ученый достал из кармана трубку и кисет.

— С вашего позволения, мэм? — обратился он к хозяйке.

Хетти усмехнулась.

— Да ради бога, сынок, дыми сколько влезет. Большой Джим — так моего мужа звали — говаривал, бывало, что обед нельзя считать законченным, пока не покуришь еде вдогонку, чтоб улеглась как следует и начала перевариваться.

Еще несколько человек, сидевших вокруг стола, последовали примеру, достав трубки, сигары и сигареты. Хетти благодушно обвела глазами стол и повернулась к предводителю ученых.

— Сынок, как, ты сказал, тебя зовут?

— Доктор Флойд Петерсон, — ответил тот, — и поскольку мне сорок шесть, миссис Томпсон, за «сынка» вам моя отдельная глубокая признательность. — Он наклонился к стопке газет, лежавшей на полу рядом с его стулом, и, отодвинув тарелку, вернул их на стол. — А теперь, миссис Томпсон, перейдем к фактам, — он постучал по заголовкам костяшками пальцев. — Вы порушили все наше расписание, и мне бы желательно получить ответы как можно раньше, пока надо мной не повисло расследование Атомной комиссии и Конгресса. Что вы применили, чтобы вызвать это легкое землетрясение?

— Сынок, да я тебе уже дюжину раз повторила. Наверное, все от сочетания этих странных яиц и молока Салли.

Майор с усами-щетками, мелкими глотками потягивавший кофе, поперхнулся и закашлялся. Сидящий рядом с ним глава сил безопасности КАЭ с Френчмен-Флэт подался вперед.

— Миссис Томпсон, я не знаю, каковы ваши мотивы, но пока я глубоко благодарен, что вы кинули газетным ищейкам эту… эту чушь про масло и яйца.

— Молоко и яйца, — мягко поправила его Хетти.

— Ну молоко и яйца, ладно. Но уже хватит играть в игрушки. Мы должны узнать, что вызвало этот взрыв, а вы, мистер Калпеппер и мистер Хэтфилд, — он кивнул сидящим рядом с Хетти Джонни и Барни, — единственные, кто знает правду.

— Я уже вам все сказала, — повторила Хетти. Джонни скрыл ухмылку.

— Послушайте, миссис Томпсон, — громко и с плохо скрываемым раздражением сказал доктор Петерсон, — вы создали и привели в действие взрывную силу, рядом с которой все эксперименты, проводившиеся нами на Френчмен-Флэт за

последние четыре года, кажутся мелочью. Сила вашего взрывчатого вещества была явно выше, чем у атомного взрывного устройства солидных размеров, и лишь наши — и русские — тихоокеанские испытания были масштабнее. И тем не менее в пределах получаса — сорока пяти минут после взрыва не было зафиксировано ни заражения грунта, ни изменения радиационного фона нижних слоев атмосферы, нет никаких данных о загрязнении верхних слоев атмосферы или выпадении радиоактивных осадков в радиусе тысячи миль.

Миссис Томпсон, я взываю к вашему патриотизму! Ваше изобретение нужно вашим друзьям, вашей стране, свободным людям всего мира!

У Хетти расширились глаза, а затем черты ее лица сложились в маску твердой решимости. Оттолкнув стул, она встала во весь рост, выпрямила спину и гордо подняла голову. Сейчас она каждым дюймом своим была истинным пионером Запада.

— Я об этом не подумала, — серьезно произнесла она. — Клянусь, если моей стране так нужно, то моя страна все получит.

Эксперты в предвкушении подались вперед.

— Можете забирать Салли Кловердейл Мара-

фон Третью, и мне не нужно за нее ни единого цента. Кур тоже можете забирать.

Наступило напряженное молчание, а затем майор подавился кофе, который успел набрать в рот; у человека из службы безопасности покраснело лицо, а у доктора Петерсона челюсть чуть не ударилась в грудь. Джонни, не в состоянии сдержать взрыв хохота, рванулся на заднее крыльцо и там сложился пополам.

* * *

Дверь кухни хлопнула, и доктор Петерсон тяжелыми шагами вышел на крыльцо, плотно сжимая зубами трубку. Его лицо потемнело от гнева и досады. Он не удостоил взгляда Джонни, стоящего у перил и вытиравшего слезы с глаз. Калпеппер пришел в себя и обратился к разгневанному физику:

— Доктор Петерсон, вы человек науки, а ученый должен быть готов принять факт и, осознав его, по возможности определить стоящие за ним причины. Разве нет?

— Значит, так, — Петерсон сердито развернулся к Джонни, — я уже получил все, что намеревался, от вас, уважаемые, с вашей идиотской историей. И я больше не намерен…

Джонни взял своего старшего собеседника под локоть и вежливо, но твердо повел с крыльца к хлеву.

— А я, доктор Петерсон, не намерен ни подвергать сомнению ваш интеллект, ни пытаться объяснить, что здесь произошло. Но я намерен продемонстрировать, что мы знаем.

В свете ярких прожекторов группа солдат протягивала телефонные провода от охраняемых главных ворот через двор к фермерскому дому. За новым забором из колючей проволоки возникло оживление, все придвинулись ближе, и тогда какой-то остроглазый газетчик заметил Джонни и ученого. Двое мужчин оставили без внимания выкрики, умоляющие о свежей информации, и вошли в покосившийся хлев. Джонни включил свет.

Мычание двух призовых гернзейских коров в стойлах справа от двери сменилось громкими жалобными стонами. Каждая из них явно страдала от распухшего, недоенного вымени.

— Увидеть — значит поверить, так, док? — спросил Джонни, указывая на коров.

— Увидеть что? — резко переспросил Петерсон.

— Я не сомневался, что нам придется предла-

гать какое-то серьезное объяснение, когда вы все тут начнете хозяйничать, и, конечно, ни на секунду вас не виню. Хетти устроила там неслабый бабах.

— И не говорите, — тревожно пробормотал доктор Петерсон, — не то слово.

— Итак, — продолжал Джонни, — я специально не подоил этих коров, дабы вы сами убедились, что мы не лжем. Да и должен заметить, у меня нет ни малейшего представления, *почему* это происходит, но, по крайней мере, я покажу вам, *что* происходит.

Он взял с полки у двери пару молочных ведер и подошел к стойлам. Петерсон шел за ним следом.

— Вот эта, — Джонни указал на более крупную корову, — Квини. У нее молоко настолько высокопробное, насколько можно ожидать от представителя чемпионской молочной линии. А эта, — он похлопал по боку вторую корову, — Салли Кловердейл Марафон Третья. Она молодая и до сих пор давала неплохое молоко, но не отличалась ни надоем, ни выдающимся качеством продукта. Она той же линии, что и Квини. Салли после своего первого теленка была сухостойна, мы ее снова осеменили, и в среду она отелилась.

Но только дает она с тех пор не молоко. Смотрите!

Ногой выдвинув стул для дойки на нужное место, он поместил емкость под раздувшееся вымя Квини и принялся быстро и равномерно прыскать пенящимся молоком в ведро. Закончив, он выставил из стойла два полных ведра с густой молочной пленкой и принес еще два пустых. Затем подошел сбоку к нетерпеливой Салли. Под взглядом Петерсона Джонни наполнил ведра мутной, маслянистой на вид белой жидкостью, которую Салли выдавала со среды вместо молока. Ученый начал проявлять сдержанный интерес.

Джонни закончил, вытер корову, потом отнес ведра к первым двум и поставил рядом.

— А теперь проверьте сами, — предложил он Петерсону.

Ученый заглянул в ведра. Джонни протянул ему ковшик.

— Послушайте, Калпеппер, — сказал Петерсон, — я физик, а не фермер и не эксперт по сельскому хозяйству. Как, по-вашему, я должен понять, каким следует быть молоку? До пятнадцати лет я вообще считал, что молоко выходит из одного соска коровы, а сливки — из другого.

— Размешайте, — распорядился Джонни.

Ученый с недовольным видом взял ковшик и ткнул в ведро с молоком Квини.

— Попробуйте на вкус.

Профессор сердито глянул на молодого человека и осторожно глотнул. Кусочек пенки прилип к губам, и профессор слизнул его.

— По мне, на вкус молоко как молоко, — сказал он.

— Понюхайте, — приказал Джонни, и Петерсон втянул носом воздух. — Хорошо. Теперь проделайте то же самое с другими ведрами.

Петерсон окунул ковшик в ведро с молоком Салли. Белая жидкость крутилась лениво, словно масло. Ученый наклонился, понюхал и скорчил гримасу.

— Ну же, попробуйте на язык! — настойчиво потребовал Джонни.

Петерсон сделал крошечный глоток, распробовал и выплюнул.

— Хорошо, теперь я убедился, что это молоко не такое. Я не сказал, что плохое, потому как не разбираюсь. Я признаю только, что оно другое. И?

— Увидите.

Джонни забрал у него ковшик. Ведра с молоком Квини он отнес в ледник и слил в пастеризатор. После чего два ведра молока Салли, Джонни и

физик переместились из хлева к руинам тракторного сарая.

Покопавшись под сломанными и перевернутыми столами и верстаками, Джонни нашел старую ржавую форму для выпечки. Поместив ее на открытом пространстве в середине двора, он повернулся к Петерсону.

— Теперь берите это ведро и налейте молока в противень. Немного, только так, чтобы прикрыть дно, может, чуть-чуть побольше. — Он снова вручил Петерсону ковшик.

Ученый зачерпнул самую малость белой жидкости и осторожно вылил на дно жестянки.

— Хватит! — предостерег его Джонни. — Теперь уберем это подальше отсюда.

Он взял ведра, понес их к заднему крыльцу и исчез на кухне.

К этому времени странные манипуляции двух людей привлекли внимание галдящих репортеров за забором, и те прижались к проволоке, снова выкрикивая просьбы дать интервью или просто поделиться информацией. Операторы телекамер направили на двор собственные мощные лампы, дополнявшие сияние военных прожекторов, и начали снимать происходящее. Доктор Петерсон сердито глянул на толпу и повернулся к подошед-

шему Джонни.

— Калпеппер, вы из меня дурака сделать хотите? — прошипел он.

— Огоньку не найдется? — поинтересовался Джонни, проигнорировав вопрос.

Ученый, любитель подымить трубкой, вытащил из кармана пригоршню хозяйственных спичек. Джонни показал удочку из стеклопластика с привязанной к грузилу тряпочкой и, отведя Петерсона назад ярдов на пятьдесят, протянул тому лоскут на леске.

— Понюхайте, — сказал он. — Я смочил его керосином, чтобы не погас, пока полетит.

Петерсон кивнул.

— Рыбу ловить умеете? — спросил Джонни.

— Могу за пятьдесят ярдов забросить наживку на плавающую щепку! — гордо сказал физик.

Джонни вручил ему удилище с катушкой.

— Давайте, док, поджигайте тряпку, а потом посмотрим, как вы забросите ее в эту форму для торта.

Под прицелом жужжащих телекамер и десятков фотографов, поднявших свои телевики и молившихся, чтобы хватило света, доктор Петерсон поджег лоскут. Он оглянулся проверить, нет ли сзади препятствий, а потом быстрым дви-

жением опытного рыболова, одним запястьем, забросил «наживку». Крошечный факел описал в воздухе стремительную размытую дугу и угодил точнехонько в центр плоской тарелки.

Света фоторепортерам хватило с лихвой!

Ночь стала фиолетовой, когда ее озарил взмывший в моментально потемневшее небо неистовый клокочущий шар пурпурного огня. Вспышка осветила все постройки и скопившихся за забором людей и машины. Жар накрыл оторопевшего ученого и молодого фермера, как будто вдруг открылась заслонка доменной печи.

Все кончилось через секунду. Огонь полыхнул и погас. На минуту управляющий ранчо и предводитель ученых ослепли, невзирая на то что нацеленные на двор телевизионные и военные прожекторы светили все с той же силой. Ряды газетчиков и фотографов, ставших свидетелями этой потрясающей демонстрации, взорвались неистовством.

Петерсон, вновь обретший зрение, не мог оторвать изумленного взгляда от слегка дымящейся покоробившейся формы.

— Что ж, отрежьте мне язык и назовите меня Оппенгеймером! — воскликнул он.

— И это было только молоко, — сказал Джон-

ни. — Вы знаете хорошее безопасное место, где мы могли бы испытать яйца? После того, что сегодня утром случилось с Хетти, я бы поостерегся ставить эксперименты где-нибудь тут.

Час спустя военный вертолет молотил лопастями ночь, перенося три галлона молока Салли с ранчо на авиабазу Неллис, где поджидал реактивный самолет, готовый доставить запечатанную канистру в лаборатории КАЭ в Альбукерке.

Гостиную фермерского дома Петерсон превратил в штаб, и там работал полевой армейский коммутатор, переадресовывая звонки в разные углы комнаты. Управлялся с ним человек из службы безопасности КАЭ.

Хетти решила, что одного землетрясения в день ей хватит, и пошла спать. Барни, ошарашенный, но довольный появлением такой большой компании, сидел на краешке стула и жадно смотрел и слушал, не понимая ничего из того, что видел или слышал. В углу комнаты над выдвижной крышкой старинного бюро сгорбился Джонни, составлявший список всего, что ему требовалось для ликвидации ущерба после растущего списка взрывов этой недели.

Петерсон с тремя своими сотрудниками вели продолжительное совещание за большим столом

в середине комнаты, когда у локтя ученого звякнул армейский полевой телефон.

Оператор, сидящий в другом конце комнаты за коммутатором, обернулся и пояснил:

— Доктор Петерсон, это председатель Комиссии. Только что до него дозвонился.

Петерсон снял трубку.

— Джон, — крикнул он в микрофон, — это Петерсон. Где вы были?

Из трубки послышались пронзительные скрипы, и Петерсон отодвинул ее от уха.

— Да, я все знаю, — сказал он. — Да… да… да. Знаю, что на вас газетчики насели. Да, радио слушал. Да, Джон, я знаю, что звучит довольно глупо. Что? Приезжайте на ранчо и посмотрите. Откуда, вы думаете, я вам звоню?

Телефон разразился резким кудахтаньем, и Петерсон поморщился.

— Послушайте, председатель, — сумел вклиниться он, — я не могу прекратить эти сказки. Что? Я сказал, что не могу прекратить эти сказки по одной простой причине. Они соответствуют действительности.

Единственным звуком, который доносился сейчас из трубки, было равномерное гудение телефонной линии.

— Джон, вы здесь? — спросил Петерсон.

Из Вашингтона пришло неразборчивое бормотание.

— Тогда слушайте внимательно. Что мне сейчас здесь нужно, так это команда лучших в стране генетиков, и настолько быстро, как только сумеете их собрать и посадить в самолет.

Шипение из трубки.

— Что? Нет, председатель, команды психиатров мне не надо. Я совершенно нормален. — Петерсон помолчал. — Мне так кажется.

Он говорил с начальником еще минут пятнадцать. За время этого долгого разговора его первый заместитель и старший офицер безопасности рабочей группы по двум другим телефонам, расставленным по краю большого стола, успели сделать звонков пять. Когда Петерсен повесил трубку, государственная машина завертелась, собирая лучших в стране биохимиков, зоогенетиков, экспертов по агрономии и животноводству и чертову дюжину прочих -истов, готовая упаковать и доставить их самолетом или поездом на главную площадку КАЭ во Френчмен-Флэт и на «Сёркл-Т».

Петерсон порывисто вздохнул и потянулся за табаком. Помощник, сидевший напротив, при-

крыл микрофон рукой и наклонился в сторону начальника.

— Это «Ассошиэйтед Пресс», из Нью-Йорка, — прошептал он. — Злые как черти из-за нашей секретности и грозятся позвонить президенту и каждому конгрессмену в Вашингтон, если мы не разродимся какой-нибудь информацией.

— Почему я не завалил алгебру во втором семестре? — простонал Петерсон. — Нет, приперло же мне быть гением. И что теперь? Превратился в какую-то доярку… — Он глянул на часы. — Скажите им там, что в восемь ноль-ноль проведем пресс-конференцию перед воротами ранчо.

Помощник коротко ответил в телефон и снова повернулся к Петерсону:

— Сказали, хотят знать, правдива ли история про молоко и яйца. Говорят, все, что они слышат, — увиливания от официального ответа и масса слухов.

— Пусть знают, что мы ничего не отрицаем и не подтверждаем. Скажите, мы ведем расследование. Утром выдадим им соответствующее заявление, — распорядился Петерсон.

Он встал из-за стола и подошел к бюро, где Джонни заканчивал перечислять ассортимент магазина стройтоваров.

— В какое время у вас обычно появляются эти яйца? — спросил предводитель ученых.

— Ну, как правило, Хетти идет их собирать каждое утро часов в девять. Но, вероятно, несут их куры часа за два до того.

— Это означает, что мы категорически не успеваем ничего подготовить для этих говорливых газетчиков.

— Вообще, — задумчиво проговорил Джонни, — можно провести освещение в курятник и заставить кур нестись раньше. Тогда несколько яиц могут оказаться в вашем распоряжении часам к четырем-пяти.

Барни по-прежнему слушал.

— И на завтрак они как раз отлично пойдут! — оживленно отозвался он в этот момент.

Петерсон недовольно посмотрел на него, а Джонни усмехнулся.

— Думаю, доктору нужны те, которые золотые, — с улыбкой сказал он.

— А, эти. — Барни с отвращением фыркнул. — Такой омлет и собака есть не станет. Док, даже не возитесь с ними.

Под руководством Джонни бригада техников протянула в курятник электрический провод. Пока они пробирались между гнездами, их

сопровождали громкие негодующие крики разбуженных кур. Наконец провод был проведен, а питание подано. Под нестройное квохтанье и кудахтанье озадаченных птиц внутренности покосившегося строения осветила стопятидесятиваттная лампочка.

Здоровенный петух Соломон восседал на перекладине, спрятав голову под крыло. Когда сарай залило светом, он вздрогнул, проснувшись, и устремил на странное солнце испуганный немигающий взгляд. Потом торопливо и виновато встал и, выкатив могучую грудь, пропел пронзительный гимн Томасу Алве Эдисону. Джонни захихикал, глядя, как техники подпрыгнули от неожиданности. Он вышел из курятника, вернулся в дом и лег спать.

Будильник он поставил на четыре утра и от усталости сразу провалился в глубокий сон.

Когда потирающий сонные глаза Петерсон и Джонни в четыре тридцать утра вошли в курятник, в соломенных гнездах лежали одиннадцать золотых яиц.

Остальные, обычные, яйца передали Хетти, которая быстренько соорудила огромный завтрак. Пока Петерсон и Джонни ели, команда пресс-секретарей из отдела связей с обществен-

ностью КАЭ, прибывшая ночью, отшлифовывала официальный релиз, чтобы в восемь выдать его заждавшимся репортерам. На телефонах сидели всю ночь. Помощник Петерсона с осоловелыми глазами ввалился на кухню и рухнул на стул у стола.

— Парень, возьми себе чашку кофе, — приказала Хетти, — а я пока тебе поесть приготовлю. Тебе как яичницу поджарить?

— Глазунью с двух сторон, миссис Томпсон, и спасибо вам, — устало сказал он. — Доктор, у меня вроде бы всё. Яйца упакованы, можно грузить к вам в машину, а та может отправляться минут через десять. На полигоне еще готовятся, но к тому времени, когда вы доедете, уже должен быть полный порядок. Биологов и всех остальных надо собрать на консультацию в штабе ранчо. Я приказал выставить вокруг хлева двойную охрану и держать, пока спецы по животным проведут свои полевые тесты. И еще они обивают чем-то мягким изнутри фургон от аппаратуры, чтобы отвезти Салли в лабораторию, как только закончат. И… да, чуть не забыл… минут десять назад звонил председатель Комиссии и велел вам передать, что русские собираются сегодня утром заявить в ООН официальный протест. Утверждают, что мы

пытаемся уничтожить Советский Союз, заразив их молоко.

Со стороны заднего крыльца со двора донеслись звуки потасовки и громкие крики негодования. Дверь резко распахнулась, и в комнату втолкнули разъяренного брызжущего слюной Барни, которого не выпускали из своих крепких тисков двое вооруженных охранников.

— Руки свои от меня уберите! — рычал Барни, беспомощно пытаясь вырваться. — Док, скажите этим кобурам с ногами меня отпустить!

— Мы схватили его при попытке проникнуть в хлев, сэр, — доложил Петерсону один из военных.

— Конечно, я пытался проникнуть! — в негодовании закричал батрак. — А куда ж, по-вашему, мне идти корову доить?

Петерсон улыбнулся.

— Фред, все в порядке. Это я виноват. Надо было сказать вам, что у мистера Хэтфилда право свободного доступа.

Охранники отпустили Барни. Он встряхнулся и сердито на них посмотрел.

— Барни, прости, пожалуйста, — сказал доктор Петерсон. — Я забыл об этом и рад, что ты мне напомнил. Сделай одолжение, подои Салли первой,

ладно? Я заберу с собой это… молоко, или что оно там такое, мы через несколько минут выезжаем.

Солнце медленно выползало из-за гор, когда Джонни и доктор Петерсон выдвинулись со двора в сопровождении двух бронированных военных автомобилей. Предстояло преодолеть шестьдесят миль по дороге через поля. Под ранними лучами солнца поблескивала роса, в прохладном утреннем воздухе не было и намека на жару, которая наверняка настанет в разгар утра. Когда маленький караван покидал ранчо, репортеры ринулись к воротам. Целая батарея фотоаппаратов поспешила заснять машины, направляющиеся на юг.

Так начинался день, который переменил всю внешнюю политику Соединенных Штатов. И он же — день, когда лучшие в стране физики-ядерщики гуськом потянулись к кушеткам психиатров.

Несколько стремительных суток, и команда Петерсона, усиленная сотнями коллег-ученых, технарей и военных, выяснила то, что уже знал Джонни Калпеппер. Они установили, что: 1) «молоко» Салли, разведенное не более и не менее чем четырьмястами частями чистой воды, представляет собой при воспламенении более эффективное топливо, чем бензин.

Они также определили, что: 2) при правильной концентрации оно заменяет собой практически любое известное взрывчатое вещество; 3) при контакте с составляющей, находящейся внутри золотого яйца, оно производит взрыв, чья мощность начинается от килотонны из расчета одно яйцо на два стакана молока и повышается при увеличении объемов в рецептуре, но, дойдя до пика, выходит на плато; 4) им можно управлять, получив струю с желаемой взрывной силой, и 5) они не имеют ни малейшего представления, чем обусловлена реакция.

В том же порядке это вызвало: 1) падение курса акций «Стандард Ойл» до цены бумаги, на которой они напечатаны; 2) то же для акций «Дюпон»; 3) новые чистки в руководстве Верховного совета СССР; 4) восторг ракетчиков в исследовательском центре авиабазы Холломан, на мысе Канаверал и авиабазе Ванденберг и 5) мучительные приступы вырывания на себе волос у каждого химика, биолога и физика, предпринимавших безуспешные попытки исследовать два ингредиента смеси, которую пресса окрестила «Эгг-ног Томпсон».

Пока одни облаченные в белые халаты ветеринары, эксперты по сельскому хозяйству и химики тыкали и ощупывали Салли Кловердейл

Марафон Третью, другие проходились по куриному стаду Хетти. Гневные крики Соломона эхом разносились по пустыне, когда его подвергали унизительным для пернатых манипуляциям, доселе неведомым ни одному петуху.

Шли недели, и на каждой из них новые эксперименты открывали новые применения удивительному «эгг-ногу». Пока Салли невозмутимо жевала жвачку и продолжала выдавать стабильные пять галлонов концентрированной ярости при каждой дойке, гарем Соломона прилежно сносил в день от пяти до дюжины золотых сфер с энергией внутри. Инженеры-ракетчики тем временем приступили к испытаниям с практическим использованием «эгг-нога Т».

В первые послеполуночные часы четвертого июня одноступенчатая двухяйцевая тридцатипятигаллоновая ракета «Атлас» покоилась на стартовой платформе мыса Канаверал. Из громкоговорителей на крыше массивного командного пункта пошел обратный отсчет: «Двадцать секунд до запуска. Десять секунд до запуска. Девять… восемь… семь… шесть… пять… четыре… три… две… один… ПУСК!»

Офицер управления ткнул в кнопку запуска, и глубоко внутри «Атласа» щелкнуло реле, активи-

ровав электромагнит, который открыл клапан. Тонкая струйка «молока» Салли ударила с одной стороны камеры сгорания и смешалась с мелкими брызгами взбитого яйца, выходящими из форсунки в противоположной.

Извергая мощный след пурпурного огня, «Атлас» выпрыгнул со стартового стола, как ужаленная осой телушка, и с ревом унесся в космос. Сопла расширились до запланированного максимума. Через десять секунд носовая часть ракеты раскалилась от вишнево-красной до белой и начала сбрасывать керамическое покрытие. На скорости чуть более сорока трех тысяч миль в час летательный аппарат вырвался из атмосферы в пустоту космоса, запустив ударную волну, от которой в диаметре пятидесяти миль от точки запуска потрескались дома и разбились окна.

Неделю спустя новейшая американская ракета массой более тридцати тонн, получившая название «Эгг-ног», была запущена с противоположного берега Америки, с базы Ванденберг.

Поспешно модифицированная под новое топливо ракета, чьи размеры и масса изначально разрабатывались под заурядное ракетное, была снабжена автоматической камерой и телевизионным оборудованием. В хвосте ее стоял шести-

яйцевый стогаллоновый основной двигатель, а в носу располагался небольшой одноячейцевый четырнадцатиквартовый тормозной двигатель, чтобы замедлить ракету при движении через атмосферу на обратном пути.

Точкой назначения «Эгг-нога» был Марс!

Неделю спустя аппарат опустился через тропосферу, сбросив в стратосфере скорость до смешных двух тысяч миль в час, выпустил крылья, спланировал вниз и, подняв брызги, закончил путь в Тихом океане, в пятидесяти милях к западу от мексиканской Энсенады в Нижней Калифорнии. На борту он нес первые виды Красной планеты, полученные человечеством.

Мир сошел с ума от ликования. Поздравления из столиц свободных стран потоком стекались в Вашингтон. Из Москвы пришло известие о запуске в ближайшие дни стотонной космической ракеты на смеси водки и апельсинового сока, открытой барменом из Новоросска, который изучал химию в вечерней школе. Вслед за этим заявлением двадцать четыре часа спустя появилась заметка в «Правде», убедительно доказывающая, что Салли Ковердейл Марафон Третья — прямой потомок Никиты Мужика Дрожки Пятого, призового гернзейского быка, выращенного двадцать

шесть лет назад в стойлах Сополовского колхоза.

В конце августа майор ВВС Клифтон Вэдсуорт Квортермейн выбрался из люка двухсоттонной двадцатичетырехяйцевой стотридцатигаллоновой космической ракеты «Икар», став первым человеком, полетевшим в космос и вернувшимся на Землю. Он сделал оборот вокруг Венеры и вернулся. Не ограниченные фактором массы топлива ученые смогли снабдить огромный «Икар» достаточной защитой, чтобы уберечь пилота от смертоносной бомбардировки радиационного пояса Ван Аллена.

Пятнадцатого сентября Салли Кловердейл Марафон Третья, которую доили интенсивнее и чаще, чем любую другую гернзейку в истории, перестала давать молоко.

В хранилищах КАЭ оставалось готовым к применению менее половины от примерно тысячи двухсот галлонов топлива, которые она произвела в свои лучшие дни.

Через три дня Соломон, припустив за обитательницей своего гарема, которая притворялась недотрогой, угодил прямиком под колеса армейского джипа. Предсмертный вскрик, фонтан перьев и горечь утраты. Непродолжительное время количество золотых яиц падало изо дня

в день, пока однажды они не пропали вовсе. И больше не появлялись. В глубокой подземной пещере в Скалистых горах Соединенные Штаты сохранили резерв в двадцать шесть десятков.

Человек, выпорхнувший в космос, подобно бабочке, заполз обратно в кокон и продолжил размышлять о звездах с точки зрения гусеницы.

Качаясь в задней части обычного фургона для перевозки скота, Салли Кловердейл Марафон Третья с позором вернулась домой в «Сёркл-Т». В углу грузовика кудахтал и издавал громкие крики страдания гарем покойного Соломона, тесно сгрудившись в грубой деревянной перевозке для кур. Грузовик свернул с шоссе округа на грунтовку, ведущую к ранчо. Он прогрохотал по решетке от скота и въехал в новые, неохраняемые и открытые, ворота в заборе из колючей проволоки. Жизнь в «Сёркл-Т» вернулась в нормальное русло.

Но ненадолго.

Через пять дней после бесславной отставки Салли из вооруженных сил на ранчо примчалась военная машина. Она резко остановилась у ступеней заднего крыльца. Из машины выпрыгнул доктор Петерсон и подбежал к открытой двери кухни.

— О-о-о, кого я вижу! — закричала Хетти. — Входи скорей, сынок! Целую вечность тебя не видывала!

Петерсон вошел и огляделся.

— Миссис Томпсон, где Джонни? — взволнованно спросил он. — У меня чудесные новости.

— Это же замечательно! — воскликнула Хетти. — Верно, у вашей жены ребеночек? Или как? Джонни там, в хлеву. Я позову.

Она двинулась к двери.

— Ничего, — сказал Петерсон, вылетая на улицу, — зайду в хлев.

Он спрыгнул с крыльца и побежал по двору.

В хлеву Джонни ставил новую лебедку для сена. Барни помогал продевать новую пеньковую веревку из катушки, лежащей на усыпанном соломой полу.

— Джонни, мы нашли его! — торжествующе закричал Петерсон, ворвавшись в хлев.

— О, док, рад снова вас видеть, — сказал Джонни. — Нашли что?

— Секрет молока Салли! — выкрикнул Петерсон и лихорадочно заозирался. — Где она?

— Кто?

— Салли, конечно! — завопил ученый.

— А, она там, на нижнем пастбище, с Квини, —

ответил Джонни.

— Но у нее же все в порядке? — с тревогой уточнил Петерсон.

— Ну да, док, у нее все хорошо, а что?

— Послушай, — торопливо сказал Петерсон, — наши люди считают, что наткнулись на разгадку. Мы по-прежнему не знаем, что в тех яйцах или молоке Салли заставляет их проявлять такую реакцию. Все, что мы смогли обнаружить, — некий странный изотоп, но мы не знаем, как его воспроизвести или синтезировать. Но мы знаем, что заставило Салли давать то молоко и что заставило кур начать откладывать золотые яйца.

Джонни и Барни отложили работу и повели взволнованного ученого присесть на скамейку у лошадиных стойл.

— Ты помнишь, какого числа Салли отелилась? — продолжил Петерсон.

— Неточно, — ответил Джонни, — но могу посмотреть в журнале. Я четко записываю такие вещи, как рождение молодняка.

— Неважно, — сказал Петерсон, — я уже проверил. Это было девятое мая.

Он замолчал и торжествующе улыбнулся.

— Наверное, так и есть, раз вы говорите, — сказал Джонни. — Но что с того?

— И это был именно тот день, когда куры снесли первые золотые яйца, так? — спросил Петерсон.

— Это уж наверняка, док! — вступил в разговор Барни. — Я-то помню, миз Томпсон так бесилась тогда, что и молоко плохое, и с яйцами что-то не так, все в один день.

— Теперь, Джонни, слушай дальше, — продолжил ученый. — В ночь с восьмого на девятое мая мы провели на полигоне испытательный взрыв совершенно нового типа. Не могу тебе сказать, что именно это было, скажу только, что использовалось особое ядерное устройство, о котором мы сами знали-то немного. Поэтому взрывали в пещере на склоне холма.

Наши люди уже давно выработали достаточно обоснованную гипотезу, что незадолго до того, как корова и куры стали давать ингредиенты «эгг-нога», с ними нечто произошло. А тут кто-то вспомнил про экспериментальный взрыв, сверил дату, и мы пошли осматривать пещеру. У нас и раньше были подозрения, что это устройство испускает лучи нового типа. Мы провели визирование из пещеры и обнаружили, что направление излучения проходит по прямой линии на «Сёркл-Т». Снова установили устройство и, использовав миниатюрную модель, испытали

его на эмбрионах цыплят. Конечно, получили мутацию. Но не ту, какая нам нужна.

Поэтому мы собираемся воссоздать всю ситуацию прямо здесь, однако на этот раз подвергнем воздействию не только Салли, но и десяток других гернзеек, как можно ближе к ней по родословной. И мы знаем, что у вас уже есть молодой петух, которого породил Соломон.

— Но, док, — запротестовал Джонни, — в тот день рано утром у Салли родился теленок. Разве это не будет иметь значения?

— Конечно, будет! — воскликнул Петерсон. — И еще родит. Как и все остальные коровы. Это ведь ты мне говорил, что теленок у нее получился искусственным осеменением?

Джонни кивнул.

— Тогда и у нее будет еще один теленок от того же быка, и у остальных коров.

— Бедная Салли, — жалостливо сказал Барни. — Забирают у твоего материнства всю романтику.

На следующее утро охрана опять появилась у ворот. К середине дня прибыли двенадцать изящных молодых гернзеек вместе с отрядом ветеринаров, биологов и службы безопасности. К ночи Салли и ее товарки снова оказались в «деликатном положении».

В миле от фермерского дома выстроили спальный корпус для специалистов и казарму для охраны. Вокруг пастбища соорудили из цепей забор в тридцать пять тысяч долларов и двенадцать футов высотой, с колючей проволокой поверху, и бронированные машины патрулировали вдоль него днем, а ночью охраняли беременных телушек в хлеву.

Всю осень, долгую зиму и до самой набухающей почками весны армия экспертов и охранников присматривала за новым стадом и его раздувающимися животами.

Тот факт, что Салли перестала давать молоко, тщательно охранялся с грифом «государственная тайна». Дабы соблюсти внешнюю видимость и показать миру, что Америка по-прежнему владеет единственным опробованным методом совершения пилотируемого полета в космос, Комитет начальников штабов проголосовал за выделение еще двухсот галлонов из невеликого драгоценного запаса «молока», имеющегося в распоряжении, на еще одну поездку за казенный счет — на сей раз для исследования колец Сатурна.

Майор Квортермейн оставил земные соблазны и обожание своей богатой, от побережья до побережья, коллекции боготворящих его женщин,

чтобы снова ринуться в неведомое на меньшей по размеру и более сложной, но не менее хорошо защищенной версии «Икара».

«Обычный вылет, как за молоком сходить» — так цитировали слова, которые произнес майор Квортермейн, когда показался из своего корабля после небогатого на события, но пропагандистски значимого путешествия.

К середине мая ветеринары согласились, что днем родов должно стать четвертое июля. Повторный ядерный взрыв в пещере был предварительно назначен на девять часов вечера третьего. В полночь беременному стаду запланировали сделать уколы, вызывающие схватки, и, если все пойдет хорошо, в пределах нескольких часов должны были начаться роды. Дабы удостовериться, что коров ничто не закроет от излучения, к вечеру тринадцать животных следовало переместить в кораль на южной стороне хлева.

Преемник Соломона и новый гарем уже обустроились в том же старом курятнике, и яйценоскость была в норме.

Вечером третьего июля, ровно в двадцать один час, из пещеры на склоне холма в Неваде вырвалась полоса света и земля содрогнулась на несколько миль вокруг. Удар был не слишком

мощным, впрочем, таким же был и первый взрыв. В шестидесяти милях к северу тринадцать гернзейских коров пощипывали стог свежего сена и удовлетворенно жевали, стоя в лунном свете.

После полуночи, в 03:11, появился на свет первый теленок, а вслед за ним стремительно прибыли еще двенадцать.

Салли Кловердейл Марафон Третья родила своего теленка в 04:08 утра в День независимости.

В семь утра ее подоили и получили два с половиной галлона абсолютно чистой, без вкуса и запаха, невоспламеняющейся жидкости. Одиннадцать остальных гернзеек галлон за галлоном выдавали радующее телят и огорчающее людей жирное молоко.

Тринадцатая корова наполнила два ведра чем-то похожим на слабое какао, пахнущее застоявшимся чаем.

Но когда тем же утром одетый в белый халат специалист по птицеводству из университета Калифорнии вошел в курятник, то не обнаружил в гнездах ничего кроме обычных свежих яиц белого цвета. Наконец он пришел к выводу, который старый гарем Соломона знал уже давно: чем бы ни был одарен Соломон, у нового петуха этого нет.

Немедленно позвонили и заказали в лабораторию десяток золотых яиц из драгоценного запаса.

Два часа спустя доктор Петерсон, окруженный коллегами-учеными, стоял перед батареей мониторов видеонаблюдения в здании штаба Френчмен-Флэт. На экранах демонстрировалось помещение в массивном железобетонном испытательном бункере, расположенном в нескольких милях поодаль. На полу бункера стоял открытый лабораторный стакан объемом в галлон, наполненный новой версией «молока Салли».

Строго над стаканом был установлен сосуд в форме воронки с содержимым одного золотого яйца.

Доктор Петерсон потянулся к рычажку. Он должен был удаленно открывать дно воронки. Петерсон чуть сжал рычаг и медленно надавил на него. Невольный вздох вырвался у наблюдателей, когда тонкая струйка содержимого яйца потекла из воронки в химстакан.

Все присутствующие в комнате невольно зажмурились в ожидании взрыва. Через секунду Петерсон осторожно посмотрел на экран. Молоко стало непрозрачным и светло-голубым. Не заши-

пело и не взорвалось. Стояло, как было.

Петерсон приоткрыл воронку и уронил еще одну каплю. Вязкая липкая масса булькнула в стакан, жидкость коротко всплеснулась и еще больше помутнела, приобретя более глубокий голубой оттенок.

Когда стало очевидно, что взрыва ждать не приходится, комнату заполнил гул голосов.

Петерсон рухнул на стоявший рядом стул и уставился в экран.

— Что дальше? — простонал он.

«Дальше» возникло спустя двенадцать лихорадочных часов, потерянных на то, чтобы потрясти, взболтать и облучить новую субстанцию в расчете на ничтожный шанс, будто у нее проявится скрытая тенденция к разрушению.

Удовлетворившись тем, что непонятное вещество в стакане — по крайней мере, не взрывчатка, его быстро разлили по шестнадцати полупинтовым мензуркам и направили во множество различных лабораторий для исчерпывающих анализов.

— Что со вторым веществом? — спросили у Петерсона, имея в виду коричневатое «молоко», которое, как впоследствии определили, дала изящная молодая телушка, известная как Мелоди

Баттеркап Гринбрайер Четвертая.

— Давайте всё по очереди, — ответил Петерсон. — Прежде чем заняться второй проблемой, следует выяснить, с чем мы имеем дело здесь.

Тем же вечером в 21:00 Петерсона вызвали в радиационные лаборатории. У дверей его встретил стеклянным взглядом физик и провел в свой кабинет.

Он жестом попросил Петерсона сесть, а затем протянул ему пачку фотокарточек и других бумаг. На каждом фото были видны четкие белые очертания лабораторного стакана, окруженные сплошным полем черного цвета. Два листа были полностью белыми.

— Флойд, я не могу поверить! — сказал физик, запустив себе пальцы в волосы. — Я сам все видел, я сам все делал. Я провел эксперименты, доказал и все равно не верю.

Петерсон перебирал пачку фотографий и выжидающе молчал.

— Фред, во что вы не верите? — спросил он наконец.

Физик наклонился и похлопал по бумагам в руках у Петерсона.

— Мы подвергли это дурацкое вещество действию высокоэнергетичных и низкоэнергетич-

ных частиц из всех возможных источников, которые только можем здесь получить, то есть практически полный набор, если без взрыва водородной бомбы. Мы стреляли альфа-частицами, гамма-, бета-, весь список, рассеянным лучом, сфокусированным лучом и простым облучением. Ничто не прошло дальше стекла, в которое заключена эта чертова жижа. Флойд, они ее огибали. Они ее огибали… — Физик лег головой на руки. — Ни один материал не может иметь таких свойств, — всхлипнул он.

Пока Петерсон изумленно вглядывался в отчеты об экспериментах, Фред попытался взять себя в руки.

— Это еще не вся история, — продолжил он, подошел к Петерсону и вытащил два полностью белых листа. — Вот это, — срывающимся голосом сказал он, — представляет собой лист фотобумаги, который погрузили в эту дрянь, затем дали высохнуть и обстреливали заряженными частицами. А это, — он помахал вторым листом, — кусок фотобумаги в центре панели, закрытый листом обычной писчей бумаги, которую обработали этим веществом.

Петерсон поднял на него взгляд.

— Жидкость, непроницаемая для излучения, —

потрясенно проговорил он.

Собеседник молча кивнул.

— Восемь лет в университете, — еле слышно прошептал он. — Шесть лет в летних школах. Четыре гранта. Десять лет исследований… Все полетело к чертям! — вскричал он. — Из-за какой-то негодной вонючей коровы.

Петерсон тихонько похлопал физика по плечу.

— Фред, все нормально. Не принимайте так близко к сердцу. Могло быть и хуже.

— Как? — отрешенно спросил тот. — Если бы эту дрянь надоили от кенгуру?

Вернувшись в офис, Петерсон отказался отвечать на десяток звонков, отдавая приказания немедленно доставить новые порции голубого «молока» в Аргоннскую лабораторию для дальнейших экспериментов с радиацией и подтверждения невадских результатов. Он распорядился подготовить на следующее утро эксперимент с коричневой жидкостью и только тогда принял звонок от председателя КАЭ.

— Да, Джон, у нас кое-что есть.

Операция «Молочница» была в разгаре!

На следующее утро исследователи снова набились в комнату видеонаблюдения, поскольку Петерсон приготовился повторить тест, исполь-

зуя образец коричневатого «молока» Мелоди.

Сперва всем точно так же невольно захотелось съежиться у экранов, когда первая капля из яйца полетела в сторону жидкости, но на этот раз Петерсон заставил себя смотреть. И снова через усилители послышался тихий булькающий звук и больше ничего. Такое же облако распространилось по изначально мутной жидкости, а когда в молоко добавили полное содержимое яйца, стакан приобрел равномерный коричневый цвет, совершенно непрозрачный. Несколько минут ученые изучали стеклянный сосуд, надеясь на повторение взрыва с отложенным эффектом.

Когда ничего так и не произошло, Петерсон кивнул ассистенту за соседним пультом. Ассистент повернул несколько тумблеров, и на экране появилась механическая рука с дистанционным управлением. Клешня опустилась над лабораторным стаканом и, аккуратно сжав его, легко скинула на цементный пол бункера. Единственным звуком стал приглушенный звон удара стеклянного днища о цемент. Ассистент легонько пошевелил рычаги, и емкость покачалась вперед-назад.

Петерсон, внимательно за всем этим наблюдавший, подал голос:

— Сделай так еще раз.

Оператор подвигал рычаги.

— Вы посмотрите! — воскликнул Петерсон. — Эта штука затвердела.

Одним быстрым движением предположение подтвердили, и тогда Петерсон приказал поднять стакан на пять футов над полом и медленно наклонить. Клешня начала вращаться на своем основании, и сосуд вместе с ней. Он повернулся почти на сто восемьдесят градусов, когда вся затвердевшая масса одним куском выскользнула наружу.

Наблюдатели затаили дыхание, глядя, как кусок упал на жесткий пол. Он ударился, подскочил на несколько дюймов, снова упал, еще разок подпрыгнул и, задрожав, остановился. Так родилось то, что вскоре стало называться «Могучим материалом Мелоди».

Начались испытания. Но обнаружилось кое-что неожиданное. К тому моменту, как коричневый сгусток вынесли из бункера, он затвердел настолько, что его ничем было не разломать и не разрезать. Поверхность слегка поддалась самому прочному полотну электропилы, но потом резко вернулась в исходное положение, оставшись неповрежденной. Даже алмазное сверло не про-

изводило никакого эффекта.

И тогда весь кусок целиком поехал путешествовать по различным лабораториям. Радиационные лаборатории с откровенным ликованием сообщали об отсутствии у материала уникальных свойств. Один за другим эксперименты оканчивались ничем, пока в группе по изучению физических свойств не возникло предложение.

— Его нельзя разрезать, сломать или разорвать, — сказал Петерсону инженер, взвешивая в руке загадочный легкий сгусток. — Его не сжечь, не пробить в нем отверстий и даже не протравить поверхность любой из известных кислот. Это вещество прочнее стали и примерно в пятьдесят раз легче.

— Ну хорошо, для чего это может пригодиться? — спросил Петерсон.

— Его можно заливать в формы сразу после смешивания, — многозначительно сказал инженер.

— А вы правы! — взволнованно вскочил Петерсон. — И впрямь, космический корабль, отлитый из этого вещества и покрытый «краской Салли», будет достаточно легким и достаточно защищенным, чтобы работать на обычном ракетном топливе.

Трудясь в авральном режиме, три ведущих пла-

стиковых завода страны выпустили три легких одноместных космических корабля, используя государственные поставки «Мелоди-микс». Корпуса, без двигателя весившие менее тонны, покрыли двойным слоем «краски Салли» и установили на них одноступенчатый ракетный двигатель на жидком топливе.

Теплым августовским вечером через двадцать восемь дней после того, как появилось «молоко», первый летательный аппарат стоял на пусковой площадке на мысе Канаверал, освещенный столбами света. Топливные бригады закончили заправку цистерн, которые должны были отделиться вместе с двигателем после выгорания. Внутри ракеты неловко скрючился в стропах майор Квортермейн, которому предстояло короткое, но символичное путешествие через радиационные поля Ван Аллена и обратно на Землю.

Стропы крепились внутри спасательной капсулы, поскольку использование химического топлива вернуло многие из прежних сложностей космических запусков. На обратном пути Квортермейну предстояло выброситься на высоте шестидесяти тысяч футов и раскрыть огромный парашют, чтобы медленно опуститься вместе с капсулой на поверхность Атлантики, где его

будут поджидать спасательные корабли. Легкий корпус ракеты должен был выпустить отдельный парашют и тоже приземлиться для последующего восстановления и исследования.

Сидящий внутри корабля Квортермейн принюхался и сморщил нос.

— Давайте запускать эту штуку, — сказал он в ларингофон. — Наверное, флоридский воздух сюда просочился.

— Четыре минуты до отсчета времени, — ответил командный пункт. — Включи пока вентиляторы.

Снаружи корабля топливные бригады убирали свое оборудование с площадки. В теплом ночном воздухе висело то же тяжелое зловоние.

В 20:02, через двадцать восемь дней после того, как появилось новое «молоко», майор Квортермейн идеально провел старт.

В 20:03 два других корпуса из «Мелоди-микс», стоявшие на соседних площадках, начали таять.

В 20:04 еще ревущий двигатель отвалился от хвоста ракеты Квортермейна и по пламенеющей дуге полетел обратно на Землю. Через пятнадцать секунд Квортермейн выбросил свою спасательную капсулу из разваливающегося корпуса ракеты. Парашют раскрылся, и отважный

астронавт стал снижаться к морю.

Одновременно с этим в десятках лабораторий по всей стране сгустки и формы из «Мелодимикс», сделанные из первой партии «молока», развалились, оставив после себя груды вонючей липкой массы. Каждый следующий день все новые блоки из смеси, достигнув срока в двадцать восемь дней, точно так же разлагались в зловонную жижу.

Прошел месяц, прежде чем дурно пахнущую липкую субстанцию, затопившую стартовые площадки на мысе Канаверал, удалось отчистить уборочным бригадам в респираторах и защитных масках. Трем ведущим производителям пластика в стране потребовалось существенно больше времени, чтобы вернуться в строй, поскольку зловонный поток незавершенных ракетных частей испортил технику и вынудил персонал покинуть производственные площади.

Глыба, которая была ракетой Квортермейна, медленно падала обратно на Землю, распадаясь с каждой минутой, пока не достигла консистенции жидкой каши. В этот момент ее подхватило струей реактивного самолета и протащило на полмира в виде миазматического облака, которое наконец опустилось на землю, накрыв

российский город Урмск пеленой мерзкого запаха. Соединенные Штаты какую-либо связь с облаком отрицали.

ЛАС-ВЕГАС, НЕВАДА, 8 мая (АП)

«Сегодня Комиссия по атомной энергии объявила, что она выжала последнюю каплю из операции „Молочница“.

После того как год безуспешных экспериментов не позволил получить от двух самых знаменитых коров в мире ничего, кроме обычного первоклассного молока, КАЭ заявила, что закрывает свою полевую лабораторию на ранчо „Сёркл-Т“.

Доктор Флойд Петерсон, руководивший попытками воспроизвести «молоко» Салли, сказал журналистам, что знаменитая гернзейка и ее соседка по стойлу, Мелоди, больше не дают специфических неидентифицируемых жидкостей, которые так стремительно и ненадолго отправили человека к звездам.

„Какое-то время казалось, что успех уже у нас в руках, — сказал Петерсон. — Однако сейчас мы можем констатировать, что все наши дротики улетели в молоко“.

Тем временем в Вашингтоне председатель КАЭ…»

Госпожа, ходившая под парусами «Души». Кордвейнер Смит[11] (1913–1966)

Galaxy

апрель

Как Айзек пишет ниже, «Госпожа, ходившая под парусами „Души“» – история любви. Человеческая любовь насквозь пронизывает творчество Кордвейнера Смита (он же Пол М. Э. Лайнбарджер), профессора колледжа, сотрудника разведки и писателя-фантаста, о котором мы рассказывали в предыдущих сборниках серии. Для меня The Best Of Cordwainer Smith («Лучшие рассказы Кордвейнера Смита», 1975, под редакцией Дж. Дж. Пирса) – в десятке лучших НФ-книг 1970-х. (М. Г.)

Я из тех, кто считает научную фантастику способом повествования, объемлющим все жанры, и потому чем-то куда большим, чем

[11] Сноски: 11

Рассказ написан Полом Лайнбарджером (писавшим под псевдонимом Кордвейнер Смит) вместе с женой, Женевьевой Лайнбарджер. — *Прим. ред.*

собственно жанр. Подумайте о самых разных видах литературы: любовные истории, военные истории, детективные истории, приключенческие истории, спортивные истории и так далее, и так далее, и так далее…

Любая такая история может происходить – и обычно происходит – в каком-то конкретном обществе прошлого или настоящего, и тогда говорят, что это «традиционная» литература.

Любая такая история может происходить и в придуманном обществе, и тогда это научная фантастика или фэнтези. Если придуманное общество постижимо в рамках возможного научного прогресса – это научная фантастика, в противном случае это фэнтези. (Итого – три формата повествования.)

«Госпожа, ходившая под парусами „Души“» – история любви, рассказанная в формате научной фантастики. (А. А.)

1

Эта история произошла — как же она произошла? Все узнавали отсылки к Хелен Америке и мистеру Уже-не-седому, но никто не ведал, как именно все случилось. Их имена спаяны с блистающим вневременным ожерельем любовной романтики. Порой их сравнивали с Элоизой и Абеляром, чью историю обнаружили среди книг библиотеки, погребенной встарь в недрах земли. В другие эпохи жизнь Хелен Америки и мистера Уже-не-седого уподобляли странному омерзительно-умилительному роману Вперед-Капитана Тальяно и Леди Долорес О[12].

Из всего этого выделялись две вещи — их любовь и образ огромных парусов, ткань-металлических крыльев, благодаря которым тела людей наконец научились порхать меж звезд.

Упомяните его — и вспомнят о ней. Упомяните ее — и вспомнят о нем. Он — первый из вернувшихся моряков, а она — госпожа, ходившая под парусами «Души».

---

[12] Сноски: 12

Отсылка к рассказу Кордвейнера Смита «Сгорающий мозг» (The Burning of the Brain, 1958) из цикла об Инструментальности. — *Прим. ред.*

К счастью, их портреты утеряны. Романтический герой выглядел очень молодо, состарился раньше времени и, когда пришла любовь, сильно болел. А Хелен Америка была уродом, но милым: угрюмая, мрачная, грустная маленькая брюнетка, рожденная под смех человечества. Она не была высокой самоуверенной героиней, какой позднее изображали ее актрисы.

Она была тем не менее замечательной морячкой. В этом сомнений нет. Обладая таким телом и таким разумом, она любила мистера Уже-не-седого с преданностью, которую века не могут ни превзойти, ни забыть. Пусть История соскребет патину с имени и внешности — но даже История может сделать любовь Хелен Америки и мистера Уже-не-седого только ярче.

Оба они — об этом нельзя забывать — были моряками.

2

Маленькая девочка играла с шпильтьером. Форма цыпленка ей наскучила, и она вернула меховой вариант. Когда она вытянула уши до оптимума, шпильтьер выглядел странновато. Сквозняк опрокинул игрозверушку набок, однако шпильтьер добродушно восстановил равновесие и принялся с довольным видом жевать ковер.

Вдруг девочка хлопнула в ладоши и вопросительно воскликнула:

— Мамочка, что такое «моряк»?

— Моряки, золотце, жили в стародавние времена. Смельчаки, они вели корабли к звездам — самые первые корабли, уносившие людей прочь от нашего солнца. И у них были огромные паруса. Не знаю, как это работало, только их каким-то образом надувал свет, а на единственный полет в один конец приходилось тратить четверть жизни. Люди в то время жили всего-то сто шестьдесят лет, золотце, и летали по сорок лет туда и обратно, но теперь моряки нам уже не нужны.

— Конечно, не нужны, — сказала девочка, — мы летаем без них. Ты возила меня на Марс, а еще ты возила меня на Новую Землю, да, мамочка? И

мы можем полететь куда угодно хоть сейчас и до вечера будем на месте.

— Это планформи́рование, малышка. А моряки жили задолго до того, как люди научились планформировать. Летать так, как мы, моряки не могли, поэтому и делали огромные-преогромные паруса. Такие большие, что на Земле их не построишь. Моряки разворачивали их на полпути от Земли к Марсу. И знаешь, случилась забавная штука… Слышала ты о том, как замерз мир?

— Нет, мамочка, что это за история?

— Давным-давно один такой парус уплыл прочь, и люди попытались его спасти, ведь строить паруса очень нелегко. Но этот парус был таким большим, что закрыл Землю от Солнца. И солнечного света не стало — все время была ночь. И на Земле стало очень холодно. Работали все атомные электростанции, и воздух стал странно пахнуть. И люди сильно волновались, и через несколько дней парус оттащили в сторону. И снова стало светить солнышко.

— Мамочка, а были тогда девочки-морячки?

Лицо матери сделалось чудны́м.

— Только одна. Ты узнаешь о ней потом, когда станешь постарше. Ее звали Хелен Америка, и она отправилась к звездам под парусами «Души».

Единственная из всех женщин. И это чудесная история.

Мать промокнула глаза платочком.

Девочка попросила:

— Мамочка, расскажи сейчас. Что это за история?

Тут мать сказала очень твердо:

— Малышка, есть вещи, до которых ты пока что не доросла. Но, когда ты станешь большой девочкой, я расскажу тебе все.

Мать была честной женщиной. Чуток подумав, она добавила:

— …Если ты сперва об этом где-нибудь не прочтешь.

3

Хелен Америке суждено было войти в историю человечества, однако начался ее путь скверно. Самым первым несчастьем Хелен стало ее имя.

Личность ее отца так и осталась неизвестной. Чиновники согласились этот вопрос замять.

В матери сомневаться не приходилось. Ее матерью была прославленная человечица Мона Маггеридж — женщина, сотню раз агитировавшая за безнадежную идею полной идентичности двух полов. Она была беспредельной феминисткой — и когда Мона Маггеридж, единственная в своем роде мисс Маггеридж, объявила журналистам, что родит ребенка, то была первоклассная сенсация.

Мона Маггеридж пошла дальше. Она заявила, что твердо убеждена: личности отцов должны оставаться тайной. Она провозгласила, что женщине нельзя рожать нескольких детей от одного и того же мужчины — и женщина должна внять совету выбирать разных отцов для своих отпрысков, дабы человечество становилось разнообразнее и прекраснее. В завершение она провозгласила, что лично она, мисс Маггеридж,

выбрала идеального отца и неизбежно произведет на свет единственного идеального ребенка.

Мисс Маггеридж, костлявая спесивая блондинка, сообщила, что избегнет глупостей брака и наследуемых фамилий — и что ребенка, следовательно, будут звать, если это мальчик, Джон Америка, а если девочка — Хелен Америка.

Так и получилось, что крохотную Хелен Америку сразу после появления на свет поджидали за дверью родильной палаты корреспонденты пресс-агентств. Новостные экраны озарились кадрами с милым трехкилограммовым младенцем. «Это девочка». «Идеальный ребенок». «А кто папа?»

Это было только начало. Мона Маггеридж сражалась всерьез. Она настаивала, даже когда младенца фотографировали в тысячный раз, что это красивейший ребенок всех времен и народов. Она подчеркивала совершенства своей дочери. Она выказывала всю глуповатую нежность слепо любящей матери — чувство, которое она, великая борчиха за правду, открыла для себя впервые.

Сказать, что для ребенка этот фон создавал трудности, — значит не сказать ничего.

Хелен Америка стала чудесным примером триумфа сырого человеческого материала над

его истязателями. К четырем годам она говорила на шести языках и начала расшифровку ряда древнемарсианских текстов. В пять лет ее отправили в школу. Соученики немедленно породили стишок:

Жирная Хелен,
Тупая корова,
Папочку ищет
Снова и снова!

Хелен все это слушала и, видимо, по стечению генетических обстоятельств выросла компактной малюткой — смертельно серьезной крошечной брюнеткой. Изводимая уроками, терзаемая публичностью, она стала осторожной и сдержанной в отношении дружбы — и отчаянно одинокой в своем внутреннем мире.

Хелен Америке было шестнадцать, когда ее мать плохо кончила. Мона Маггеридж сбежала с мужчиной, которого объявила идеальным мужем для идеального брака, какого у людей отродясь не бывало. Идеальный муж был квалифицированным полировальщиком машин. У него уже имелись жена и четверо детей. Он пил пиво, и его интерес к мисс Маггеридж явно сочетал добродушное товарищество со здраво-

мысленной осведомленностью о ее материнском капитале. Планетарная яхта, на которой сбежала парочка, нарушила запрет на внеплановые полеты. Жена и дети жениха уведомили полицию. Результат — столкновение с автобаржей и два неопознаваемых тела.

В свои шестнадцать лет Хелен уже была знаменитой, а в семнадцать стала почти позабытой и весьма одинокой.

4

То была эра моряков. Тысячи фоторазведывательных и измерительных ракет возвращались со звезд с урожаем. Планета за планетой вплывали в сферу знаний человечества. Люди открывали для себя новые миры, когда ракеты межзвездного поиска привозили снимки, пробы атмосферы, замеры гравитации, облачного покрова, химического состава и прочего. Три из огромного множества ракет, вернувшихся после двух-трехсотлетних странствий, доставили отчеты о Новой Земле, которая столь походила на саму Терру, что казалась пригодной для заселения.

Первые моряки вышли в космос почти сто лет назад. Они начинали с маленьких парусов — не более двух тысяч квадратных миль. Постепенно площадь паруса росла. Технологии адиабатической упаковки и перевозки пассажиров в отдельных капсулах свели убыль человеческого груза к минимуму. Весь свет облетела новость: на Землю прилетел моряк, рожденный и выросший под светом другой звезды. Этот человек выдержал месяц страданий и боли, перевозя горстку гибернированных поселенцев; он сумел

провести грандиозный парусник на световой тяге заданным курсом сквозь великую межзвездную пучину за объективный период времени в сорок лет.

Человечество узнало, как моряк выглядит. Шагая, он ставил на землю полную стопу. Шею поворачивал резко, жестко, механически. Был ни молод, ни стар. Он провел без сна и в сознании сорок лет благодаря наркотику, делавшему возможным своего рода ограниченное восприятие. К моменту, когда моряка расспросили психологи — сначала в интересах властей Инструментальности, затем для пресс-релизов, — уже стало понятно, что сорок лет спрессовались для него примерно в месяц. Моряк так и не вызвался вести корабль обратно, потому что на деле постарел на сорок лет. Он был молодым человеком, молодым по надеждам и желаниям, — но сжег четверть человеческой жизни за один мучительный полет.

В то время Хелен Америка училась в Кембридже. Колледж Леди Джоанны слыл престижнейшим женским колледжем Атлантического мира. Кембридж воссоздавал свои протоисторические традиции, необританцы вновь вышли на передний край инженерии, связавшей их обычаи с ранней античностью.

Языком обучения, вполне естественно, был космополитический земной, а не архаический английский, однако студенты гордились тем, что живут в восстановленном университете, весьма напоминавшем, если судить по археологическим свидетельствам, Кембридж до наступления на Земле эпохи тьмы и горя. Хелен в этом ренессансе чуть-чуть расцвела.

Новостные службы следили за Хелен наигрубейшим манером. Они воскрешали ее имя и историю ее матери. Потом снова предавали ту забвению. Хелен подала запросы на шесть профессий, и последним вариантом был «моряк». Случилось так, что она стала первой женщиной, сделавшей такой выбор, — первой, потому что единственная удовлетворяла всем научным требованиям, будучи достаточно молодой.

На экранах их портреты соседствовали прежде, чем они повстречались.

Вообще-то она была совсем другой. Настрадавшись в детстве от «жирной Хелен, тупой коровы», она могла конкурировать с другими кандидатами только в чисто профессиональном аспекте. Она ненавидела и любила свою невероятную мать, которую утратила, она скучала по ней, но столь твердо решила не походить на родительницу, что

превратилась в воплощенный негатив Моны.

Мать была крупной, похожей на лошадь блондинкой — такие женщины становятся феминистками, потому что не очень женственны. Хелен о своей женственности никогда не задумывалась. Ей просто досаждала собственная внешность. Ее лицо было бы круглым, будь оно пухлым, но Хелен не была пухлой. Черноволосая, темноглазая, ширококостная, но тонкая, она была генетическим проявлением неизвестного отца. Учителя ее частенько побаивались. Бледная тихая девушка, она всегда знала предмет назубок.

Сокурсники подшучивали над ней пару недель, а затем по большей части сплотились против бесстыдства прессы. Когда на экранах мелькали новые кадры с какой-либо насмешкой над давно почившей Моной, по Леди Джоанне пробегал шепот:

— Отвлеките Хелен… они опять за свое.

— Не давайте Хелен смотреть на экран. Она лучшая наша студентка по некосвенным наукам, нельзя допустить, чтобы она расстроилась перед экзаменами…

Ее оберегали, и лишь по чистой случайности она увидела в новостной рамке свое лицо. А рядом — лицо мужчины. Похож на старую мар-

тышку, подумала она. Потом прочла: «идеальная девочка ХОЧЕТ БЫТЬ МОРЯЧКОЙ. ПОЙДЕТ ЛИ САМ МОРЯК НА СВИДАНИЕ С ИДЕАЛЬНОЙ девочкой?» Щеки Хелен запылали неизбежным беспомощным смятением и гневом, но она уже слишком хорошо разбиралась в себе, чтобы — как поступила бы Хелен-подросток — возненавидеть этого мужчину. Она понимала: тут нет и его вины. Тут нет даже вины глупых настырных журналистов и журналисток. Таково время, таков обычай, таков сам человек. А ей нужно только быть собой — если бы она смогла однажды понять, что это все-таки значит.

5

Их свидания, когда они начались, слегка напоминали ночные кошмары.

Новостная служба послала женщину — сообщить Хелен, что ее наградили недельным отпуском в Новом Мадриде.

Вместе с моряком со звезд.

Хелен отказалась.

Затем он отказался тоже — и, на ее вкус, сделал это слишком быстро. В ней пробудилось любопытство.

Через две недели в офисе новостной службы казначей принес в кабинет директора два бумажных листочка. Ваучеры для Хелен Америки и мистера Уже-не-седого — чтоб они максимально насладились отдыхом класса люкс в Новом Мадриде. Казначей сказал:

— Ваучеры выпущены и зарегистрированы в качестве подарков Инструментальностью, сэр. Следует ли их погасить?

Менеджер в тот день был по горло сыт новостями и ощущал в себе человечность. Поддавшись импульсу, он повелел казначею:

— Сделайте вот что. Отдайте билеты молодым

людям. Никакой огласки. Мы не вмешиваемся. Если они нас не хотят — мы их не побеспокоим. Действуйте. Это все. Идите.

Билет вернулся к Хелен. Она установила рекорд успеваемости за все время существования университета и нуждалась в отдыхе. Когда сотрудница новостной службы вручала ей билет, Хелен спросила:

— Это уловка?

Ее заверили, что нет, и она поинтересовалась:

— А мужчина едет?

Сказать «тот моряк» она не могла — не хотела говорить о нем так же, как все время говорили о ней, — и действительно не помнила в тот момент его имени.

Женщина не знала.

— Я обязана с ним встретиться?

— Конечно, нет, — сказала женщина. Условия к подарку не прилагались.

Хелен усмехнулась, почти мрачно.

— Хорошо. Я приму билет и скажу спасибо. Но один кадрограф, учтите, всего один — и я сбегу. Ну или я могу сбежать без всяких на то причин. Так вас устроит?

Так их устроило.

Четыре дня спустя Хелен оказалась посреди

развлечений Нового Мадрида, и распорядитель танцев представлял ее странному серьезному старику с черными волосами.

— Младший научный сотрудник Хелен Америка — звездный моряк мистер Уже-не-седой.

Распорядитель одарил их хитрым взглядом и доброй улыбкой пожившего человека. И добавил формальную фразу из репертуара своей профессии:

— Исполнил свой долг и удаляюсь.

Они остались одни, вместе, на краю обеденной залы. Моряк посмотрел на нее внимательно и спросил:

— Кто вы? Мы с вами уже встречались? Должен ли я вас помнить? Здесь, на Земле, слишком много людей. Что мы будем делать дальше? Что нам полагается делать? Не хотите ли присесть?

Хелен ответила на все эти вопросы только «да», ей и в голову не могло прийти, что одно это «да» сотни великих актрис будут произносить, каждая на свой особенный лад, на протяжении будущих веков.

Они все-таки присели.

Как произошло все остальное — не могли точно сказать ни она, ни он.

Ей пришлось успокаивать его, будто постра-

давшего из Дома Исцеления. Она рассказывала ему о разных блюдах, а если он все равно не мог выбрать, делала роботу заказ за него. Напоминала, довольно мягко, о манерах, когда он забывал простейшие трапезные церемонии, очевидные всем вокруг, как то: когда разворачиваешь салфетку, надо привстать; объедки следует класть в поддон-растворитель, а столовое серебро — на конвейер.

Наконец он расслабился и перестал выглядеть как старик.

На мгновение позабыв о том, как ей тысячи раз задавали глупые вопросы, она задала точно такой же:

— Почему вы стали моряком?

Он вытаращился на нее изумленно, словно она заговорила на незнакомом языке и вдобавок ждала ответа. В конце концов промямлил:

— Вы… вы тоже… считаете, что… что я совершил ошибку?

Ее рука взлетела ко рту — жест инстинктивного оправдания.

— Нет-нет-нет. Видите ли, я сама раздумываю, не стать ли морячкой.

Он просто смотрел на нее, его молодые-старые глаза расширились, они жаждали подробно-

стей. Он не глазел, казалось, он просто пытался уяснить слова, которые были понятны по отдельности, но складывались в чистое безумие. Она не отворачивалась от взгляда — при всей его странности. И вновь ей представился шанс оценить неописуемое своеобразие человека, сумевшего провести огромные паруса сквозь сплошную пустую тьму между немигающими звездами. Он был молод, как юноша. Давшие ему имя волосы были иссиня-черными. Бороду удалили, видимо, навсегда — кожа у него была как у женщины среднего возраста: ухоженная, приятная, но с узнаваемыми возрастными морщинками, без малейшего намека на обычную небритость, которой предпочитали щеголять мужчины в культуре Хелен. Кожа выдавала возраст, но не опыт. Мышцы постарели, однако не несли в себе черт взросления.

Хелен научилась проницательно наблюдать за людьми, когда ее мать хваталась то за одного фанатика, то за другого; Хелен отлично знала, что люди носят с собой тайные биографии, написанные на мышцах лиц, и что прохожий на улице рассказывает нам (хочет он этого или нет) все свои сокровеннейшие тайны. Если всмотреться как следует при верном освещении, мы узнаем,

страх, надежда или веселье ведут отсчет часам в его днях, разгадаем источники и итог его самых секретных чувственных наслаждений, уловим смутные, но непреходящие отражения тех других, кто в свой черед оставил на нем следы своей индивидуальности.

Все этого мистер Уже-не-седой был лишен: у него имелся возраст, но без стигматов возраста; он был взрослым, но без стандартных отметин взрослости; в его жизни не было жизни — в эпоху и в мире, где люди в основном оставались молодыми, живя слишком бурно.

Он был самой большой противоположностью матери из всех, кого Хелен встречала, и укол безадресной тревоги поведал ей, что этот мужчина очень важен для ее будущей жизни, желает она того или нет. Она видела в нем молодого холостяка, преждевременно постаревшего, человека, что отдал любовь пустоте и ужасу, а не ощутимым наградам и разочарованиям человеческой жизни. Весь космос стал его возлюбленной — и космос использовал его по полной. Все еще молодой, он был стар; уже старый, он был молод.

Она знала, что еще не встречала подобного сочетания, и подозревала, что никто и никогда не встречал. В самом начале жизни моряк познал

скорбь, жалость и мудрость, которые большинство находят лишь в самом конце.

Он нарушил молчание первым.

— Вы сказали, если я верно расслышал, что решили стать морячкой?

Ответ прозвучал глупо и по-детски даже для нее самой:

— Я первая женщина, удовлетворяющая необходимым критериям в плане научных знаний и при этом достаточно молодая для физических…

— Вы, наверное, необычная девушка, — мягко сказал он.

Хелен осознала — с восторгом, с настоящей горько-сладкой надеждой, — что этот молодой старик со звезд знать не знает об «идеальном ребенке», над которым смеялись с момента рождения, о девочке, отцом которой стала вся Америка, о знаменитости, необычной и одинокой, столь ужасно одинокой, что она не могла вообразить, каково это — быть обыкновенной, счастливой, нормальной или простой.

Про себя она подумала: «Кто, кроме мудрого урода, ходящего под парусом от звезды к звезде, может обо мне не знать?» — а вслух сказала просто:

— Говорить о необычности ни к чему. Я уста-

ла от этой Земли, и поскольку мне не нужно умирать, чтобы ее покинуть, думаю, я хотела бы ходить к звездам. Потеряю я куда меньше, чем вы можете думать…

Она начала было рассказывать ему о Моне Маггеридж, но вовремя остановилась.

На нее смотрели сострадательные серые глаза, и теперь уже он, а не она, контролировал ситуацию. Она взглянула на сами эти глаза. Они не закрывались сорок лет во мраке, почти в кромешной тьме крохотной рубки. Тусклые приборы пылающими звездами обрушивались на уставшую сетчатку прежде, чем он успевал отвести взгляд. Время от времени он смотрел в черное ничто и видел контуры своих приборов, почти-тьму против тьмы тотальной; они растягивались на мили, всасывали саму световую тягу и ускоряли его и его замороженный груз до почти неизмеримых скоростей в океане бездонного молчания. И все же она хотела сделать то, что уже сделал он.

Серые глаза перестали смотреть пристально; губы сложились в улыбку. В контексте молодого-старого лица, мужского по структуре, женского по текстуре, улыбка подразумевала грандиозную доброту. Хелен окончательно готова была разрыдаться, когда увидела, что он улыбается ей столь

особенным образом. Вот, значит, чему учатся люди между звезд? Заботиться по-настоящему о других, объявляться внезапно, только чтобы обнаруживать любовь, а не пожирать добычу?

Он сдержанно сказал:

— Я вам верю. Вы первая, кому я поверил. Все эти люди говорили, что тоже хотят быть моряками, даже когда смотрели на меня. Им было невдомек, что это значит, но они все равно это говорили, и за такие слова я их возненавидел. Но вы — вы совсем другая. Возможно, вы отправитесь к звездам, но я надеюсь, что этого не произойдет.

Будто пробуждаясь ото сна, он оглядел роскошный зал; роботы-официанты — эмаль с позолотой — стояли в сторонке с небрежным изяществом. Их запрограммировали быть всегда рядом и никогда не навязываться; добиться подобного эстетического эффекта непросто, но проектировщик его добился.

Остаток вечера длился с неизбежностью красивой мелодии. Мистер Уже-не-седой отправился с Хелен Америкой на вечно пустынный пляж, который архитекторы Нового Мадрида расположили рядом с отелем. Они о чем-то говорили, они смотрели друг на друга, и они занимались

любовью с утвердительной решительностью, которой, казалось, не обладали. Он был очень нежен и не осознал, что в гендерно изощренном обществе стал первым любовником, которого она когда-либо желала и имела. (Как могла дочь Моны Маггеридж хотеть возлюбленного, или партнера, или ребенка?)

Назавтра после обеда она воспользовалась вольностью эпохи и попросила моряка на ней жениться. Они вернулись на личный пляж, который — поклон чудесам ультратонкой миниклиматической настройки — доставил на холодное плоскогорье центральной Испании полинезийский полдень.

Она попросила, да, на ней жениться, и он отказал, столь ласково и добросердечно, как шестидесятипятилетний мужчина может отказать восемнадцатилетней девочке. Она не стала на него давить; они продолжили свой горько-сладкий роман.

Они сидели на искусственном песке искусственного пляжа и полоскали пальцы ног в подогретой океанской воде. Затем легли на искусственную дюну, скрывшую Новый Мадрид из виду.

— Скажи, — попросила Хелен, — могу я снова

спросить, почему ты стал моряком?

— Не так-то просто ответить, — сказал он. — Видимо, жажда приключений. Хотя бы частично. И я хотел увидеть Землю. Капсула была мне не по карману. Теперь… ну, денег у меня столько, что хватит до конца жизни. Я могу вернуться на Новую Землю как пассажир за месяц, а не за сорок лет… Меня в мгновение ока гибернируют, положат в адиабатическую капсулу, подсоединят ее к следующему паруснику, и проснусь я уже дома, а корабль поведет какой-нибудь другой дурак.

Хелен кивнула. Она не стала говорить, что все это уже знает. После встречи с моряком она читала только про парусные корабли.

— Там, между звезд, где ты вел корабль, — начала она, — ты можешь сказать… вдруг ты можешь сказать — как оно там?

Его лицо обратилось внутрь, к душе, и голос зазвучал словно с огромного расстояния:

— Бывают секунды… или недели?.. в парусник сложно различить… когда кажется… оно того стоит. Ты словно… твои нервные окончания разрастаются и касаются звезд. Ты словно какой-то исполин… — Постепенно он возвращался к ней. — Это, конечно, банальность, но ты меняешься навсегда. Я имею в виду не толь-

ко очевидный физический аспект, но и… ты находишь себя… ну или теряешь себя. Вот поэтому, — продолжал он, махнув рукой за дюну, в сторону Нового Мадрида, — я все это терпеть не могу. Новая Земля, ну, там все так, как было, верно, на Земле давным-давно. Там чувствуется какая-то свежесть. А это…

— Я знаю, — сказала Хелен Америка, и она правда знала. Слегка декадентская, слегка развращенная, слишком уютная атмосфера Земли не могла не казаться человеку из-за звезд душной.

— Там, — сказал он, — ты не поверишь, но иногда океан слишком холодный, чтобы купаться. У нас есть музыка, которую играют не машины, и удовольствия, которые ощущаются внутри тела, хотя никто их туда не вкладывает. Я должен вернуться на Новую Землю.

Хелен какое-то время ничего не говорила, сосредоточенно унимая боль в сердце.

— Я… Я… — начала она.

— Я знаю, — бросил он грубо и повернулся к ней почти разъяренно. — Но я не могу взять тебя с собой. Не могу! Ты слишком молода, у тебя вся жизнь впереди, а я растратил четверть своей. Нет, не так. Я ее не растратил. Я бы не стал ничего менять — этот полет дал мне что-то, чего во мне

никогда не было. И он дал мне тебя.

— Но если… — хотела поспорить она.

— Нет. Не надо ничего портить. Через неделю меня гибернируют, и я в капсуле дождусь следующего парусника. Этого всего я больше не вынесу, а еще — я могу дать слабину. Это была бы ужасная ошибка. Но сейчас у нас есть мы, и мы вместе, и мы будем помнить об этом в наших раздельных жизнях. Не думай ни о чем большем. Мы ничего, ничего не можем сделать.

Хелен не рассказала ему — ни тогда, ни когда-либо — о ребенке, на которого уже стала надеяться, о ребенке, который никогда у них не родится. О, как она могла бы использовать этого ребенка. Она могла бы привязать мистера Уже-не-седого к себе, ибо он, как человек чести, женился бы на ней, скажи она ему о потомстве. Однако любовь Хелен даже тогда, в ее юности, была такова, что использовать подобные средства не позволяла. Она хотела, чтобы он пришел к ней по своей доброй воле, чтобы женился на ней, потому что не может без нее жить. В таком браке ребенок стал бы отдельным благословением.

Разумеется, существовала и альтернатива. Хелен могла бы родить ребенка, не называя имени отца. Однако она — не Мона Маггеридж. Хелен

Америка слишком хорошо осознавала страхи, уязвимость и одиночество Хелен Америки, чтобы когда-либо сознательно сотворить еще одну такую же. А на намеченном ею курсе для ребенка места не было. Так что она сделала единственное, что могла. В конце отпуска в Новом Мадриде она позволила моряку сказать настоящее «прощай». И ушла без слов и без слез. Она отправилась в арктический город, город удовольствий, где такие вещи не в новинку, и, испытывая стыд, тревогу и давящее чувство сожаления, обратилась в конфиденциальную медслужбу, которая устранила нерожденное дитя. Потом Хелен вернулась в Кембридж и подтвердила свой выбор: она станет первой женщиной, что пойдет под парусами к звездам.

6

Председательствующим владыкой Инструментальности был в то время человек по имени Уэйт. Уэйт не отличался жестокосердием, но никто не замечал в нем ни душевной чуткости, ни особенного уважения к авантюристическим склонностям молодежи. Помощник Уэйта сказал ему:

— Эта девушка хочет повести парусник к Новой Земле. Вы ей позволите?

— Почему нет? — ответил Уэйт. — Человек есть человек. Она породистая и образованная. Потерпит неудачу — мы узнаем об этом лет через восемьдесят, когда корабль вернется. Преуспеет — все эти вечно ноющие женщины точно заткнутся. — Лорд наклонился над столом. — Но, если она соответствует критериям и если отправится в путь, не давайте ей заключенных. Заключенные слишком хороши и ценны как поселенцы, чтобы отправлять их таким безумным рейсом. Пусть она попытает счастья в полете. Дайте ей одних только религиозных фанатиков. У нас их предостаточно. Двадцать или тридцать тысяч ожидают своей очереди, верно?

Помощник сказал:

— Да, сэр, двадцать шесть тысяч двести. Не считая недавних прибавлений.

— Очень хорошо, — сказал лорд Инструментальности. — Дайте ей кучу фанатиков — и дайте ей новый корабль. Мы его уже окрестили?

— Нет, сэр, — сказал помощник.

— Ну так окрестите.

Помощник был обескуражен.

По лицу высшего бюрократа скользнула презрительная мудрая ухмылка. Он сказал:

— Возьмите сейчас же этот корабль и окрестите его. Окрестите его «Душой» — и пусть «Душа» несется к звездам. И пусть Хелен Америка станет ангелом, если ей так хочется. Бедняжка, ей не довелось вкусить радости жизни на этой Земле, такой уж она родилась и так ее вырастили. И бессмысленно пытаться ее менять, преображать ее личность, когда эта личность — живая и изысканная. Ни к чему хорошему это не приведет. Нам нельзя наказывать ее за то, что она — это она. Отпустите ее. Пусть летит.

Уэйт выпрямил спину, посмотрел на помощника и повторил очень твердо:

— Пусть летит, но только если удовлетворяет критериям.

7

Хелен Америка критериям удовлетворяла.

Врачи и эксперты всячески ее отговаривали.

Один техник сказал:

— Вы не понимаете, что это все значит? За месяц сорока лет вашей жизни — как не бывало. Здесь вы оставите девушку. На место доставите женщину шестидесяти лет. Да, после этого вы наверняка проживете еще сотню. И это очень больно. У вас будут все эти люди — тысячи и тысячи людей. У вас будет земной груз. Порядка тридцати тысяч капсул, подвешенных за вами на шестнадцати тросах. Еще у вас будет рулевая рубка, где вы будете жить. Мы дадим вам роботов, столько, сколько надо, думаю, десяток. У вас будут паруса, грот и фок, и вы обязаны будете их сберечь.

— Я знаю. Я читала книгу, — сказала Хелен Америка. — И я веду парусник благодаря свету, и если парусов касается инфракрасный свет — плыву. Если сталкиваюсь с радиоинтерференцией — убавляю паруса. А если паруса рвутся, я жду столько, сколько проживу.

Техник, казалось, даже рассердился.

— Вам нет нужды говорить о трагедии. Измыслить трагедию довольно просто. И если вы хотите трагедий, не обязательно связывать их с уничтожением тридцати тысяч индивидов или исчезновением огромного объема земного имущества. Вы можете прямо здесь утонуть в реке, ну, или прыгнуть в вулкан, как японцы в старинных книгах[13]. Трагедия — не самое сложное тут. Самое сложное — когда вы не вполне преуспели и должны продолжать бороться. Когда вам нужно идти дальше, дальше, дальше, и нет почти ни шанса на победу, и есть огромное искушение отчаяться…

А вот как работает фок. Размер паруса в широкой части — двадцать тысяч миль. Он постепенно сходит на нет, его полная длина — чуть меньше восьмидесяти тысяч миль. Убавлять или прибавлять его будут маленькие сервороботы. Эти сервороботы контролируются по радио. Использовать радио следует в щадящем режиме — в конечном счете все эти аккумуляторы, хоть они и атомные, должны продержаться сорок лет. Благодаря им вы останетесь в живых.

---

[13] Сноски: 13

Речь о самоубийцах, которые начиная с 1920-х годов прыгают в жерло действующего вулкана Михара на японском острове Идзуосима. — *Прим. пер.*

— Да, сэр, — сказала Хелен Америка с раскаянием в голосе.

— Вы обязаны помнить, в чем заключается ваша работа. Вы летите, потому что вы дешевы. Вы летите, потому что моряк весит куда меньше машины. Не существует универсального компьютера, который весит жалкие сто пятьдесят фунтов. Вы — другое дело. Вы летите просто потому, что вас не страшно израсходовать. Каждый, кто отправляется к звездам, в одном случае из трех никуда не долетит. Но вы летите не потому, что вы первопроходец, вы летите, потому что молоды. У вас есть жизнь, которую можно отдать и можно сберечь. Потому что ваши нервы в порядке. Вы это понимаете?

— Да, сэр, я это знала.

— Более того, вы летите, потому что выдержите полет продолжительностью в сорок лет. Если мы отправим автоматику и дадим ей управлять парусами, корабль долетит — возможно. Но это займет от ста до ста двадцати и более лет, к тому времени адиабатические капсулы испортятся, человеческий груз по большей части будет непригоден для оживления, а утечек тепла, как бы мы ни изощрялись, хватит, чтобы похоронить всю экспедицию. Поэтому помните, что трагедии

и беды, с которыми вы столкнетесь, — это в основном работа. Работа, и больше ничего. Это ваш усердный труд.

Хелен улыбнулась. Она была низенькой девушкой с очень черными волосами, карими глазами и весьма выразительными бровями, но, когда Хелен улыбалась, она вновь становилась почти ребенком, и довольно очаровательным. Она сказала:

— Моя работа — труд. Я понимаю, сэр.

8

На предстартовой площадке подготовка шла быстро, но без спешки. Техники дважды пытались уговорить Хелен взять отпуск перед последней тренировкой. Она не приняла их совет. Она хотела двигаться дальше; она знала, что они знали, что она хочет покинуть Землю навсегда, а еще она знала, что они знали, что она не просто дочь своей матери. Она, как бы там ни было, пыталась быть собой. Она осознавала, что мир в нее не верит, однако мир ее не волновал.

Когда отпуск предложили в третий раз, предложение поступило в приказном порядке. Она отдыхала два унылых месяца, в конце которых чуть насладилась жизнью на чудесных Гесперидах, островах, которые образовались, когда вес Землепортов вызвал формирование новой группы небольших архипелагов к югу от Бермуд.

Она отрапортовала о возвращении — годная, здоровая и готовая к полету.

Старший офицер медицинской службы был весьма нелицеприятен.

— Вы правда понимаете, что мы с вами сотворим? Мы заставим вас прожить сорок лет жизни

за один месяц.

Она, побледнев, кивнула, и он продолжил:

— Итак, чтобы обеспечить вам эти сорок лет, мы должны замедлить ваши физиологические процессы. Потому что одна только биологическая задача вдохнуть за один месяц воздух, эквивалентный дыханию за сорок лет, требует пятисоткратного ускорения. С таким не справятся никакие легкие. Ваше тело должно обеспечивать циркуляцию воды. Оно должно принимать пищу. По большей части это будет белок. А также какой-либо гидрат. Вам понадобятся витамины.

Итак, мы сделаем вот что — затормозим ваш мозг, и очень сильно, чтобы он работал примерно в пятьсот раз медленнее. Мы не хотим, чтобы вы утратили способность работать. Кто-то должен управлять парусами.

Следовательно, если вы замешкаетесь или начнете размышлять, мысль-другая займет несколько недель. В то же время ваше тело можно замедлить только постольку-поскольку. Разные его части не могут быть замедлены в одинаковой мере. Воду, например, мы замедлим где-то в восемь раз. Пищу — в триста.

У вас не будет времени выпить всю воду, потребную вам за сорок лет. Мы запустим ее

циркуляцию, она будет проходить через вас, очищаться и возвращаться в ваше тело, если вы не сломаете канюлю.

То есть вам предстоит месяц абсолютного бодрствования на операционном столе, и вас будут оперировать без наркоза, а вы в это время будете выполнять тяжелейшую работу из всех, придуманных человечеством.

Вы должны будете вести наблюдения, следить за тросами с капсулами и грузом позади вас, приноравливать паруса. Если в точке назначения есть кто-то живой, они вылетят вам навстречу.

По крайней мере, так это бывает чаще всего.

Я не собираюсь уверять вас, что вы долетите благополучно. Если вас не встретят, ложитесь на орбиту за самой дальней планетой и либо дайте себе умереть, либо постарайтесь себя спасти. Тридцать тысяч человек вниз на планету вам единолично не переправить.

Ну а пока что вам предстоит серьезная работа. Нам придется вживить систему управления прямо в ваше тело. Начнем мы с клапанов для артерий в вашей груди. Продолжим катетеризацией вашей воды. Сформируем искусственную колостому, которая будет выходить вот тут, в передней части вашего тазобедренного сустава. У

потребления жидкости есть некоторая психологическая ценность, так что примерно пятисотую часть всей вашей воды вы сможете выпить из чашки. Остальное будет вводиться непосредственно в кровоток. То же с десятой частью вашей пищи. Вы меня понимаете?

— Вы имеете в виду, — уточнила Хелен, — что десятую часть я съем, а остальное введется внутривенно?

— Верно, — сказал медицинский техник. — Пищу мы будем в вас закачивать. Вот концентраты. Вот их разбавитель. У этих шлангов разъемы на обоих концах. Одним концом шланги подключаются к обслуживающей машине. Они обеспечат вашему телу поддержку в аспекте снабжения. А эти трубки — пуповина для того, кто в одиночестве плывет среди звезд. Они — ваша жизнь.

И если они порвутся или вы упадете, вы можете потерять сознание на год-другой.

Если такое произойдет, их заместит ваша локальная система: она — в ранце за вашей спиной.

На Земле ранец весит столько же, сколько вы сами. С муляжом ранца вы уже тренировались. Вы знаете, как легко управляться с ним в космосе. Ранец поддержит вас в течение субъективного

периода около двух часов. Никто не смог разработать часы, синхронизированные с человеческим мозгом, так что вместо часов мы дадим вам одометр, настроенный на ваш пульс, с градуированной шкалой. Если с его помощью считать десятками тысяч удары сердца, возможно, вы получите какую-то информацию.

Какую именно — я не знаю, но вдруг одометр вам так или иначе пригодится. — Техник внимательно посмотрел на Хелен, отвернулся к своим инструментам и взял блестящую иглу с диском на конце. — Теперь давайте вернемся вот к чему. Мы должны забраться прямиком в ваше сознание. Тоже химическим образом.

Хелен перебила:

— Вы говорили, что голову оперировать не будете.

— Мы только введем иглу. Это единственный способ добраться до вашего разума. Замедлить его настолько, чтобы ваше субъективное сознание действовало со скоростью, которая превратит сорок лет в месяц. — Он мрачно улыбнулся, но мрачность разбавила мимолетная нежность, когда он увидел храбрый упрямый взгляд Хелен, ее детскую, достойную восхищения и жалости решимость.

— Этому я противиться не буду, — сказала она. — Все это ничуть не лучше брака, и звезды — мой жених. — В ее голове возник образ моряка, но об этом она умолчала.

Техник продолжал:

— Мы уже встроили психотические элементы. Даже и не мечтайте сохранить рассудок. Об этом лучше не беспокоиться в принципе. Вам нужно сойти с ума, чтобы управлять парусами и выживать в полном одиночестве там, в космосе, хотя бы всего и месяц. Беда в том, что в этот месяц вы будете знать, что на самом деле это сорок лет. Зеркал в рубке нет, но вы наверняка найдете отражающие поверхности и взглянете на себя.

Видок у вас будет тот еще. Вы будете видеть, как постарели, каждый раз, когда замедлитесь, чтобы посмотреть. Какие будут проблемы в этом плане — я не знаю. Мужчины и то страдают.

С волосами вам будет проще, чем мужчинам. Отправляя в полет моряков, мы просто убиваем все корни волос. Иначе мужчин засосало бы в трясину их же бород. Кроме того, невероятный объем питательных веществ был бы растрачен на растительность на лице, которую ни одна машина в мире не смогла бы срезать достаточно часто, чтобы мужчина мог работать. Думаю, мы

сделаем вот что — застопорим рост волос на вашей голове. Будут они потом того же цвета или нет — узнаете сами. Вы встречались с моряком, который к нам прилетел?

Доктор знал, что они встречались. Он не знал только, что этот-то моряк со звезд и звал ее в космос. Хелен умудрилась не выдать себя, улыбнулась и сказала:

— Да, вы дали ему новые волосы. Ваш техник приживил ему на голову новую кожу, верно? Кто-то из ваших людей. Волосы отросли черные, вот моряка и прозвали «мистер Уже-не-седой».

— Если вы готовы в следующий вторник, мы будем готовы тоже. Как считаете, моя госпожа, хватит вам времени до вторника?

Хелен стало не по себе оттого, что этот пожилой серьезный человек зовет ее «госпожой», но она знала: он отдает дань не просто индивиду, но профессии.

— До вторника времени достаточно.

Ей польстило то, что он более чем старомоден — знает древние названия дней недели и умеет их использовать. Признак того, что в университете он не только изучал основы, но и набирался изящной несущественности.

9

Две недели спустя был двадцать один год спустя по хронометрам рубки. Хелен в десятитысячно десятитысячный раз обернулась, чтобы оглядеть паруса.

Спину пронзала мучительная дрожь.

Хелен ощущала ровный рев сердца, что стрекотало, как резвый вибромеханизм, заполняя временну́ю протяженность сознания. На запястном счетчике стрелки на шкале-циферблате очень медленно отмечали десятки тысяч сердцебиений.

Хелен слышала равномерный свист воздуха в глотке — легкие колотились с неимоверной скоростью.

Еще она чувствовала пульсирующую боль от большой трубки, закачивающей неизмеримые объемы жижицы в артерию на шее.

В животе, казалось ей, кто-то развел костер. Откачивающая трубка управлялась автоматикой, но жглась так, будто к коже прижимали уголек, а катетер, соединявший мочевой пузырь с еще одной трубкой, жалил жестоко, словно раскаленная докрасна игла. Голова разламывалась,

зрение сбоило.

Но Хелен еще различала измерительные приборы и могла наблюдать за парусами. Иногда она краем глаза замечала тусклое, как пылевой узор, исполинское сплетение людей и плывший за ними груз.

Присесть она не могла. Слишком больно.

Была лишь одна удобная поза для отдыха: прислониться к приборной панели, нижние ребра упереть в ее край, а уставший лоб — в датчики.

Однажды, отдыхая таким вот образом, Хелен осознала, что прошло два с половиной месяца, прежде чем она выпрямилась. Она знала, что отдых не имеет значения, и видела, как движется ее лицо, искаженный образ ее лица, стареющего в отражении в стеклянной поверхности прибора «кажущийся вес». Она будто сквозь туман глядела на свои руки, отмечая, что кожа становится то упругой, то дряблой по мере перепадов температуры.

Она еще раз осмотрела паруса и решила убавить фок. Вяло подтащила себя к панели управления сервороботами. Выбрала нужный регулятор и около недели его отжимала. Подождала немного: сердце жужжит, в горле свистит воздух, ногти мягко отламываются по мере роста. Наконец,

проверила, правда ли это нужный регулятор, и нажала на него снова, и ничего не произошло.

Нажала в третий раз. Никакого отклика.

Она вернулась к основной панели, перепроверила датчики, проконтролировала направление света, рассчитала уровень инфракрасного давления, которое должна была поймать. Паруса исподволь набрали что-то очень близкое к самой скорости света, летели что есть мочи, и одна сторона провисала; позади корабля капсулы, запечатанные от времени и вечности, покорно купались в почти идеальной невесомости.

Она пригляделась: данные считаны правильно.

Неправильно вел себя парус.

Она вернулась к аварийной панели и нажала. Ничего не произошло.

Она распечатала робота-ремонтника и послала его произвести ремонт, пробивая перфокарты с инструкциями так быстро, как могла. Робот вышел и через мгновение (три дня) ответил. Панель робота-ремонтника огласилась звоном: «Несообразность».

Она послала второго робота-ремонтника. Тщетно.

Она послала третьего, последнего. Три ярких

огонька, «Несообразность», смотрели на нее. Она перевела сервороботов на другую сторону парусов и очень сильно потянула.

Парус по-прежнему стоял не под тем углом.

Она стояла, изнуренная и затерянная посреди космоса, и молилась: «Не ради меня, Господи, — я бегу от жизни, которой не хотела. Но ради душ этого корабля и ради бедных глупых людей, которых я везу, ради тех, кому хватило смелости поклоняться своим богам и хотеть света иной звезды, я прошу тебя, Господи, помоги мне сейчас». Она считала, что молится очень ревностно, и надеялась, что на молитву ответят.

Это не сработало. Она была озадачена — и одна-одинешенька.

Солнца не было. Ничего не было, кроме тесной рубки и ее самой, одинокой более, чем любая женщина в любой век. Она ощущала дрожь и пульсацию мышц, которые сутками приспосабливались, пока сознание отсчитывало несколько минут. Она подалась вперед, заставила себя не расслабляться и в конце концов вспомнила, что какой-то официальный хлопотун снабдил корабль оружием.

Для чего ей оружие — Хелен не знала.

Оно наводилось. Стреляло на двести тысяч

миль. Цель можно было задать автоматически.

Хелен опустилась на колени и двинулась туда, куда вели брюшная трубка, и питательная трубка, и катетерные трубки, и провода шлема, — к панели. Проползла под панелью управления сервороботами и вытащила письменную инструкцию. После долгих поисков нашла частоту управления оружием. Настроила оружие и пошла к окну.

В последний момент она подумала: «Возможно, эти дураки предполагали, что я выстрелю в окно. Оружие как пить дать спроектировано так, чтобы стрелять в окно, не повреждая его. Наверняка они это продумали».

Она размышляла так неделю или две.

Перед тем как выстрелить, она повернулась — рядом с ней стоял ее моряк, моряк со звезд, мистер Уже-не-седой. Он сказал:

— Так это не сработает.

Он был таким же, как в Новом Мадриде, — простым и элегантным. Из него не торчали трубки, он не дрожал, она видела, что его грудь вздымается и опадает нормальным образом, как если бы он делал вдох раз в час. Одна часть ее сознания понимала, что он — галлюцинация. Другая верила, что он настоящий. Хелен сошла с ума — и была

более чем счастлива сойти с ума именно теперь, и разрешила галлюцинации дать ей совет. Она перенастроила оружие на выстрел сквозь стену рубки, и оружие выпустило слабый заряд в ремонтный механизм снаружи, за перекошенным неподвижным парусом.

Фокус со слабым зарядом удался. Возникла интерференция за пределами любых технических прогнозов. Оружие прочистило затор, причину которого не удастся установить никогда, и высвободило сервороботов, что набросились на свои задания, как семейство обезумевших муравьев. Роботы вновь функционировали. У них имелась встроенная защита от мелких космических неприятностей. Все они суетились и прыгали туда-сюда.

В близком к религиозному потрясении Хелен увидела, как необъятные паруса наполняются звездным светом. Фок и грот встали на свои места. Последовал краткий момент ускорения, и она мимолетно ощутила свой вес. «Душа» вновь легла на курс.

10

— Девушка, — сказали ему на Новой Земле. — Это девушка. Ей, наверное, было где-то восемнадцать.

Мистер Уже-не-седой не верил.

Но он поехал в больницу и там, в больнице, увидел Хелен Америку.

— Вот и я, моряк, — сказала она. — Я тоже ходила под парусами. — Ее лицо — белее мела — принадлежало девушке лет двадцати. Ее тело было телом хорошо сохранившейся шестидесятилетней женщины.

Что до него, он не изменился, потому что вернулся домой в капсуле.

Он смотрел на нее. Его глаза сузились, и роли вдруг поменялись, и вот уже он стоит, коленопреклоненный, у ее постели и орошает слезами ее руки.

Он залепетал не слишком связно:

— Я бежал от тебя, потому что так тебя любил. Я вернулся сюда, куда ты бы за мной никогда не полетела, а если бы и полетела, ты по-прежнему была бы молодой женщиной, а я по-прежнему был бы слишком старым… Но ты привела сюда

«Душу» — и ты меня хотела.

Медсестра Новой Земли не знала, какие правила следует применять к морякам со звезд. Она очень тихо вышла из палаты, улыбаясь от нежности и человеческой жалости к любви, которую увидела. Однако, будучи практичной женщиной, она не могла не извлечь выгоду из ситуации. Она позвонила другу, сотруднику новостной службы, и сказала:

— Кажется, у нас тут величайшая любовь всех времен. Если ты сейчас же приедешь, станешь первым, кто узнает о Хелен Америке и мистере Уже-не-седом. Они только повстречались. Думаю, они где-то друг друга уже видели. Они только повстречались, и это любовь.

Медсестра не знала, что они уже отреклись от любви на Земле. Медсестра не знала, что Хелен Америка отправилась в одиночное путешествие с холодной решимостью добраться до цели, и медсестра не знала, что безумный образ мистера Уже-не-седого, который и сам был моряком, стоял рядом с Хелен двадцать лет, взявшись ниоткуда в пучине и темноте пространства между звездами.

11

Маленькая девочка выросла, вышла замуж и родила свою маленькую девочку. Мать не менялась, а вот шпильтьер стал очень-очень старым. Он исчерпал все свои чудесные трюки адаптивности и уже несколько лет как застыл в роли желтоволосой голубоглазой куклы. Из сентиментального чувства гармонии вещей мать одевала шпильтьера в ярко-голубой джемпер и такие же штанишки. Зверек мягко крался по полу на крошечных человеческих ручках, используя вместо задних лап коленки. Псевдочеловеческое личико слепо поднимало глазки и пищало, прося молока.

Молодая мать сказала:

— Мама, тебе надо избавиться от этой штуки. Она вконец испортилась и на фоне твоей красивой старинной мебели выглядит кошмарно.

— Я думала, ты его любишь, — сказала женщина постарше.

— Конечно, — сказала дочь. — Он был милый, когда я была ребенком. Но я давно не ребенок, а эта штука не работает.

Шпильтьер не удержался на ножках и вцепил-

ся в хозяйкину лодыжку. Женщина постарше ласково взяла его и поднесла к плошке с молоком и чашке размером с наперсток. Шпильтьер попытался сделать реверанс, как его дрессировали в самом начале, поскользнулся, упал и захныкал. Мать помогла ему подняться, маленькая старая игрозверушка стала зачерпывать наперстком молоко и всасывать его крошечным беззубым старым ртом.

— Мама, а помнишь… — Молодая женщина вдруг замолчала.

— Помню что, дорогая?

— Ты рассказывала мне про Хелен Америку и мистера Уже-не-седого, когда эта штука была совсем новая.

— Да, дорогая, может, и рассказывала.

— Ты не все мне рассказала, — сказала молодая женщина обвиняюще.

— Конечно нет. Ты же была ребенком.

— Но это все ужасно. Грязные люди, кошмарная жизнь моряков. Я не понимаю, почему ты все это идеализировала, называла любовью…

— Но это она и была. Она и есть, — настаивала пожилая.

— Любовь, ангела с два, — сказала дочь. — Это хуже тебя и твоего задрипанного шпильтьера. —

Она показала пальцем на маленькую живую постаревшую куколку, улегшуюся спать подле молока. — Я думаю, это просто кошмар. Тебе надо от него избавиться. А миру надо избавиться от моряков.

— Не будь черствой, дорогая, — сказала мать.

— А ты не будь старой сентиментальной тряпкой, — сказала дочь.

— Может, мы такие и есть, — сказала мать с добродушной усмешкой. И незаметно переложила спящего шпильтьера на мягкий стул, где никто на него не наступит, никто не причинит ему боли.

12

Посторонние так и не узнали настоящий конец истории.

Спустя сто с лишним лет после свадьбы Хелен умирала; она умирала счастливой, потому что ее возлюбленный моряк был рядом. Она верила: раз они сумели покорить космос, сумеют покорить и смерть.

Ее любящее, счастливое, усталое умирающее сознание сбоило, и она возобновила спор, к которому они не возвращались десятки лет.

— Ты все-таки приходил на «Душу», — сказала она. — Ты все-таки стоял рядом со мной, когда я отчаялась и не знала, что мне делать с оружием.

— Если я приходил тогда, милая, я приду снова, где бы ты ни была. Ты — моя дорогая, мое сердце, моя истинная любовь. Ты — моя храбрейшая из женщин, моя самая смелая из всех людей. Ты — моя. Ты ходила под парусами ради меня. Ты — моя госпожа, ходившая под парусами «Души».

Его голос дрогнул, но лицо оставалось спокойным. Он еще не видел никого, кто умирал настолько уверенным в себе и настолько счастливым.

Я помню Вавилон. Артур Кларк (1917–2008)

Playboy

май

«Я помню Вавилон» – один из нескольких НФ-рассказов сборника, впервые появившихся в «мужских» журналах своего времени и доказывающих: подобные публикации упирали на эротический контент в ущерб идеям далеко не всегда.

Артур Кларк в особом представлении не нуждается, но, может, уместно перечислить его основные фантастические награды: он получил «Небьюлу» за «Встречу с медузой» (1972), «Свидание с Рамой» (1973) и «Фонтаны рая» (1979); «Хьюго» за «Звезду» (1956), «Свидание с Рамой» (1974) и «Фонтаны рая» (1980). И разумеется, в 1985 году он получил звание Грандмастера Американской ассоциации писателей-фантастов.

И все так же хорош. (М. Г.)

Это не полностью вымышленная история.

В 1945 году Артур Кларк действительно нафантазировал спутники связи и написал о них статью. Больше того, он небезосновательно предположил, что благодаря таким сателлитам поток информации на ТВ увеличится. Однако рассказ был издан прежде, чем эти спутники начали запускать, в 1960 году, а научно-фантастические предсказания не обязательно сбываются. В тот раз Артур, по счастью, оказался неправ. По крайней мере, пока что. (А. А.)

Меня зовут Артур Кларк, и я был бы рад не иметь к этому отвратительному делу никакого отношения, но поскольку речь идет о моральной — повторю, моральной — чистоте Соединенных Штатов, сперва нужно рассказать, кто я вообще такой. Только тогда вы поймете, как я при содействии покойного доктора Альфреда Кинси[14] нечаянно вызвал лавину, способную погрести почти всю западную цивилизацию.

В 1945 году, когда я был офицером радиолокационной службы британских ВВС, меня посетила

---

[14] Сноски: 14

Альфред Кинси (1894–1956) — американский биолог и сексолог, соавтор сверхпопулярных «Отчетов Кинси» — монографий «Сексуальное поведение самца человека» (1948) и «Сексуальное поведение самки человека» (1953).

единственная в моей жизни оригинальная идея. За двенадцать лет до того, как раздался писк первого «Спутника», я вдруг понял, что искусственный спутник Земли — чудесное вместилище для телепередатчика: станция на высоте несколько тысяч миль может вещать на половину планеты. За неделю до Хиросимы я подробно описал эту идею и предложил создать сеть спутников-ретрансляторов на высоте 22 000 миль над экватором — тогда они совершали бы полный оборот ровно за сутки, то есть висели бы над одними и теми же точками.

Статья вышла в журнале «Беспроводной мир»[15] в октябре 1945 года; не рассчитывая на то, что небесную механику коммерциализируют при моей жизни, я даже не попытался запатентовать идею и в любом случае сомневаюсь, что мне это удалось бы. (Если я неправ, предпочту остаться в неведении.) Однако я продолжал писать о ней в своих книгах, и на сегодня идея спутников связи — настолько общее место, что никто не знает, откуда она взялась.

Правда, я сделал жалкую попытку прояснить ситуацию, когда ко мне обратился Комитет по

---

[15] Сноски: 15

Wireless World — основанный в 1913 году журнал о радио- и прочей электронике, ныне называется Electronics World.

астронавтике и космическим исследованиям Палаты представителей; вы найдете мое свидетельство на странице 32 отчета «Следующие десять лет в космосе». И, как вы очень скоро поймете, мои заключительные слова содержат иронию, которую я в тот момент не оценил: «Как житель Юго-Восточной Азии я являюсь очевидцем постоянной борьбы Запада и СССР за неприсоединившиеся миллионы Азии… Когда благодаря геостационарным спутникам станут возможны прямые телепередачи в их зоне покрытия, решающим в этой борьбе может стать эффект пропаганды…»

Я от этих слов не отказываюсь, но о некоторых аспектах не подумал — увы, в отличие от других людей.

Все началось на официальном приеме из тех, какими изобилует социальная жизнь восточных столиц. На Западе эти приемы, конечно, распространены куда шире, но в Коломбо[16] конкурирующих развлечений почти и нет. Минимум раз в неделю, если вы хоть что-то из себя представляете, вас настигает приглашение на

---

[16] Сноски: 16

Крупнейший город и столица доминиона Цейлон (1948–1972), куда в 1956 году эмигрировал британец Кларк, с 1972 по 1982 год — столица Шри-Ланки.

коктейли в посольстве или дипмиссии, в Британском совете, Военно-оперативной миссии США, «Альянс Франсез» или одном из порожденных ООН бессчетных агентств с аббревиатурными названиями.

Поначалу мы с товарищем, ощущавшие себя дома скорее в глубине Индийского океана, чем в дипломатических кругах, были никем, и нас никто не трогал. Потом Майк[17] устроил турне Дэйва Брубека[18] по Цейлону, и нас стали замечать; все усугубилось, когда Майк женился на одной из известнейших красавиц острова. Теперь наше потребление коктейлей и канапе ограничено в основном неохотой снимать удобные саронги ради таких западных несуразностей, как брюки, смокинги и галстуки.

Это был наш первый или второй прием в советском посольстве, закатившем пир на весь мир в честь прибывшей в порт команды русских океанографов. Под неизбежными портретами Ле-

[17] Сноски: 17
Майк Уилсон (1934–1995), друг и бизнес-партнер Кларка.

[18] Сноски: 18
Дэвид Брубек (1920–2012) — американский джазовый композитор и пианист.

нина и Сталина[19] несколько сотен гостей любых цветов, верований и наречий перетаптывались туда-сюда, болтали с друзьями и целенаправленно уничтожали водку и икру. Мы с Майком и Элизабет разделились, но я видел их на другой стороне зала. Майк исполнял перед завороженной публикой номер «И вот я на глубине пятьдесят фатомов[20]», Элизабет смотрела на него чуть насмешливо, а многие вокруг смотрели на Элизабет.

С тех пор как я при ловле жемчуга на Большом Барьерном рифе утратил барабанную перепонку, на торжествах такого рода у меня весьма невыгодное положение: с поверхностным шумом порядка шести децибелов я совладать не могу. И это немаленькая помеха, когда тебе представляют людей с именами типа Дхармасираварден, Тиссаверасингх, Гунетиллеке и Джайявикрам. Поэтому в свободное от набегов на буфет время я обычно ищу сравнительно тихую заводь, где есть шанс услышать более пятидесяти процентов

[19] Сноски: 19

Практика обязательного размещения портрета Сталина в советских учреждениях была официально отменена после доклада Никиты Хрущева «О культе личности и его последствиях», состоявшегося 25 февраля 1956 года на XX съезде КПСС.

[20] Сноски: 20

Фатом — морская сажень, 1,8288 м. 50 фатомов — около 90 метров.

любой беседы, в которую меня могут вовлечь. Я стоял в акустической тени огромной резной колонны, обозревая происходящее в своей отрешенной сомерсетмоэмовской манере, когда заметил, что с выражением «мы с вами случайно не знакомы?» на меня взирает некто.

Я опишу этого человека достаточно точно — узнать его наверняка смогут многие. Ему было лет тридцать пять, и я предположил, что он американец: отполированный до блеска, с аккуратным ежиком, он производил впечатление завсегдатая Рокфеллер-центра — эта внешность была знаковой, пока ее не стали успешно имитировать русские дипломаты и технические советники. Рост порядка шести футов, проницательные карие глаза, брюнет с преждевременно седеющими висками. Я был вполне уверен, что мы не знакомы, но кого-то он мне напоминал. Только через пару дней я сообразил: помните Джона Гарфилда[21]? Та же внешность — почти до неразличимости.

Когда на вечеринке я встречаюсь глазами с незнакомцем, во мне автоматически запускаются стандартные рабочие процедуры. Если человек

[21] Сноски: 21

Джон Гарфилд (1913–1952) — американский актер, попавший в начале 1950-х в черный список Голливуда за симпатии к коммунистам.

довольно приятный, однако у меня почему-либо нет настроения знакомиться, в ход идет Поверхностный Взгляд — мои глаза скользят по объекту без проблеска узнавания, но и без отчетливого недружелюбия. Если это мерзкий тип, он получает coup d'oeil[22] — когда я сначала долго и недоверчиво таращусь, а потом неторопливо поворачиваюсь спиной; в исключительных случаях мое лицо на несколько миллисекунд выражает отвращение. Обычно сигнал воспринимают без помех.

Но данный экземпляр показался мне любопытным, а я изнывал от скуки, поэтому он получил Учтивый Кивок. Через пару минут он придрейфовал сквозь толпу ко мне, и я нацелил на него здоровое ухо.

— Привет, — сказал он (да, американец), — меня зовут Джин Хартфорд. Уверен, мы где-то встречались.

— Весьма вероятно, — ответил я. — Я провел в Штатах изрядно времени. Артур Кларк.

Обычно реакция на мое имя — недоумение, но не всегда. За жесткими карими глазами защелкали айбиэмовские перфокарты, и скорость выдачи

---

[22] Сноски: 22
Укол взглядом (*фр.*).

ответа мне польстила.

— Вы пишете о науке?

— Точно.

— О, это прекрасно. — Он казался искренне пораженным. — Теперь я знаю, где вас видел. Я как-то был в студии, когда вы участвовали в шоу Дэйва Гарроуэя[23].

(Не исключено, что его слова могут послужить зацепкой, хотя я в этом сомневаюсь; и я уверен, что «Джин Хартфорд» — имя вымышленное, слишком гладко и синтетически оно звучит.)

— Так вы телевизионщик? — спросил я. — А тут вы — по работе, собираете материал? Или в отпуске?

Он одарил меня откровенной, дружеской улыбкой человека, которому очень даже есть что скрывать.

— Ну, я стараюсь смотреть в оба. Но правда, удивительно: я читал ваше «Исследование космоса», когда оно вышло в… э-э…

— В тысяча девятьсот пятьдесят втором — и клуб «Книга месяца» уже никогда не станет прежним.

---

[23] Сноски: 23

Дэвид Гарроуэй (1913–1982) — популярный американский телеведущий, с 1952 по 1961 год вел на телеканале NBC программу Today («Сегодня»).

Все это время я примеривался к нему так и эдак, и, хотя что-то в нем мне не нравилось, уяснить, что именно, я не мог. В любом случае я был готов выдать кредит доверия тому, кто читал мои книги и работал на ТВ; мы с Майком всегда ищем рынки для наших подводных киносъемок. Но это, очень мягко говоря, в сферу интересов Хартфорда не входило.

— Слушайте, — сказал он взволнованно, — у меня намечается крупная сделка с одной телесетью, она вас заинтересует — вообще-то вы помогли мне с идеей.

Это звучало многообещающе, и мой коэффициент алчности подскочил на несколько пунктов.

— Рад слышать. На какую тему?

— Здесь я говорить не могу — может, встретимся в моей гостинице завтра около трех?

— Сейчас загляну в календарь. Да, договорились.

В Коломбо есть всего две гостиницы, облюбованные американцами, и я угадал с первого раза. Он жил в «Маунт-Лавиния», и, хотя вам это наверняка невдомек, место, где состоялся наш конфиденциальный разговор, вы видели не раз.

В середине «Моста через реку Квай»[24] есть короткая сцена в госпитале, где Джек Хокинс видит медсестру и спрашивает, как ему найти Билла Холдена. У нас к этим кадрам нежные чувства: Майк сыграл одного из выздоравливающих морских офицеров на заднем плане. Если смотреть внимательно, вы его увидите — он там с правого края, борода в полный профиль, подписывает именем Сэма Шпигеля чек на шестую выпивку. Как показала судьба картины, Сэм мог себе это позволить.

Здесь, на крошечной площадке высоко над обрамленным пальмами пляжем длиной в много миль, Джин Хартфорд принялся облегчать душу, а мои тривиальные надежды на финансовую выгоду стали испаряться. Каковы были его истинные мотивы, если он вообще их осознавал, — для меня загадка до сих пор. Неожиданная встреча со мной и извращенное чувство благодарности (без которой я бы вполне обошелся), несомненно, сыграли свою роль; при всей самоуверенности он, думаю, был ожесточенным одиноким человеком,

---

[24] Сноски: 24

«Мост через реку Квай» — британско-американский фильм режиссера Дэвида Лина, снятый на Цейлоне в 1957 году. В главных ролях — Уильям Холден, Алек Гиннес и Джек Хокинс. Сэм Шпигель был продюсером картины.

отчаянно нуждавшимся в одобрении и дружбе.

От меня он не получил ни того ни другого. Я всегда питал тайную симпатию к Бенедикту Арнольду[25] — как наверняка и всякий, кто знаком со всеми обстоятельствами его дела. Но Арнольд всего лишь предал свою страну; до Хартфорда никто не пытался ее совратить.

Мои грезы о долларах разбились вдребезги, когда Хартфорд сообщил, что его связи с американским ТВ были обрублены, причем жестоко, в начале пятидесятых. Было ясно, что с Мэдисон-авеню его выгнали пинком под зад за линию партии[26], и точно так же было ясно, что в его случае вопиющей несправедливостью и не пахло. Он с некой контролируемой яростью говорил о своей борьбе с тупорылой цензурой и рыдал о блистательной — но безымянной — культурной программе, которую выпускал в эфир, однако к этому времени я уже почуял большую лажу и ре-

---

[25] Сноски: 25

Бенедикт Арнольд (1741–1801) — генерал-майор, участвовал в Войне за независимость США на стороне американских повстанцев, впоследствии перешел на сторону Великобритании.

[26] Сноски: 26

Мэдисон-авеню — улица на Манхэттене, где располагались крупные рекламные агентства, а также радиостанции и телеканалы. Здесь о гонениях на членов коммунистической партии США и тех, кто им симпатизировал или отказывался на них доносить, в конце 1940-х и первой половине 1950-х годов.

агировал сдержанно, что было заметно. Но пусть мой корыстный интерес к мистеру Хартфорду поуменьшился — личное любопытство разгоралось. Кто за ним стоит? Точно ведь не Би-би-си…

В конце концов он дошел и до этого — когда вся жалость к себе была излита.

— У меня есть новость, от которой вы подскочите, — заявил он пафосно. — Американские телеканалы вот-вот столкнутся с настоящей конкуренцией. И все будет ровно так, как вы предсказали: кто послал телепередатчик за Луну, тот может отправить куда больший на земную орбиту.

— Рад за них, — осторожно сказал я. — По-моему, здоровая конкуренция — благо. Когда запуск?

— В любой момент. Первый передатчик разместят строго на юг от Нового Орлеана — на экваторе, само собой. То есть он окажется над Тихим океаном, а поскольку это ничья территория, политических осложнений не предвидится. И он будет висеть в небе, открыто вещая на всех и вся — от Сиэтла до Ки-Уэста. Вы только подумайте: единственная телестанция, которую могут смотреть все Соединенные Штаты! Да, даже Гавайи! Заглушить ее невозможно, впервые в истории канал без помех появится в каждом аме-

риканском доме. И бойскаутам Джея Эдгара[27] заблокировать его не удастся.

«Вот оно какое, твое мелкое гадкое дельце, — подумал я. — Ну, по крайней мере, ты честен». Я давно научился не спорить с марксистами и верующими в плоскую землю, но, если Хартфорд говорит правду, стоит вытащить из него все, что он знает.

— Прежде чем захлебнуться от восторга, — сказал я, — вы должны понять, что кое-чего не учли.

— Например?

— Это работает в обе стороны. Все знают: над таким же проектом работают ВВС, НАСА, Лаборатории Белла, Ай-ти-энд-ти и десятки других организаций. Что бы Россия ни делала со Штатами в плане пропаганды, она получит ответный удар со сложными процентами.

Хартфорд невесело ухмыльнулся.

— Кларк, ну вы даете! — сказал он (я был рад, что он не звал меня по имени). — Я слегка разочарован. Сами же знаете, Штаты на годы отстают в плане грузоподъемности! Вы правда думаете, что старушка Т-3 — это в России последнее слово техники?

---

[27] Сноски: 27

Джон (сокращенно Джей) Эдгар Гувер (1895–1972) — глава Федерального бюро расследований с 1924 года до своей смерти.

В тот момент я стал воспринимать его весьма серьезно. Он был абсолютно прав. Т-3 могла вывести на важнейшую орбиту высотой 22 000 миль в пять и более раз больше груза, чем любая американская ракета, — и только Т-3 было под силу запустить спутник, который будет висеть над одной точкой Земли. А когда США повторят это достижение, одним небесам известно, чем будут располагать русские. Да, воистину, небеса в неведении не останутся…

— Ну хорошо, — уступил я. — Но с чего бы пятидесяти миллионам американских домов переключаться на другие каналы, как только в сетке появится Москва? Я восхищаюсь русскими, но развлечения у них куда хуже политики. Ладно, Большой театр — а дальше что? Лично мне одного маленького балета хватит надолго.

Хартфорд вновь отреагировал странной безрадостной улыбкой. Он собирался с силами для решительного удара — и обрушился на меня всей своей мощью.

— О русских заговорили вы, — сказал он. — Они при деле, конечно, но только как подрядчики. Их услуги покупает независимое агентство, на которое я и работаю.

— Это, — заметил я сухо, — должно быть, то

еще агентство.

— Именно, крупнейшее среди всех. Пусть Штаты и делают вид, что его не существует.

— О, — отозвался я глуповато, — так вот кто ваш спонсор.

До меня доходили слухи, что СССР намерен запускать спутники для китайцев; теперь я начал понимать, что от правды эти слухи ушли недалеко. Но насколько недалеко — я по-прежнему оценить не мог.

— Вы более чем правы, — продолжил Хартфорд, явно наслаждаясь собой, — насчет русских развлечений. После угасания новизны рейтинг Нильсена[28] упал бы до нуля. Но не с теми передачами, которые в планах у меня. Моя работа — искать материал, который, попав в эфир, разобьет конкурентов в пух и прах. Думаете, быть того не может? Допивайте — и пошли в мой номер. Хочу показать вам заумное кино о духовном искусстве.

Нет, он не оказался сумасшедшим, хотя сколько-то минут я был уверен в обратном. Мне вряд ли удалось бы придумать название, надежнее побуждающее зрителя немедленно переклю-

---

[28] Сноски: 28

Система измерения количества аудитории телепередач, созданная компанией Nielsen Media Research.

читься на другой канал, чем мелькнувшее на экране: «Аспекты ТАНТРИЧЕСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ XIII века».

— Не пугайтесь. — Хартфорд усмехнулся, перебив мерное жужжание проектора. — Название бережет меня от неприятностей со стороны неуемных таможенников. Оно стопроцентно точное, но, когда придет время, мы поменяем его на что-нибудь более кассово завлекательное.

Через пару сотен футов пленки, после безобидных общих планов с архитектурой, я понял, что он имеет в виду…

Вы наверняка знаете, что в Индии есть храмы, покрытые изысканными резными изображениями того рода, который у нас на Западе едва ли ассоциируется с религией. Сказать, что они откровенны, — смехотворное преуменьшение; фантазия перед ними пасует — любая фантазия. И все-таки это самые настоящие произведения искусства. Вот так и с фильмом Хартфорда.

Снят он был, если вам любопытно, в храме Солнца в Конараке. «Добираться было трудновато, — заметил Хартфорд, — но оно того решительно стоило». Позже я узнал, что это на

побережье Ориссы[29], в 25 милях к северо-востоку от Пури. Справочники говорят об этом храме обиняками, некоторые извиняются за «очевидную» невозможность поместить иллюстрации, однако «Индийская архитектура» Перси Брауна в выражениях не стесняется. Тамошняя резная скульптура, сообщает Браун чопорно, носит «бесстыдно эротический характер, не имеющий параллелей в мировой архитектуре». Смелое утверждение, но после просмотра фильма я склонен ему верить.

Операторская работа и монтаж были блестящими, древние камни оживали в блуждающем объективе. Умопомрачительные замедленные съемки — восходящее солнце преследует тени тел, переплетенных в экстазе; внезапные эпатирующие крупные планы, которые разум поначалу отказывается распознавать; размытые кадры, скользящие по камню, преображенному рукой мастера во всевозможные фантазии и аберрации любви; неугомонное масштабирование и панорамирование, цель которых ускользает от глаз, пока изображение не застывает узорами безвременной страсти, вечного удовлетворения.

---

[29] Сноски: 29
Ныне — индийский штат Одиша.

Музыка — главным образом ударные плюс тонкий, высокий мотив струнного инструмента, который я не узнал, — идеально соответствует темпу монтажа. То она томно замедляется, как вступление к «Послеполуденному отдыху» Дебюсси[30]; то барабаны резко грохочут в бурной почти нескончаемой кульминации. Искусство древних ваятелей и умения современного оператора сочетались через века, создавая поэму восторга, оргазм в целлулоиде, и я готов биться об заклад — такие кадры тронут любого.

Когда экран залился светом и сладострастная музыка сошла на нет в истоме, надолго воцарилась тишина.

— Боже мой! — сказал я, частично восстановив присутствие духа. — Вы будете это транслировать?

Хартфорд засмеялся.

— Поверьте мне, — ответил он, — это еще цветочки; единственный, так уж получилось, фильм, который я могу возить с собой без риска. Мы в любую секунду готовы защитить его: великолепное искусство, исторический интерес, религиозная толерантность — о, мы продумали

[30] Сноски: 30

Имеется в виду симфоническая прелюдия «Послеполуденный отдых фавна» (1894) французского композитора Клода Дебюсси.

все нюансы. Но на деле это неважно — никто нас не остановит. Впервые в истории любая форма цензуры стала совершенно невозможной. Она нереализуема в принципе; потребитель получает что хочет прямо у себя дома. Запри дверь, переключи телевизор на наш… наш, простите меня, небесный канал — и расслабься. Друзья и родные никогда не узнают.

— Очень неглупо, — сказал я, — но не кажется ли вам, что такое меню вскоре приестся?

— Конечно, разнообразие придает жизни вкус. У нас немало обычных развлекательных передач — будьте покойны, я об этом позабочусь. Периодически будут и новостные программы — ненавижу слово «пропаганда», — чтобы рассказывать отлученной от правды американской публике, что происходит в мире на самом деле. Наши особые передачи — всего лишь приманка.

— Можно чуть проветрить? — спросил я. — Тут довольно душно.

Хартфорд отдернул штору, и в комнату вернулся солнечный свет. Внизу изгибалась длинная полоса пляжа: под пальмами лежали в ряд рыбацкие лодки с балансирами, распадались пеной мелкие волны, устало катившие сюда из Африки. Мало есть на свете видов прекраснее этого, но

сейчас я не мог на нем сосредоточиться. Перед глазами плыли извивающиеся каменные руки и ноги, лица, на которых застыла страсть, не утоленная веками.

Вкрадчивый голос за моей спиной не унимался:

— Вы бы удивились, узнав, каким мы обладаем материалом. Не забывайте, у нас нет никаких табу, вообще. Что можно снять, то можно и транслировать.

Хартфорд подошел к столу и взял тяжелую, явно не раз читанную книгу.

— Это уже давно моя Библия, — сказал он, — ну или, если хотите, мой «Сирс, Робак»[31]. Без нее я бы не продал программу спонсорам. Они истово верят в науку и проглотили весь текст до последней десятичной запятой. Узнаёте?

Я кивнул; куда бы меня ни приглашали, я неизменно отслеживаю литературные вкусы хозяина.

— Доктор Кинси, я полагаю.

— Думаю, я единственный, кто прочел его от корки до корки, а не только просмотрел важнейшую статистику. Это, видите ли, беспрецедентное

---

[31] Сноски: 31

Sears, Roebuck and Co. — популярный торговый каталог, издающийся под разными названиями с 1888 года.

маркетинговое исследование данной конкретной сферы. Пока не появится что-то получше, мы отработаем его от и до. Оно сообщает нам, чего хочет клиент, и мы готовы удовлетворить спрос.

— От и до? У некоторых странные вкусы.

— В чем и прелесть фильма, который вы посмотрели, — он потрафит почти любому вкусу.

— Это уж как пить дать, — пробормотал я.

Он видел, что я начинаю скучать; иные виды целеустремленности нагоняют на меня тоску. Однако я был несправедлив к Хартфорду, и он поспешил это доказать.

— Не думайте, пожалуйста, — сказал он обеспокоенно, — что секс — наше единственное оружие. Разоблачения почти столь же хороши. Видели, как Эд Марроу разделал покойного праведника Джо Маккарти?[32] Так это сущая ерунда в сравнении с досье, которые мы планируем дать в передаче «Секретный Вашингтон»… Еще у нас есть программа «А как вам такое?», призванная отделять настоящих мужчин от хлюпиков. Мы столько раз предостережем о ней аудиторию, что

---

[32] Сноски: 32

Эдвард Марроу (1908–1965) — американский телеведущий, телепередачи которого привели к закату карьеры сенатора Джозефа Маккарти (1908–1957), одного из устроителей «охоты на красных ведьм» — гонений на коммунистов в США.

каждый американский мужик поймет: он обязан ее посмотреть. Все начнется достаточно невинно — мы пойдем курсом, который заботливо проложил Хемингуэй. Вы увидите ряд эпизодов корриды[33], которые заставят вас выпрыгнуть из кресла — или побежать в туалет, — потому что вам покажут всякие мелкие подробности, которых в чистеньком голливудском кино не увидишь… Мы продолжим действительно уникальным материалом, который заполучили совершенно бесплатно. Помните, на Нюрнбергском трибунале показывали фотографические свидетельства? Вы их так и не увидели, потому что они были непубликабельны. Горстка фотографов-любителей в концлагерях использовала на полную катушку возможности, которые им уже не представятся. Кое-кого повесили на основании свидетельств их же фотокамер, но снимки не уничтожили. Что как раз и приведет нас к программе «Пытки сквозь века» — очень академической и подробной, но весьма привлекательной для широкой аудитории… Есть немало других аспектов, однако общая картинка вам ясна. Авеню считает, что знает все о Скрытом Воздействии, — поверьте

[33] Сноски: 33
Отсылка к роману Эрнеста Хемингуэя «И восходит солнце» (1926).

мне, оно ничего не знает. Лучшие практические психологи в мире сегодня — на Востоке. Помните Корею и промывку мозгов?[34] Мы с тех пор многому научились. Необходимость в насилии отпала — людям нравится, когда им промывают мозги, если это делать правильно.

— И вы, — сказал я, — собрались промыть мозги Соединенным Штатам. Заказ что надо.

— Именно — и страна это полюбит, несмотря на все вопли Конгресса и церквей. Не говоря о телеканалах, само собой. Эти будут орать как резаные, когда поймут, что они нам не конкуренты.

Взглянув на наручные часы, Хартфорд встревоженно присвистнул.

— Пора собираться, — сказал он. — Мне надо быть в этом вашем непроизносимом аэропорту к шести. Полагаю, не стоит надеяться, что вы как-нибудь слетаете в Макао нас повидать?

— Не стоит — но картинку я представил отлично. Между прочим, вы не боитесь, что я разболтаю ваш план?

— С чего бы? Чем громче вы нас разрекламиру-

---

[34] Сноски: 34

Термин «промывка мозгов» (brainwashing) появился в 1950 году и описывал физические меры, которыми во время Корейской войны (1950–1953) воевавшие на стороне Северной Кореи китайцы склоняли на свою сторону пленных американских солдат.

ете, тем лучше. Хотя наша собственная кампания не развернется во всю ширь еще пару месяцев, думаю, вы заслужили предварительное предупреждение. Как я сказал, ваши книги помогли мне с идеей.

Господи, его благодарность была искренней; у меня просто язык отнялся.

— Ничто нас не остановит, — изрек он, и фанатизм, таившийся за гладким циничным фасадом, впервые за время беседы вышел из-под контроля. — История на нашей стороне. Мы используем упадок Америки как оружие против нее же, а от такого не защитишься. ВВС не станут пиратствовать в космосе, сбивая спутник, висящий вдали от американской территории. ФКС[35] даже не заявит протест стране, которой с точки зрения Госдепартамента не существует. Если у вас имеются другие предложения, я выслушаю их с огромным интересом.

У меня их не было — и нет по сей день. Возможно, эти слова послужат кратким предостережением, прежде чем в профессиональных журналах появится первая дразнящая реклама, и пробудят неповоротливые телеканалы от спячки. Но изме-

---

[35] Сноски: 35
Федеральная комиссия по связи США.

нит ли это ситуацию? Хартфорд считал, что нет, и он может оказаться прав.

«История на нашей стороне». Не могу выкинуть эти слова из головы. Страна Линкольна, и Франклина, и Мелвилла, я люблю тебя и желаю тебе счастья. Но в моем сердце дует ледяной ветер из прошлого, ибо я помню Вавилон.

Вождь. Генри Слизар (1927–2002)

Playboy

июнь

Генри Слизар – колоссально недооцененный автор коротких рассказов в жанре детектива, научной фантастики, хоррора и фэнтези. Работая с 1949 года в Нью-Йорке менеджером рекламного агентства, он при этом является, весьма вероятно, одним из самых плодовитых писателей со времен окончания Второй мировой войны. Хотя опубликованы на данный момент всего лишь пять романов и четыре сборника повестей, библиография Слизара насчитывает несколько сотен коротких рассказов, большое количество телевизионных и киносценариев (он выступил сценаристом нескольких десятков эпизодов сериала «Альфред Хичкок представляет», многие из которых основаны на его собственных рассказах), свыше сорока радиопьес для CBS Radio Mystery Theatre; также он более десяти лет выступал ведущим сценаристом

в телесериале «На пороге ночи» (The Edge of Night)! И многое из этого наследия – великолепные работы, благодаря которым его известности как автора и научной фантастики, и таинственных историй следовало бы быть значительно шире.

У лучших произведений Слизара – внезапные развязки. Кроме того, он мастер миниатюры, одной из самых сложных для написания разновидности рассказов. (М. Г.)

Не стоит делать вступление длиннее самого рассказа, поэтому позвольте мне просто сказать, что существует много способов предостеречь нас от ядерной войны. (А. А.)

Мбойна, вождь племени аолори, не выказал страха при виде приближающегося к острову корабля. Но не только налагаемые высоким статусом обязательства помогали ему сохранять бесстрастное лицо: он единственный из соплеменников видел белых людей и раньше — в деревне полвека назад, будучи еще ребенком.

Когда корабль причалил, один из белых, ученый муж с короткой серебристой бородой, приблизился к вождю, подняв руку в жесте дружбы. Речь его была сбивчива, но говорил он на языке

отцов Мбойна.

— Мы пришли с миром, — сказал он. — Мы проделали долгий путь, чтобы найти вас. Я Морган, а это мои товарищи, Хендрикс и Кэрью, мы люди науки.

— Тогда говори! — грозно прорычал Мбойна, не желая проявлять слабость перед своим племенем.

— Была большая война, — сказал Морган, тревожно поглядывая на воинов, обступивших своего вождя. — Белые люди по ту сторону воды метали друг в друга могучие молнии. Своим оружием они отравили воздух, море и собственные тела. Но мы верили, что в мире есть последние убежища для человечества, которые война не тронула смертоносными пальцами. Твой остров, о великий вождь, — одно из таких убежищ, и мы пришли у тебя поселиться. Но сперва мы должны кое-что сделать и смиренно просим тебя проявить терпение.

Они принесли с корабля странные металлические коробочки с крохотными окошками. Белые нерешительно шагнули к вождю и его соплеменникам, направив странные устройства в их сторону. Кто-то из людей племени отшатнулся, кто-то угрожающе поднял копье.

— Не бойтесь, — сказал Морган, — это всего лишь игрушки нашей науки. Видите, они не производят звука, когда их глаза оглядывают вас. Но посмотрите.

Белые люди наставили коробочки на себя, и устройства принялись яростно щелкать.

— Великая магия, — прошептали члены племени с благоговением на лицах.

— Великая магия, — с трепетом повторил Мбойна, склонившись перед белыми богами и доказательством их божественной природы — щелкающими коробочками.

Белых людей с почестями отвели в деревню, и после приличествующей церемонии они были обезглавлены, омыты и поданы к вечерней трапезе.

Три дня и три ночи члены племени прославляли свою смышленость танцами и яркими кострами, ибо они тоже стали богами. Магические коробочки щелкали теперь и для них.

Ментальный партнер. Кристофер Энвил (1925–2009)

Galaxy science fiction

август

Кристофер Энвил (Гарри К. Кросби) специализируется в своем творчестве на доведении социальных процессов и тенденций до их логического и подчас забавного завершения. Также он любит заимствовать идеи социальных мыслителей, и такие чудесные рассказы, как A Rose by Other Name («Хоть розой назови ее»), Positive Feedback («Положительный отзыв») и тот, что мы выбрали для вас, входят в число лучших произведений социальной научной фантастики конца 1950-х – начала 1960-х годов. Хотя Кристофер Энвил написал уже больше двухсот рассказов, у него до сих пор не вышло ни одного сборника, и какой-нибудь грамотный издатель обязан исправить эту ситуацию.

Несмотря на то что Энвил был любимчиком Джона Кэмпбелла-младшего и многие

его прекрасные рассказы опубликованы в Astounding Science Fiction, «Ментальный партнер» – лучшая, на мой взгляд, из написанных Кристофером вещей – появился в Galaxy Горация Голда, и остается лишь желать, чтобы Энвил написал больше рассказов для этого редактора и его аудитории. (М. Г.)

Наркотики представляют настолько серьезную опасность для нынешнего американского общества, что велик соблазн рассматривать их как исключительно современный феномен, неизвестный в простые и добродетельные времена наших отцов и дедов.

Но это не так. Человек всегда ухитрялся находить вещества, способные привести его в состояние эйфории. Алкоголь, табак, мескалин и другие наркотики (включая кокаин) были известны уже в примитивных обществах. Тут уместно вспомнить, например, что ассасины эпохи Крестовых походов получили само свое название из-за того, что употребляли гашиш. А знаменитый Шерлок Холмс был кокаинистом в 1880–1890-е.

Естественно, научная фантастика интересовалась темой задолго до того, как волна

зависимостей затопила наше общество. Кристофер Энвил в 1960 году описал абсолютный наркотик с крайне актуальной даже сейчас точки зрения. (А. А.)

Джим Колдер рассматривал стоявший на столике макет особняка с прилежащей территорией, выполненный с удивительным вниманием к мельчайшим подробностям.

— Если ты провалишь дело, вся банда скроется, как стайка вспугнутых рыбешек, — сказал Уолтерс, стоя рядом с Джимом. — Появится еще тысяча наркоманов, и нам опять придется все начинать сначала.

Джим провел рукой по миниатюрной четырехэтажной башенке с закрытыми ставнями на углу особняка.

— Значит, я должен просто постучать в дверь и сказать: «Могу я поговорить с мисс Синтией?»

Уолтерс кивнул.

— Тебя впустят в дом, ты останешься там на всю ночь, а утром выйдешь через заднюю дверь и уедешь. Потом явишься прямо сюда для медицинского осмотра и расскажешь все, что только вспомнишь. Тебе выпишут чек на пятизначную сумму. А какие именно там будут цифры —

зависит от того, насколько ценной окажется информация.

— Пятизначная сумма, — повторил Джим.

Уолтерс достал сигару и присел на край письменного стола.

— Точно — от десяти тысяч до ста без одного бакса.

— Вот именно сумма меня и тревожит, — сказал Джим. — Не получится ли так, что меня вынесут оттуда в деревянном ящике?

— Нет. — Уолтерс сдернул с сигары целлофановую обертку, прикурил и посидел нахмурившись. Наконец он выпустил длинную струю дыма и поднял глаза к Колдеру. — Мы накрывали такие конторы дважды за последние три года. Небольшой городок, тихая старушка в благополучном районе, дом на отшибе, куда можно войти или выйти, не вызывая особых пересудов. — Уолтерс бросил взгляд на макет особняка. — Оба раза, убедившись, откуда исходит проблема, мы устраивали облавы. Нам в руки попадала горстка наркоманов, но больше в доме никого не было.

— Отпечатки пальцев?

— В первом случае — да, были. Но мы никого по ним не выследили. А во второй раз дом сгорел прежде, чем удалось его осмотреть.

— Ну а наркоманы?

— Они ничего не рассказывают. Они... — Уолтерс замолчал и покачал головой. — Мы предлагаем тебе такую премию, потому как не знаем, что это за наркотик. Эти люди на что-то подсели, но на что именно? Они не воспринимают реальность. Ломки у них нет. Некоторые три года пролежали в больнице, но их состояние не улучшилось. Нет, не думаю, что и с тобой это случится, однократный прием не должен превратить тебя в наркомана, но точно мы не знаем. Нас поддерживают возмущенные родственники жертв. Поэтому мы и можем себе позволить подобную плату за риск.

Джим нахмурился.

— Прежде чем принять решение, можно мне встретиться с кем-нибудь из этих наркоманов?

Уолтерс задумчиво затянулся сигарой, затем кивнул и снял трубку телефона.

Вслед за врачом, Уолтерсом и двумя санитарами в белых халатах Джим вошел в больничную палату. Санитары встали у стены, Джим и Уолтерс остались наблюдать от дверей.

Светловолосая девушка сидела на койке, обхватив голову руками.

— Дженис, — тихим голосом сказал врач, — ты

не могла бы с нами немного поговорить?

Блондинка сидела неподвижно, все так же обхватив голову руками, и смотрела в пол.

Врач опустился на одно колено рядом с койкой.

— Мы хотим поговорить с тобой, Дженис. Нам нужна твоя помощь. Так что я буду говорить, пока ты не подашь знак, что слышишь меня. Ты ведь меня слышишь, да, Дженис?

Девушка не шевельнулась.

Врач повторял ее имя снова и снова.

Наконец она подняла голову, посмотрела куда-то сквозь него и произнесла жутким безжизненным голосом:

— Отстань от меня. Я знаю, что ты будешь делать.

— Мы хотим задать тебе всего два-три вопроса, Дженис.

Девушка не ответила, но, когда врач начал что-то говорить, перебила его.

— Уходи, — с горечью сказала она. — Меня не проведешь. Ты даже не существуешь. Ты ничто.

У нее было милое лицо, но, когда она прищурилась, оскалила зубы и наклонилась вперед, вскинув руки, от одного взгляда на нее волосы на затылке вставали дыбом.

Санитары настороженно отошли от стены.

Врач остался на месте, продолжая говорить с тихой успокаивающей монотонностью.

Постепенно взгляд девушки сделался отсутствующим, она посмотрела на врача, как на пустое место, с силой обхватила голову руками и уставилась в пол.

Врач медленно поднялся и отошел.

— Вот так, — сказал он Джиму и Уолтерсу.

На обратном пути Уолтерс был за рулем, Джим сидел рядом на переднем сиденье.

— Ну и что ты об этом думаешь?

Джим поежился.

— Они что, все такие?

— Нет. Это только одна схема поведения. А вот пример другой: мужчина купил револьвер, выстрелил в хозяина магазина, который продал ему оружие, уложил другого покупателя, сунул пистолет за пояс, зашел за прилавок, взял дробовик и пальнул из него в полицейского, появившегося в дверях, выскочил на улицу и дал залп по огням над входом в театр, некоторое время изучал разбитые лампы, потом прислонил дробовик к витрине магазина, достал револьвер, прострелил правые задние колеса трем припаркованным у тротуара автомобилям, постоял немного, разгля-

дывая то одну машину, то другую, и сказал: «Я просто ни в чем не уверен, вот и все».

Выехав на прямой участок трассы, Уолтерс чуть притормозил и оглянулся на Джима.

— Этого мужчину застрелил другой полицейский, и история закончилась. Мы проследили путь наркомана, таким образом вышли на вторую точку и накрыли ее, но дом сгорел прежде, чем мы смогли провести полное расследование.

— Оба раза там заправляли одни и те же люди?

— Видимо, да. Мы сверили даты и выяснили, что вторая точка появилась только после закрытия первой, а третья — после закрытия второй. Все они действовали по единой схеме. У нас есть отрывочные описания тех, кто там работал, но проверка ничего не дала.

Джим нахмурился и посмотрел в окно.

— Что обычно происходит с людьми, которые туда попадают? Они проводят там ночь или как?

— В первый раз они заходят через парадную дверь, а наутро выходят. После этого обычно арендуют один из гаражей на Джейн-стрит и возвращаются через определенные промежутки времени, приезжая уже затемно и оставаясь до следующей ночи. Они теряют интерес к своим привычным делам и начинают казаться окру-

жающим все более отстраненными. В конечном итоге они спускают все свои сбережения на этот товар, или деньги у них заканчиваются по другой причине. И тогда они становятся такими же, как девушка, которую мы только что видели, или мужчина из оружейного магазина, или следуют другой необъяснимой схеме поведения. К тому моменту, когда мы находим новую точку и закрываем ее, в радиусе пяти миль от города насчитывается от семисот до тысячи двухсот наркоманов. Все они слетают с катушек за две-три недели, а потом полиция и врачи на многие месяцы обеспечены хорошей практикой.

— У потребителей нет запаса наркотиков?

— В том-то и дело. Они все получают на точке. И принимают там же. Но ничего оттуда не выносят.

— А когда вы закрываете точку…

— Банда испаряется, как кусок сухого льда. Они не оставляют товар и вообще никаких улик. На этот раз у нас есть точный макет их логова. Мы должны спланировать идеальную облаву. Но если мы просто оцепим дом, боюсь, все получится точно так же, как и раньше.

— Хорошо, я в деле, — сказал Джим. — Но, если поутру я не появлюсь, хочу, чтобы вы пришли

за мной.

— Придем, — пообещал Уолтерс.

Весь вечер Джим думал о девушке из больницы и мужчине из оружейного магазина. Он мерил шагами комнату и несколько раз хватался за телефон, чтобы позвонить Уолтерсу и сказать «нет». Но сложное сочетание чувства долга и мыслей о пятизначном чеке останавливало его.

Наконец, не в силах больше оставаться дома, он вышел в теплый сумрачный вечер, сел в машину и отправился прокатиться по городу. Повинуясь импульсу, он свернул на Джейн-стрит и проехал вдоль мрачной шеренги гаражей, о которых говорил Уолтерс. Какая-то машина осторожно сдала задом, пропуская его. За поворотом он увидел залитый лунным светом участок и большой старинный особняк, окруженный деревьями. Тревожное ощущение какой-то неправильности заставило Джима остановиться у обочины, чтобы рассмотреть дом подробней.

Высокий особняк с крутой крышей прятался за деревьями, простираясь вглубь участка с коротко постриженными лужайками и тенистыми кустами. Жалюзи на узких окнах были опущены, сквозь щели пробивался бледный свет.

Так и не определив, откуда взялось ощущение

неправильности, Джим вырулил с обочины и поехал домой. Он припарковал машину и, усталый, едва не засыпающий на ходу, прошел по темной дорожке, поднялся на крыльцо и нашарил в кармане связку ключей. Не различив в темноте нужный, отступил обратно к ступенькам в надежде, что там будет светлей. Но и здесь был почти такой же непроглядный мрак. Джим озадаченно посмотрел на небо.

Звезд не было видно, горизонт заволокли тяжелые тучи, а небольшие облачка проплывали прямо над головой. Край одного из них слабо светился, и вскоре из-за него показался бледный серп луны. Джим огляделся. Не считая света в некоторых окнах, дома вокруг высились темными грудами.

Он спустился с крыльца, сел в машину и снова промчался по Джейн-стрит. Потом свернул в переулок и остановился.

На этот раз снаружи особняка было темно. Яркий свет пробивался сквозь жалюзи, освещая лужайки и кусты. Но сам дом казался темным силуэтом на фоне неба.

Джим отъехал с обочины и медленно покатил домой.

Рано утром он отправился в офис Уолтерса,

чтобы еще раз взглянуть на макет. На кропотливо собранном по увеличенным фотографиям макете не было видно ничего похожего на скрытые прожектора для освещения стен и лужаек. Джим изучил расположение деревьев, рассмотрел дом с разных ракурсов и заметил сломанные планки на нескольких жалюзи третьего этажа башни, но больше ничего нового не обнаружил.

Он позвонил Уолтерсу, который еще завтракал у себя дома, и, не вдаваясь в детали, спросил:

— Тот макет на твоем столе — он закончен?

— Его доделали еще позавчера, к трем часам пополудни, — прозвучал в ответ голос Уолтерса. — И мы регулярно проверяем, все ли там правильно.

Джим поблагодарил его и с неудовлетворенным видом повесил трубку. Потом встал на колени, чтобы глаза оказались на уровне столика. Так он мог посмотреть на дом глазами случайного прохожего. Некоторых деревьев не было видно из-за особняка. Их могли сфотографировать с легкого самолета, пролетавшего над домом, но тогда стволы закрывала бы листва. Джим убеждал себя, что прожектора должны быть спрятаны где-то там и тогда смогут создать иллюзию лунного света.

Пусть даже и так, но вопрос в том, зачем это нужно?

Джим снова осмотрел макет. Его беспокоило то же самое ощущение, какое бывает у человека, разглядывающего случайные фрагменты пазла. Первые кусочки подходили друг к другу по форме и расцветке, но не складывались во что-нибудь такое, что ему приходилось видеть прежде.

Когда он снова отправился к особняку, день был холодным и ясным.

При дневном свете дом производил смешанное впечатление изящества, внушительности и какой-то накрахмаленной отчужденности. Бледно-лавандовые стены, очень темная, крутая крыша. Высокие раскидистые деревья поднимались над ним, бросая тень на часть крыши, стриженые лужайки и кустарник. Участок окружала невысокая чугунная ограда, увенчанная острыми шипами.

Джим остановился на обочине перед самым особняком, вышел, открыл чугунные ворота и зашагал по дорожке. Оглянулся на деревья, но не заметил никаких прожекторов и снова посмотрел на дом.

Вид у дома был опрятный, ухоженный. Сверкающие оконные стекла, яркие наличники, аккуратные занавески и ровные жалюзи. Подойдя ближе, Джим поднял взгляд на башню. И там

жалюзи тоже были ровные и аккуратные.

Чувство неправильности, мучившее его накануне, появилось снова. Он остановился и нахмурился.

Входная дверь открылась, и на пороге появилась пухлая седая женщина в платье горничной. Она разгладила левой рукой белоснежный фартук и сказала с улыбкой:

— Боже, какой чудесный сегодня денек, не правда ли?

Она шагнула назад и левой рукой открыла дверь еще шире, по-прежнему пряча правую за оборками фартука.

— Заходите.

У Джима пересохло во рту.

— Могу я поговорить с мисс Синтией? — спросил он.

— Конечно, можете, — ответила женщина и захлопнула за ним дверь.

Они оказались в маленькой прихожей, дальше виднелся коридор с высоким потолком, а за ним — лестница на второй этаж и несколько широких дверных проемов, завешенных тяжелыми, темными портьерами.

— Ступайте прямо и поднимайтесь по лестнице, — любезным тоном сказала женщина. —

Наверху поверните налево. Мисс Синтию вы найдете во второй комнате по правую сторону.

Джим шагнул на лестницу, и тут вдруг ему сдавило череп, глаза ослепила белая вспышка, а правую руку пронзило болью — как будто ему сделали укол. А дальше не было ничего, кроме темноты.

Джим очнулся, лежа на кровати под покрывалом. Открыв глаза, он увидел просторную комнату с раздуваемой ветром легкой занавеской на окне. Попытался встать, но голова чуть не раскололась от боли. Стены словно надвинулись на него и откатились обратно. Какое-то мгновение комната выглядела как фотографический негатив — светлые деревянные панели стали черными, а темная мебель — почти белой. Он осторожно опустил голову на подушку, и все вокруг приняло обычный вид.

По коридору торопливо простучали каблуки, и дверь позади него открылась. Джим повернул голову. Комната закружилась, и он закрыл глаза.

Снова приоткрыв их, Джим увидел перед собой высокую темноволосую женщину. Она рассматривала его со слабым намеком на улыбку.

— Как вы себя чувствуете?

— Не очень, — ответил Джим.

— Хоть это и плохо, но мы вынуждены так поступать, поскольку некоторые люди теряют контроль над собой. А другие приходят с мыслями о том, что мы ведем прибыльный бизнес, и хотят войти в долю. Нам приходится приводить таких людей к нашей точке зрения.

— И какова ваша точка зрения?

Она строго посмотрела на него.

— То, что мы предлагаем, куда больше, чем любой обычный образ жизни. Мы не можем позволить, чтобы оно попало в дурные руки.

— Так что же вы предлагаете?

Она снова улыбнулась.

— Если вы испытаете на себе, это будет лучше любых моих объяснений.

— Может и так. Но, отправляясь в неизведанные земли, хорошо бы иметь при себе карту.

— Прекрасно сказано, — оценила она. — Но вам не придется отправляться в неизведанные земли. Мы не предлагаем ничего, кроме ваших собственных жизненных устремлений.

— И все?

— Этого достаточно.

— И нет никакой опасности привыкания?

— Если вы попробуете стейк, нет ли опасности, что вы захотите еще? Если у вас в руках окажется

непревзойденная красота, нет ли опасности, что вы захотите дотронуться до нее снова? Совершенство всегда вызывает привыкание.

— А остальная моя жизнь при этом не пострадает?

— Зависит от вас.

— А что, если я прямо отсюда отправлюсь в полицейский участок?

— Не отправитесь. Если вы попытаетесь выдать нас, то уже не сможете вернуться: нас здесь уже не будет. Вы сами этого не захотите.

— Вы дадите мне что-то такое, что я смогу унести с собой? Или смогу купить…

— Нет, — перебила она. — Вы не сможете унести с собой ничего, кроме воспоминаний. И скоро сами увидите, что этого достаточно.

При этих словах в голове Джима возник четкий образ девушки, сидевшей на койке и смотревшей в пол. Ему вдруг нестерпимо захотелось сбежать отсюда. Он попытался подняться, но комната потемнела и завертелась вокруг него.

Джим ощутил, как холодные женские руки бережно вернули его на место.

— Итак, — сказала женщина, — у вас есть еще вопросы?

— Нет, — ответил Джим.

— Тогда перейдем к делу, — оживилась она. — Первый курс из трех посещений будет вам стоить по тысяче долларов за каждое.

— А последующие?

— Нам обязательно это обсуждать сейчас?

— Мне бы хотелось знать заранее.

— Стоимость каждого следующего курса удваивается.

— Как часто я буду приходить?

— Мы не разрешаем никому появляться чаще, чем раз в две недели. Это нужно для вашей же защиты.

Джим прикинул в уме — через полгода придется платить по шестнадцать тысяч за посещение, а через год каждое появление здесь обойдется ему в четверть миллиона.

— Почему растет цена? — спросил он.

— На такие вопросы мне велено отвечать, что ваше тело приобретает устойчивость к воздействию и нам приходится ее преодолевать. Если вы получаете двойную дозу нашего препарата, будет справедливо, если и стоимость увеличится вдвое.

Джим осторожно приподнялся на кровати.

— Понятно. Но, предположим, я прямо сейчас решу ничего не платить.

Она нетерпеливо покачала головой.

— Вы попали на улицу с односторонним движением и можете двигаться только вперед.

— Это мы еще посмотрим.

— Ну так смотрите.

Она подошла к туалетному столику у стены, взяла с него флакон с распылителем, повернула маленькую серебристую насадку в сторону Джима и нажала на белый резиновый шарик. Потом поставила флакон обратно, открыла дверь и вышла. Джим ощутил на лице крохотные капли тумана. Он попытался осторожно вдохнуть, чтобы проверить, какой запах у этого тумана, но мышцы его не послушались.

Он лежал неподвижно, а капли опускались на лицо одна за другой. Казалось, они лопаются и пощипывают кожу при соприкосновении. Джим полежал еще немного, собираясь с силами, а потом попробовал рывком подняться с кровати.

Он лежал в кровати на спине, а капли лопались и пощипывали щеку.

Ему начало не хватать воздуха.

Он снова собрался с силами — чтобы просто сползти с подушки. Тогда шаг за шагом он сможет постепенно оказаться там, где капли его не достанут. «Подожди еще немного… — говорил

он самому себе, — приготовься… еще секунду… еще… Давай!»

Но ничего не произошло.

Он лежал в кровати на спине, а капли лопались и пощипывали щеку.

Воздуха не хватало нестерпимо.

Голова раскалывалась от боли, комната потемнела, остались только крохотные пятнышки света. Он попытался вдохнуть, но не смог. Попытался выдохнуть, но грудь и легкие не пошевелились. Сердце забилось чаще и громче.

Он не мог пошевелиться.

Занавеска на окне колыхалась, раздуваясь от ветра и снова опадая.

Он лежал на кровати, чувствуя, как капли лопаются и пощипывают щеку.

Череп раскалывался. Сердце дергалось и колотилось в груди. Комната погружалась во тьму.

А потом что-то прорвалось, и легкие втянули болезненный глоток свежего воздуха. Джим захлебнулся им, как бегун под конец дистанции. Прошло немало времени, прежде чем на него нахлынули покой и усталость.

Дверь открылась.

Он поднял голову. Женщина печально смотрела на него.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Вы хотите уточнить способы платы?

Джим кивнул.

Женщина села на стул рядом с кроватью.

— Как я уже объясняла, начальный цикл из трех посещений стоит по тысяче долларов за каждое. В качестве первого платежа мы принимаем чеки и даже долговые расписки. Дальше только наличные.

Джим выписал чек на тысячу долларов.

Женщина кивнула, улыбнулась и положила чек в ридикюль. Потом вышла, вернулась со стаканом бесцветной жидкости, высыпала туда белый порошок и, размешав, протянула Джиму.

— Пейте до дна, — сказала она. — Маленький глоток может быть мучительно болезненным.

Джим засомневался. Он приподнялся и сразу ощутил головокружение. Потом решил сделать так, как велела женщина, и осушил стакан. Вкус был точно такой же, как у растворенной в воде соды. Джим вернул женщине стакан, и она подошла к двери.

— Первый опыт, — предупредила она, — может оказаться довольно бурным. Не забывайте, что ваше чувство времени будет искажено, как во сне.

Женщина вышла и тихо прикрыла дверь.

Джиму нестерпимо захотелось оказаться где-то в другом месте. Он никак не мог понять, что означала ее последняя фраза. Ему вдруг пришла в голову мысль, что если он прямо сейчас выйдет отсюда, то у врачей и Уолтерса будет шанс увидеть наркотик в действии.

Джим встал, и на мгновение ему показалось, будто он лежит неподвижно и поднимается с кровати в одно и то же время. Может быть, наркотик уже начал действовать? Джим лег и снова встал, не почувствовав на этот раз ничего кроме легкого головокружения. Он подошел к окну и выглянул наружу. Это было окно второго этажа, и Джим помнил, какие высокие потолки в комнатах на первом. Хуже того, он обнаружил, что одет во что-то типа больничного халата и не сможет появиться на улице, не привлекая внимания. И неизвестно, когда наркотик начнет действовать.

Джим услышал легкий щелчок открываемой двери и обернулся. Та самая женщина, которая недавно беседовала с ним, вошла в комнату и аккуратно закрыла за собой дверь. Она медленно обернулась, и Джим вдруг сообразил, что ни одна женщина на свете не может двигаться так плавно. Вероятно, наркотик уже подействовал, и

это все ему только кажется. Он вспомнил, как она предупреждала, что первый опыт может оказаться довольно бурным, а его чувство времени будет искажено, как во сне.

Он провел ночь, если, конечно, это была ночь, в полной неопределенности, что происходило с ним на самом деле, а что вызвано действием наркотика. Все было столь красочно, и реальные события, как он хорошо понимал, переходили в воображаемые приключения, но настолько яркие, приносящие такое удовольствие, что его совершенно не волновало, реальны они или нет. В этих приключениях краски были чистыми, а звуки — ясными, без расплывчатости и неопределенности, присущих обычной жизни.

Все было таким красочным и четким, и поэтому, очнувшись на кровати в лучах утреннего солнца, он был поражен тем, что не может вспомнить ни одного события за исключением самого первого, да и то довольно смутно.

Джим встал и увидел свою одежду, аккуратно уложенную на стуле возле кровати. Торопливо оделся и осмотрелся вокруг в поисках маленького флакона, но того нигде не было. Джим вышел в коридор, и тут вдруг ему сдавило череп, глаза ослепила белая вспышка, и он почувствовал сла-

бость. Сильные руки подняли его и понесли вниз по ступенькам, потом по коридору и, наконец, усадили спиной к стене.

Пухлая седая женщина приложила ему ко лбу влажный платок.

— Вы скоро привыкнете, — сказала она. — Не понимаю, зачем им это нужно.

— Я тоже, — ответил Джим в полной уверенности, что она делала с ним то же самое, когда он вошел в дом.

Оглядевшись, он обнаружил, что находится в простой маленькой прихожей, и осторожно поднялся на ноги.

— Моя машина все еще стоит у входа?

— Нет, она припаркована за домом, на подъездной дорожке.

— Спасибо, — сказал Джим. — Попрощайтесь за меня с мисс Синтией.

Женщина улыбнулась.

— Вы еще вернетесь.

Выбравшись из дома, Джим приободрился. Он прошел по гравийной дорожке, отыскал машину и завел мотор. Проезжая мимо парадного входа, он притормозил, обернулся и с удивлением отметил сломанные планки жалюзи в окнах на третьем этаже башни. Джим подумал, что поче-

му-то это имеет значение, но не смог вспомнить, почему и какое. Озадаченный, он немного посидел в машине и решил, что важнее добраться до Уолтерса. Свернув на улицу, он влился в утреннее движение и откинулся на спинку сиденья со смешанным чувством, на девять десятых состоявшим из облегчения и на одну — из недоумения.

Недоумевал он оттого, что не мог понять, почему вообще кто-то должен платить тысячу долларов за вторую дозу.

Врачи провели экспресс-обследование и объявили, что Джим физически здоров. А потом Уолтерс допросил его. Джим описывал пережитое во всех подробностях, а Уолтерс слушал и кивал время от времени. Под конец Джим воскликнул:

— Будь я проклят, если понимаю, почему кто-то должен возвращаться туда!

— Это загадка, — ответил Уолтерс. — Может быть, все они любители острых ощущений, хотя и это тоже странно. Но какой бы ни была причина, на тебя это, к счастью, не подействовало.

— Наверное, мне лучше скрестить пальцы, — заметил Джим.

Уолтерс рассмеялся.

— Я принесу твой чек, чтобы ты оставался счастливчиком.

Он вышел, а через мгновение вернулись врачи. Они не отпускали Джима до следующего утра. Перед самым уходом один из них сказал:

— Надеюсь, вам никогда не потребуется экстренное переливание крови.

— Почему это? — спросил Джим.

— У вас самая редкая группа, — объяснил врач и протянул Джиму конверт. — Уолтерс просил вам передать.

Джим открыл конверт. Там лежал дубликат депозитного чека на максимально возможную пятизначную сумму.

Джим вышел на улицу, и хотя день не был солнечным, казался он именно таким.

По зрелом размышлении Джим решил открыть на эти деньги собственное детективное агентство. Уолтерс, поймавший ту самую банду наркоторговцев, когда они пытались сбежать через заброшенный паровой коллектор, благословил Джима и предложил работу на случай, если дела пойдут плохо.

Однако дела шли очень даже хорошо. Агентство Джима процветало. Со временем он встретил подходящую девушку, женился, и у него родились два мальчика и девочка. Старший сын стал врачом, а дочка вышла замуж за молодого

перспективного адвоката приятной внешности. Младший сын не раз попадал в неприятности и, казалось, решил сам испортить себе жизнь, но Джим, к тому времени ставший состоятельным человеком, предложил ему работу в своем агентстве и с удивлением обнаружил, что мальчик нашел в ней себя.

Годы протекли быстрей, чем хотелось бы Джиму. И все же на закате дней отрадно было сознавать, что дело всей жизни останется в надежных руках его собственного сына.

И свой последний вздох он испустил удовлетворенным.

А потом проснулся, лежа на кровати в комнате с раздуваемой ветром легкой занавеской на окне, сквозь которую пробивались лучи утреннего солнца. Его одежда была аккуратно сложена на стуле рядом.

Он очень осторожно сел. Поднес руки к лицу и медленно повернул ладонями вверх. Это не были руки старика. Джим встал и посмотрел в зеркало, а потом опустился на край кровати. Он молод, отлично. Вопрос: это ночной кошмар старика или, наоборот, та счастливая жизнь, которую он прожил, была грезами наркомана?

Он вспомнил слова женщины, давшей ему нар-

котик: «Мы не предлагаем ничего, кроме ваших собственных жизненных устремлений».

Значит, все это был лишь сон.

Но снам свойственно развеиваться, а его воспоминания оставались четкими.

Джим оделся, вышел в коридор, и тут вдруг ему сдавило череп, глаза ослепила белая вспышка, и он почувствовал слабость.

Он очнулся в маленькой прихожей, пухлая седая женщина осторожно прикладывала к его лбу влажный платок.

— Спасибо, — сказал он. — Моя машина стоит за домом?

— Да, — ответила она, и Джим вышел.

Отъезжая, он оглянулся и заметил, что в окнах на третьем этаже башни сломаны планки жалюзи. Его неприятно резануло воспоминание — во сне, когда он покидал этот дом, все было точно так же. Кажется, сломанные жалюзи что-то означали, но он не смог вспомнить, что именно. Он с ожесточением вдавил педаль газа и вырулил на улицу, осыпав дождем гравия старательно подстриженную лужайку.

Джим по-прежнему не мог понять, почему кто-то должен вернуться сюда с чем-то, кроме дробовика.

Он рассказал Уолтерсу обо всем, включая подробности своей «жизни», которые помнил очень отчетливо.

— Ты справишься с этим, — подытожил Уолтерс, когда Джим уже собирался покинуть больницу. — Это какая-то чертовщина, но тебе есть чем гордиться.

— Чем же? — с горечью спросил Джим.

— Ты спас многих людей от того, что случилось с тобой. Врачи исследовали остатки наркотика в твоей крови и считают, что смогут его нейтрализовать. А теперь мы отправим в этот дом двух-трех крепких парней и, пока все там будут думать, что они под кайфом, устроим облаву.

Тактика сработала, но Джим наблюдал за судебным процессом со скепсисом — не мог убедить себя в реальности происходящего. Он хорошо понимал, что в действительности может по-прежнему лежать в кровати в комнате на втором этаже особняка, а люди, якобы находящиеся сейчас на скамье подсудимых, на самом деле продолжают спокойно заниматься своим грязным делом.

В конце концов неспособность принимать за правду то, что он видел, заставила Джима уйти с работы. На полученное за это задание щедрое

вознаграждение он занялся живописью. Как он объяснил Уолтерсу, к которому продолжал изредка заглядывать:

— То, что я делаю, может быть настоящим, а может и не быть, но, по крайней мере, я получаю удовлетворение от самой работы.

— И не теряешь на этом деньги, — рассудительно заметил Уолтерс.

— Знаю, — ответил Джим, — и это меня особенно беспокоит.

К своему восемьдесят второму дню рождения Джим по праву считался старейшиной цеха живописцев. В этот день он вдруг почувствовал, как похолодели пальцы, а дыхание стало учащенным, и забылся беспокойным сном. Его разбудил собственный удушающий кашель. На мгновение окружающее сделалось неестественно четким, но затем все потемнело, и он почувствовал, что падает.

Он проснулся, лежа на кровати в комнате с колышущейся от ветра легкой занавеской на окне, сквозь которую пробивались лучи утреннего солнца.

В этот раз Джим не питал особых сомнений насчет реальности происходившего. Он встал и со всей силы ударил кулаком в стену.

Боль встряхнула его до самых пяток.

Он вышел тем же путем, что и раньше, но вести машину пришлось одной рукой и со стиснутыми зубами.

Хуже всего, что врачи потом не смогли полностью выправить руку. Даже если последняя «жизнь» была сном, даже если и эта тоже, Джим все равно хотел рисовать. Но получалось так коряво, что он поддался отчаянию и прекратил попытки.

Недовольный результатами, Уолтерс заплатил Джиму по минимуму. Банда сбежала. Со временем Джим потерял работу и перебивался случайными скудными заработками.

Единственное утешение он находил в том, что такая жалкая жизнь просто обязана быть настоящей.

Однажды вечером больной Джим лег в постель, а наутро проснулся на кровати в комнате с колышущейся от ветра легкой занавеской на окне, сквозь которую пробивались яркие лучи утреннего солнца.

Это происходило с ним еще дважды.

Пятое пробуждение. Джим неподвижно лежал на кровати и смотрел в потолок. События предыдущих «жизней» в мельчайших подробностях

плясали бестолковыми обезьянами в его голове. Он прижал ладони ко лбу, мечтая лишь о том, чтобы забыть все это.

Дверь тихо открылась, и высокая темноволосая женщина взглянула на него с порога со слабой улыбкой.

— Я же говорила, что вы не сможете унести с собой ничего, кроме воспоминаний.

Он обессиленно посмотрел на нее.

— Кажется, это было давным-давно.

Она кивнула, подошла и присела рядом.

— Ваше чувство времени искажено, как во сне.

— Я хотел бы забыть все это, — мрачно сказал Джим. — Не понимаю, зачем кому-то может понадобиться возвращаться сюда за добавкой.

Она подалась вперед и ухватилась за край матраса, чтобы не упасть от смеха.

— Да бог с вами! — сказала она, выпрямившись и силясь придать лицу серьезное выражение. — Никто не приходит за добавкой. В этом и заключается уникальность нашего препарата. Люди приходят, чтобы забыть о первой дозе.

Джим приподнялся.

— Я смогу это забыть?

— О да. Не нужно так волноваться! Вот за это вы на самом деле и заплатили свою тысячу дол-

ларов. Дающий забвение препарат продержится в крови от двух до трех недель. Когда воспоминания вернутся, вам следует снова посетить нас.

Джим пристально посмотрел ей глаза.

— И мой организм привыкнет к препарату? И это обойдется мне в два раза дороже после трех посещений, в четыре раза — после шести и в восемь раз — после девяти?

— Нет.

— Значит, вы мне солгали?

На ее лице промелькнуло странное выражение.

— Что вы хотели бы от меня услышать? Нет, я не лгала вам. Я всего лишь сказала то, что мне велено было отвечать.

— Тогда какой в этом смысл? — спросил Джим.

— Какой смысл в ограблении банка? — Она нахмурилась. — Вы задаете много вопросов. Не правда ли, это большая удача, что я знаю на них ответы? Обыкновенно мы никого к ним и близко не подпускаем, пока они не промаются две-три недели. Но вы, похоже, созрели очень быстро, поэтому я отвечу.

— Очень мило.

— Главная причина непомерной платы в том, чтобы вы не смогли расплатиться деньгами.

— И что это вам дает? — спросил Джим.

— Если вы приведете нового клиента, то получите три посещения бесплатно. За каждого, — объяснила она.

— Ага.

— Приходить сюда будет не так уж и противно.

— А что случится, если какой-нибудь недовольный клиент все-таки отправится в полицию и обо всем расскажет?

— Мы переедем в другое место.

— Но, предположим, вас поймают?

— Это невозможно. Или, по меньшей мере, маловероятно.

— Но вы уедете отсюда?

— Да.

— Что же будет со мной?

— Разве вы не понимаете? Мы должны будем уехать. Если кто-нибудь нас выдаст, мы не сможем остаться. Возможно, с вашей точки зрения это и неправильно, но мы не хотим рисковать.

Они замолчали, и подробности прежних «жизней» нахлынули на Джима. Внезапно он сел на кровати.

— Где этот ваш препарат забвения?

Она вышла и вернулась со стаканом бесцветной жидкости. Высыпала в него бледно-розовый

порошок и протянула Джиму. Он быстро выпил. По вкусу напиток напоминал растворенную в воде соду.

Джим посмотрел на женщину.

— Это ведь не то же самое, что в прошлый раз?

— Не беспокойтесь, — ответила она. — Вы забудете.

В комнате стало темнеть. Он откинулся на подушку. Последнее, что он ощутил, пока был в сознании, — ее прохладная рука у него на лбу. Последнее, что услышал, — легкий щелчок открываемой ею двери.

Джим сел на кровати. Быстро оделся, поехал к Уолтерсу и рассказал все, что смог вспомнить. Уолтерс немедленно организовал облаву. Джим лично наблюдал, как дом обыскали, но никого не поймали.

Через две недели и четыре дня нахлынули воспоминания. Жизнь Джима превратилась в кошмар. Со всех сторон на него сыпались любовь, ненависть и мельчайшие подробности шести отдельных жизней. Он пытался забыться с помощью наркотиков, но они лишь превратили страдания в безнадежное отчаяние. В конце концов его убили в перестрелке, как «врага общества

номер четыре»[36].

А потом он проснулся на кровати в комнате с раздуваемой ветром легкой занавеской на окне, сквозь которую пробивались яркие лучи утреннего солнца.

— Боже милосердный! — сказал он.

Дверь со щелчком закрылась.

Джим подскочил и выглянул за дверь. Вспышкой мелькнула юбка, а потом высокая узкая дверь в конце застеленного ковром коридора захлопнулась, скрыв женщину из вида.

Он отступил обратно в комнату. В доме было тихо, только вдалеке, на улице, слышался шум проезжающей машины.

С усилием проглотив комок в горле, он посмотрел в окно. В последний раз он беседовал с женщиной ранним утром. Сейчас тоже было раннее утро. Джим вспомнил, как перед уходом она сказала: «Вы забудете». Потом он прожил последнюю никчемную «жизнь»… и, пробудившись, услышал щелчок закрывшейся двери.

Все вместе заняло не больше пяти секунд реального времени.

Джим нашел свою одежду на ближайшем стуле

---

[36] Сноски: 36

«Врагом общества номер один» в Америке называли знаменитых преступников.

и начал одеваться. И вдруг понял, что воспоминания о прежних «жизнях» больше не были такими четкими. Они потускнели почти так же, как гаснут воспоминания о снах, когда человек просыпается и поднимается с постели. Почти, но не совсем. Джим заметил, что стоит подумать о них, как они снова проясняются.

Он попытался забыть и сосредоточил внимание на деревьях за окном, на изгибах ветвей и на том, как под порывами ветра балансирует на ветке черно-желтая птица.

Воспоминания снова угасли, и Джим задумался, что делать дальше. И тут же потрясенно вспомнил, как сказал Уолтерсу: «Если поутру я не появлюсь, хочу, чтобы вы пришли за мной».

А Уолтерс ответил: «Придем».

Значит, это было всего лишь вчера.

Джим закончил одеваться, глубоко вдохнул и вытянул руку перед собой. Она не дрожала. Он распахнул дверь, вышел в коридор и с запозданием на мгновение вспомнил, что случалось с ним шесть раз подряд до этого.

Когда он открыл глаза, пухлая седая женщина прикладывала влажный платок к его лбу и сочувственно кудахтала.

Джим осторожно поднялся на ноги и прошел

по дорожке к своей машине. Уселся на сиденье, включил мотор и ненадолго задумался. Потом отпустил стояночный тормоз и легонько надавил на педаль газа. Машина плавно скользнула вперед, под колесами захрустел гравий. Доехав до конца дорожки, Джим оглянулся на башню. Все планки жалюзи были идеально ровными. Джим нахмурился, пытаясь что-то вспомнить. Он посмотрел влево по улице, потом вправо, повернул и влился в не очень оживленное утреннее движение.

Не теряя времени, он направился прямо к Уолтерсу.

Для начала его внимательно осмотрели с головы до ног. Вид у Уолтерса был взвинченный. Он взял сигару из коробки на столе и засунул в рот незажженной.

— Полночи я говорил себе, что не все можно потребовать от человека за деньги. Но мы должны были это сделать. С тобой все в порядке?

— На данный момент.

— У меня в соседнем кабинете врачи и медицинские техники. Ты хочешь повидаться с ними сразу или попозже?

— Сразу.

Битый час совершенно голый Джим вставал,

ложился, смотрел на яркий свет, морщился, когда ему в руку вводили полую иглу, сдавал выделения на анализ, сидел с приклеенными к коже электродами, пока не получил итоговые заверения, что с ним все будет хорошо. Он оделся и снова оказался в кабинете Уолтерса.

Тот сочувственно посмотрел на Джима.

— Как ты себя чувствуешь?

— Помираю с голоду.

— Я пошлю за завтраком.

Уолтерс щелкнул селектором, отдал распоряжение и откинулся в кресле. Раскурил-таки, наконец, сигару, выпустил дым и спросил:

— Ну, рассказывай, что с тобой было?

Джим начал рассказ со вчерашних событий и закончил тем, как вырулил на дорогу сегодня утром.

Уолтерс слушал, сдвинув брови, и лишь время от времени затягивался сигарой.

Принесли завтрак — яичницу-болтунью с канадским беконом. Уолтерс встал и рассеянно смотрел в окно на проезжающие внизу автомобили. Джим сосредоточенно жевал, а потом отодвинул тарелку и откинулся на стуле.

Уолтерс затушил сигару в пепельнице и закурил новую.

— Дело серьезное. Ты и в самом деле отчетливо помнил подробности всех шести жизней?

— Хуже того, я помнил все свои эмоции, все увлечения. В первой жизни, например, у меня был собственный бизнес.

Джим замолчал, возвращаясь мыслями к «пережитому». Воспоминания постепенно снова сделались отчетливыми.

— Одного из моих людей, к примеру, звали Харт. Худой, ростом около пяти футов семи дюймов, с черными волосами, коротко стриженными при нашей первой встрече. Харт был прирожденным актером. Он мог сыграть любую роль. И дело не в выражении лица, оно почти не менялось. Менялись его манеры. Он мог шагнуть в двери отеля так, что коридорные бросались к его багажу, а портье вытягивался в струнку. Таким важным он казался. А мог зайти неуверенно, оглядываясь и моргая, расспрашивать о чем-то коридорных, ссутулившись прошаркать к стойке регистрации и получить безжалостный отказ. Или, опять-таки, мышкой прошмыгнуть через лобби и раствориться в воздухе так, что никто его не заметит и не вспомнит. Какую бы роль Харт ни играл, он жил в ней. И поэтому был бесценен.

Уолтерс слушал с напряженным вниманием и

даже вынул сигару изо рта.

— Ты хочешь сказать, что Харт — этот воображаемый человек, — он для тебя реален? Настолько же, как я?

— Вот именно. И не просто реален, он мне нравился. Но были и другие, более сильные привязанности. У меня была семья.

— И она тоже казалась настоящей?

Джим кивнул.

— Я понимаю, что это похоже на сумасшествие.

Уолтерс сострадательно покачал головой.

— Нет. Во всем этом появляется смысл. Теперь я понимаю, почему та девушка из больницы сказала врачу: «Ты даже не существуешь». Тебе не больно говорить об этих «жизнях»?

Джим замолчал, взвешивая ответ.

— Нет, пока не вдаешься в детали личного характера. Но я не могу описать, насколько это больно, когда воспоминания о шести жизнях одновременно кружатся в твоей голове.

— Представляю себе. Ну хорошо, давай проследим часть этих воспоминаний и посмотрим, насколько далеко заходят подробности.

— Окей. — Джим кивнул.

Уолтерс взял блокнот и ручку.

— Начнем с твоего бизнеса. Как ты назвал фирму?

— «Колдер и партнеры».

— Почему?

— Звучит представительно, хорошо смотрится на визитках или бланках и не говорит ничего конкретного.

— А какой у тебя был адрес?

— Четвертая Северная улица, а до того — Сто двадцать шестая.

— Сколько человек на тебя работало?

— В самом начале только Харт и еще один парень по имени Дин. В конце их было двадцать семь.

— Как их звали?

Джим назвал всех, одного за другим, без единой запинки.

Уолтерс пораженно заморгал.

— Назови еще раз, только помедленней.

Джим повторил весь список.

— Прекрасно, а теперь расскажи о них.

Джим описал каждого, добавляя все новые подробности по просьбе Уолтерса, и ко времени ланча большая часть блокнота была заполнена.

Они перекусили, и оставшуюся часть дня Уолтерс потратил на расспросы Джима о его первой

«жизни». Потом они заказали стейк и картофель фри в кабинет. Уолтерс молча жевал, а потом вдруг спросил:

— Ты хотя бы отдаешь себе отчет, что ни разу не сбился?

Джим удивленно посмотрел на него.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Попроси меня назвать имена моих сотрудников за все времена, и я смогу вспомнить не каждого, — объяснил Уолтерс. — Далеко не каждого. Ты помнишь свою приснившуюся жизнь до мельчайших деталей, и я никогда не сталкивался с такой абсолютной памятью.

— В этом и проблема. Я бы с радостью все забыл.

— Ты когда-нибудь рисовал? — внезапно спросил Уолтерс. — То есть в реальности. Я спрашиваю, потому что в одной из этих «жизней» ты вроде бы был знаменитым живописцем?

— Рисовал немного, еще мальчишкой. Хотел стать художником.

— Ты не мог бы заглянуть ко мне домой сегодня? Хочу посмотреть, умеешь ли ты на самом деле обращаться с кистями.

Джим кивнул.

— Хорошо. Попробую с удовольствием.

Они поехали вместе, и дома Уолтерс достал набор красок в запылившемся деревянном футляре, установил мольберт и натянул большой холст.

Джим замер на мгновение, вспоминая, а потом взялся за кисть. Как и всегда, все эти годы, он с головой ушел в работу и рисовал то, что уже рисовал прежде. А потом продал за хорошие деньги. И картина того стоила. Внутренним взором он все еще видел модель и работал быстрыми, точными мазками.

Наконец Джим отошел от мольберта.

«Моя леди в голубом» была приветливой семнадцатилетней девушкой. Она улыбалась с холста, готовая в любой момент рассмеяться или помахать рукой.

Джим обернулся, и на секунду комната показалась ему незнакомой. Но потом он вспомнил, где находится.

Уолтерс долго разглядывал картину, потом посмотрел на Джима и сглотнул. Бережно снял холст с подрамника, натянул вместо него другой, прошел через комнату и поднял большую кованую напольную пепельницу с рукоятью в виде скачущей лошади.

— Теперь нарисуй вот это.

Джим внимательно рассмотрел пепельни-

цу, подошел к холсту, поднял кисть и замер в нерешительности. Он не знал, с чего начать. Нахмурившись, Джим мысленно вернулся к первым своим урокам.

— Что ж, попробуем, — сказал он и обернулся. — У тебя случайно нет чертежной бумаги?

— Подожди минутку.

Джим прикрепил поверх холста лист бумаги и принялся методично наносить на него контуры пепельницы. Это было непросто, но он все-таки справился и с торжествующим видом посмотрел на рисунок.

— А копировальная бумага у тебя есть?

Уолтерс сдвинул брови.

— Есть, угольная.

— Отлично.

Уолтерс достал копировальную бумагу. Джим подложил ее под первый лист, закрепил и тщательно обвел контур карандашом. Потом снял бумагу и принялся рисовать. Наконец, утомленный и покрытый потом, он отступил от мольберта.

Уолтерс взглянул на его работу. Джим моргнул и тоже посмотрел.

— Немного не по центру, правда? — сказал Уолтерс.

В этом не было никаких сомнений: пепельница слишком сильно сместилась в правый верхний угол холста.

Уолтерс показал на другую картину.

— Тут мы видим шедевр, нарисованный легко и свободно. А здесь перед нами, скажем так, образец добротной, но механистичной работы с неправильным расположением на холсте. И он занял у тебя больше времени, чем первая картина. Как такое может быть?

— Я уже рисовал первую картину раньше.

— И ты помнишь каждое движение руки? Так ведь? — Он натянул новый холст. — Нарисуй еще раз.

Джим сдвинул брови, шагнул к мольберту, задумался на мгновение и начал рисовать. Он забыл обо всем, полностью сосредоточившись на работе. А потом шагнул назад.

Уолтерс перевел взгляд с новой картины на нарисованную прежде и с трудом проглотил комок в горле. Потом осторожно снял холст с мольберта и поместил рядом с первым.

Они выглядели совершенно одинаково.

Солнце едва осветило горизонт, а они уже возвращались в офис.

— Я посплю здесь, на раскладушке, — сказал

Уолтерс. — Ты не сможешь завтра прийти сюда где-то около трех?

— Конечно, смогу.

Джим уехал домой, лег спать, потом позавтракал и к трем часам был уже на месте.

Уолтерс сидел за столом, развалясь и пуская в потолок клубы табачного дыма.

— Это какая-то дьявольская загадка, — заявил он. — Я позвал с полдюжины экспертов взглянуть на одну из картин. Мне предложили пять тысяч, даже не зная имени художника. А затем я показал им вторую, и они едва не попадали от удивления. Такого просто не может быть, но картины совпадают до последнего мазка. Ты как себя чувствуешь?

— Лучше. И я кое-что вспомнил. Давай-ка посмотрим на макет.

Они подошли к столику. Джим ткнул пальцем в верхний этаж башни.

— Пусть кто-нибудь из твоих парней поедет и зарисует ее. А мы потом сравним рисунки с фотографиями.

Вскоре они уже сличали карандашные наброски с фотоснимками. На рисунках жалюзи в башне были в идеальном состоянии. Фотографии показывали, что несколько планок сломаны.

Уолтерс опросил своих людей, но те уверяли, что жалюзи были целыми.

— Ни один из тех, кто рисовал этот дом, не принимал наркотик, — заметил Джим, когда они вышли. — А уж фотокамеры и подавно не принимали.

— Давай посмотрим сами, — предложил Уолтерс.

Они проехали мимо особняка, и на вид жалюзи были целыми. А новые фотографии показали, что планки сломаны.

— Так с чем же мы здесь имеем дело? — спросил Уолтерс по возвращении.

— У меня есть пара мыслей на этот счет, — ответил Джим.

— Ну что ж, выкладывай.

— Мы часто делаем одни и те же вещи разными способами. К примеру, можно пройти от одного приморского городка до другого пешком, а можно проскакать на лошади, проехать на машине, пролететь на самолете или проплыть на моторной лодке.

— Согласен.

— Сотню лет назад этот список получился бы короче.

Уолтерс задумчиво кивнул.

— Я слушаю, продолжай.

— Тот, кто видит жалюзи целыми, находится в этот момент в ненормальном ментальном состоянии. Как он в нем оказался? Мы предполагали, что на него воздействует наркотик. Но точно так же, как есть много способов попасть из одного города в другой, могут быть и разные способы менять ментальное состояние. Возьмем, к примеру, скрытую рекламу, когда слова «ЖАЖДА», «ПИТЬ», «ПИВО» мелькают на экране с такой скоростью, что сознание не успевает их зафиксировать.

— Это запрещено законом.

— Допустим, кто-то выяснил, как это делать незаметно, и решил испытать метод в малом масштабе. Что, если это будет практически неуловимый код, выраженный звуками, а не буквами?

Уолтерс прищурился.

— Мы проверим каждый исходящий оттуда звук и обследуем все подозрительные сенсорные раздражители. А что за вторая мысль?

— Итак, вернемся к примеру с путешествием. Перебираясь из одного места в другое, многие животные способны бежать, лететь или плыть быстрее человека. Но дай человеку поработать над задачей подольше, он выкатит на стартовую линию на ракетоплане, и результат будет другой.

Однако пока человек находится на стадии размышлений и подготовки, другие существа могут обставить его. Есть куда лучшие летуны, пловцы, бойцы и…

Уолтерс нахмурился и вклинился:

— …и гипнотизеры? К примеру, змеи, чьи извивы, как считается, могут иметь гипнотический эффект?

— Да, или как оса-наездник зомбирует поведение паука.

— М-м. Возможно. Но я склоняюсь к теории скрытой рекламы. — Уолтерс посмотрел на макет особняка. — Где они могли спрятать прибор?

— А почему бы не в башне?

Уолтерс кивнул.

— Самое удобное место, легко охраняемое и недоступное для посетителей.

— Это объясняет загадку жалюзи, — добавил Джим. — Они опасаются пускать туда маляров и слесарей.

Уолтерс стряхнул пепел с сигары.

— Но как нам пробраться туда, чтобы проверить?

Они долго изучали макет, и Уолтерс в итоге покачал головой.

— Допустим, мы пошлем туда «строительного

инспектора». Его выпроводят, вызвав в голове сложную цепочку галлюцинаций, и он не выяснит абсолютно ничего. А если мы организуем облаву, они скроются с помощью этого устройства. Но должен быть какой-то другой способ.

— Эти деревья нависают над домом, — задумчиво проговорил Джим.

— Нависают, и что?

Они еще раз внимательно осмотрели деревья и башню.

Джим коснулся изогнутой ветки.

— Что, если спустить с нее веревку?

Уолтерс обвязал ниткой ластик и закрепил на ветке. Тот повис напротив верхнего окна башни. Уолтерс насупился, щелкнул селектором и вызвал нескольких своих людей. А затем обернулся к Джиму.

— Послушаем, что скажет Каллен. Ему уже приходилось заниматься чем-то похожим.

Каллен, мужчина с колючим взглядом, слушал Уолтерса, и его подвижное лицо с каждым словом становилось все несчастней.

— Нет уж, спасибо, — сказал он в итоге, качая головой. — Попросите меня взобраться на стену или крышу дома. Но только не свисать на веревке с ветки дерева. — Он щелкнул пальцем по ласти-

ку. Тот закружился, ударился об стену и отскочил обратно. — Допустим, я и вправду туда заберусь. Кругом ночь. Веревка крутится. Ветка качается вверх-вниз. И все с разным ритмом. А меня швыряет из стороны в сторону на конце веревки. Только что жалюзи были прямо передо мной, а через секунду — в пяти футах сбоку. Работа есть работа, но за это я не возьмусь.

Как только Каллен вышел, Уолтерс повернулся к Джиму.

— Похоже, вопрос закрыт.

Джим смотрел на ветку. Через две-три недели воспоминания нахлынут снова. Люди, которые это сделали, скроются и опять примутся за свое, а он останется с этими воспоминаниями.

Джим упрямо посмотрел на Уолтерса.

— Я залезу на это дерево.

Ночь была тихой, темное небо заволокли тучи. Джим ощущал под ладонями грубую кору. Он подтянул страховочный ремень, охватывающий ствол, передвинул выше одну ногу, затем другую, вонзая шипы альпинистских кошек в древесину. В ушах звучали наставления Каллена: «Тренируйся, изучай макет, прокручивай в голове каждый шаг. А потом, когда ты в самом деле полезешь на дерево и станет совсем худо, думай только о

том, что ты собираешься сделать прямо сейчас. А когда сделаешь, думай о следующем шаге».

Джим так и действовал, и темная лужайка неуклонно отдалялась. Ствол постепенно утончался, затем снова расширился. Он осторожно перебрался через нижнюю ветку, снова застегнул ремень и ощутил на лице теплое дуновение воздуха, прощальное дыхание жаркого дня. Где-то играло радио.

Он поднимался, прислушиваясь к шуршанию листьев вокруг.

Ствол опять расширился, и Джим понял, что достиг места, откуда тот разделялся, образуя крону дерева.

Джим осторожно подтянулся выше и на мгновение оторвал взгляд от ствола, чтобы посмотреть на особняк. Но увидел покатую черепичную крышу совершенно другого здания с ярко освещенным слуховым окном. Джим огляделся и отыскал нужную ему крышу башни в противоположной стороне. Должно быть, он потерял чувство направления и описал при подъеме полукруг.

Несколько минут он сидел, скорчившись, в развилке между ветвями, пока точно не определил, какая из них выгибается в сторону башни.

Потом снова застегнул пояс и начал карабкаться дальше. Ветка постепенно приближалась к горизонтали, становясь все тоньше. Теперь она отзывалась на каждое движение человека, тихонько покачиваясь. Джим с трудом удерживался на ней, но впереди уже слабо засияла крыша башни. Он вспомнил, что нужно снять кошки, иначе они потом запутаются в веревке. Джим изогнулся, пытаясь дотянуться до них, руки его дрожали. Он успокоил дыхание и посмотрел на крутую крышу.

Ветка стала уже почти горизонтальной. Если ползти дальше, она прогнется под его весом, и Джим повиснет вниз головой. Он оглянулся, и сердце заколотилось. Чтобы вернуться, ему пришлось бы ползти по тонкой жердочке ногами вперед.

Опять вспомнились слова Каллена: «Когда станет совсем худо, думай только о том, что ты собираешься сделать прямо сейчас. А когда сделаешь, думай о следующем шаге».

Он передвинулся на дюйм вперед. Ветка начала прогибаться.

Вокруг шелестели листья.

Ветка закачалась, поднимаясь и опускаясь под ним.

Тяжело дыша, Джим крепко вцепился в нее.

И полез дальше. Шелестели листья, ветка подбрасывала его вверх и снова оседала. Зажмурив глаза и прижавшись лбом к коре, он продолжал ползти вперед. Но вскоре почувствовал, что заваливается набок, и открыл глаза.

Башня была почти под ним.

Крепко обхватив ветку левой рукой, правой он нащупал привязанную к поясу веревку. Потом осторожно вытянул ее конец и обернул вокруг ветки. Затянул узел, который отрабатывал раз за разом на тренировках, и проверил, хорошо ли тот держит.

Ветер шуршал листвой, ветка раскачивалась.

Темная лужайка внизу рванулась навстречу, и Джим почувствовал, что практически падает. Дрожа всем телом, он вцепился в ветку. Больше нельзя было медлить ни минуты, или он окончательно утратит присутствие духа.

Глубоко вдохнув, Джим размотал веревку, закрутил страховочную петлю вокруг лодыжки, свесился с ветки, ухватился за веревку одной рукой, затем другой и заскользил вниз.

Веревка раскачивалась, ветка то опускалась, то поднималась. Даже само дерево, казалось, слегка наклонилось.

Джим висел, прижимая левой ногой петлю вокруг правой лодыжки. Раскачивание потихоньку затихло. Руки устали и ослабели.

Он медленно соскользнул по веревке. Жалюзи теперь были прямо напротив. Джим просунул руку в щель между планками и поднял железную щеколду. Под скрип петель Джим потянул ставни на себя.

Внутри была лишь беспросветная чернота.

Оконных створок Джим не нащупал. Тогда он поднялся чуть выше, оттолкнулся от стены, а когда веревка качнулась в обратную сторону, шагнул прямо в окно, зацепился за раму и спрыгнул на пол.

Ставни снова заскрипели, когда Джим закрыл их, но в доме царила тишина. Простояв в неподвижности с минуту, он отстегнул с пояса футляр, достал фонарик с поляризатором и повернул линзу. Осторожно нажал большим пальцем кнопку, и комнату осветил тусклый луч.

Что-то сверкнуло раз, другой. От пола до потолка тянулись поблескивающие металлом параллельные линии. А еще чувствовался едва уловимый странный запах.

В доме было тихо. Порыв ветра принес играющую где-то вдалеке музыку.

Джим осторожно повернул линзу, и луч засветил ярче.

Вертикальные линии походили на прутья решетки.

Джим шагнул вперед, вглядываясь в темноту.

За решеткой что-то шевельнулось.

Попятившись, Джим расстегнул клапан набедренного кармана и стиснул холодный металл пистолетной рукояти. Что-то большое и темное скользнуло вверх по решетке.

Джим поднял пистолет.

В ответ послышался тихий шипящий голос:

— Ты из правоохранительных органов? Хорошо.

Джим опять потянулся к поляризатору, чтобы лучше разглядеть говорившего. Но тихий шипящий голос продолжил:

— Не надо. Ты ничего не выиграешь, если увидишь меня.

Рука Джима рефлекторно сжала пистолет, в то время как мозг столь же рефлекторно сформулировал вопрос.

— Кто я такой? Почему я здесь? — прозвучало в ответ. — Если я попытаюсь рассказать, твоему разуму будет непросто поверить мне. Поэтому я лучше покажу.

Комната словно бы пришла в движение и закружилась все быстрей и быстрей. Голос слышался со всех сторон сразу, а потом кто-то приподнял Джима, но не прямо вверх, а под углом.

Он уставился на индикатор, постукивая по нему пальцем. Стрелка не двигалась. Потом бросил взгляд на голубовато-зеленую планету на экране. Давление фотонов было на нуле, и не оставалось ничего другого, кроме как попытаться совершить посадку на химическом двигателе. Пристегнувшись в противоперегрузочном кресле, он впервые задумался о масштабе постигшей его неудачи.

Любой космический пилот-одиночка, напомнил он себе, обязан быть хорошим механиком. А частный исследователь планет должен быть сам себе пилотом, ради экономии средств. Более того, любому, кто собирается исследовать Лудт VI с его высокой гравитацией и давлением, а также ужасным психическим напряжением нужно быть сильным и здоровым.

Эти параметры делали Лудт VI практически полной монополией крупных организаций с крутыми командами специалистов. Они посылали хорошо экипированные экспедиции, отлавливали разумную квоту спатов, на обратном пути

обучали их и по роскошной цене продавали этих ужасных созданий любому содержателю салонов грез в системе. Из этого солидного дохода они отбивали чуть менее солидные издержки и получали скромную, но надежную прибыль от своих инвестиций. С небольшими экспедициями все обстояло иначе.

Небольшие экспедиции сопряжены с серьезным риском, а одиночные были рискованнее всего. Однако в случае успеха обученный спат продавался по той же роскошной цене, но без огромных затрат на топливо, специалистов, оборудование и страховку. И этот полет оказался почти удачным. В спальном отделении содержалось трое уже неплохо обученных спатов.

Он был опытным дрессировщиком, бывалым исследователем, сносным пилотом и находился в неплохой физической форме, вот только в механике разбирался плохо. И понятия не имел, как справиться с поломкой.

Он просто сидел в кресле и смотрел, как приближается край планеты в обрамлении темно-синего неба.

Все расплылось в сером тумане. Джим стоял в темноте и видел перед собой слабо поблескивающие прутья решетки.

С них по-прежнему свисал черный клубок.

Где-то в глубине старого особняка зазвенел телефон.

— Ты был этим пилотом? — тихо спросил Джим.

— Нет, я был спатом. Остальные погибли при крушении. Люди твоей расы нашли меня, и мы заключили… соглашение. Но все вышло не так, как я ожидал. Переживания, которые я в вас возбуждал, были приятны и мне, и вам. Но либо ваш мозг устроен иначе, чем у пилотов, либо вам не хватает навыков ментального контроля. Вы не способны стирать эти переживания, и хотя я с легкостью могу заглушить их, это лишь на время.

Внизу открылась и захлопнулась дверь. По лестнице застучали шаги.

— Ты должен уйти и привести помощь, — снова послышалось шипение.

Джим подумал о ветке и веревке и не двинулся ни на шаг в сторону окна, а только крепче сжал пистолет.

— Я понимаю твои трудности и помогу тебе, — прошипел спат.

Внизу хлопнула винтовка, снаружи раздались еще выстрелы. Джим раздвинул жалюзи, посмотрел на залитую светом лужайку в тридцати футах

под собой и ощутил легкое головокружение.

— Держись за веревку, — сказал шипящий голос. — А теперь осторожно вылезай. Обхвати веревку ногами.

Где-то на краю сознания Джима шевельнулось беспокойство. Он удивился ему, пока поднимался на веревке к перекладине над головой, потом взобрался на брус, но поскользнулся и едва не сорвался вниз. Перекладина была крепкой на вид, и Джим удивился, когда она вроде как качнулась под ним. Зеленая лужайка лежала под ногами столь близко, что ни о какой опасности не могло быть и речи, и Джим не мог понять, почему так часто дышал, когда развернулся на перекладине и соскользнул на какую-то площадку. Там он нацепил кошки и продолжил спуск. И все это время в голове шуршал голос, твердивший, что осталось всего несколько футов, всего несколько футов, и шаг за шагом Джим продвигался вниз, как вдруг услышал стрельбу, выкрики приказов и повторяющиеся пронзительные вопли.

Джим шагнул на мягкий газон, споткнулся и опустился на колени, чтобы снять кошки. Сердце стучало, как свайный молот. Со всех сторон били прожекторы. В особняке вспыхнул свет, и на Джима стремительно накатились воспомина-

ния. Он глубоко прерывисто вдохнул, поглядел на дерево, а потом заметил кучку людей у основания башни. Подойдя ближе, он узнал в свете прожекторов Уолтерса и увидел неподвижную фигуру на земле.

— Я не должен был это разрешать, — сказал Уолтерс. — Закрой ему лицо, Каллен.

Каллен наклонился и натянул пиджак на голову неподвижной скрюченной фигуре.

Джим посмотрел вниз.

И увидел собственное лицо.

Он ощущал темноту и что-то твердое под собой. Где-то неподалеку приглушенно звучали голоса. Зазвенел телефон, хлопнула дверь, стекло царапнуло по стеклу. Он вдохнул глубже и уловил знакомый запах удушливого сигарного дыма.

Джим приподнялся и сел.

Рядом стоял на столике макет особняка. Джим осторожно поднялся на ноги, пересек комнату, открыл дверь в соседний кабинет и заморгал от яркого света. Уолтерс поднял голову и ухмыльнулся.

— Еще одна такая ночка, и я уйду на покой. Как ты себя чувствуешь?

— Везде болит, и голова кружится. Как я сюда попал?

— Я боялся, что ты не сможешь пробраться туда и спугнешь их, поэтому решил окружить дом. Мы видели, как ты залез в окно, минут пять ничего не происходило, а потом ставни открылись, и выглянула чья-то фигура. Из слухового окна дома напротив грохнул винтовочный выстрел. Я послал туда людей, а остальные подошли ближе к особняку. Мы осветили дом прожекторами с автомобилей и только нашли твое, как нам показалось, тело со сломанной шеей, когда позади послышался глухой шлепок. Это спустился ты, и тут другое тело исчезло.

В тот момент я уже подумал, что все будет как обычно. Но на этот раз мы накрыли группу совершенно растерявшихся мужчин и женщин. Отпечатки пальцев некоторых из них совпали с теми, что обнаружены на первой точке. Прибора мы пока не нашли, потому что лестница в башню заколочена, и… Что-то не так?

Джим рассказал ему свою версию и добавил:

— Раз уж этот выстрел прозвучал раньше, чем я на самом деле открыл ставни, то та «фигура», вероятно, была иллюзией, чтобы одурачить стрелка. И раз уж я слышал шаги по лестнице до того, как вы ворвались в дом, то непонятно, как она могла быть заколочена.

Уолтерс выпрямился в кресле.

— Еще одна иллюзия!

— Неплохо было бы выяснить, есть ли пределы для этих иллюзий, — заметил Джим.

— Сегодня днем мы разглядывали жалюзи на башне в полевой бинокль, — ответил Уолтерс. — С расстояния в четыреста футов хорошо видны сломанные планки. Так что пределы есть. Но если нет никакого прибора, значит, это нечто сверхъестественное, «спат» он там или не «спат».

Джим покачал головой.

— Не знаю. Одни и те же электромагнитные законы и схожие компоненты можно использовать для изготовления самых разных приборов: радио, телевизора, компьютера. Чем это станет, зависит в основном от того, как ты соединишь детали. Не исключено, что в иных условиях другой планеты отдельные части нервной системы, похожие на человеческие, могут использоваться для создания опасных иллюзий в головах других существ.

— Но это не избавляет нас от проблемы. Что нам делать с этим твоим чудом?

— У меня создалось впечатление, что он чем-то напоминает торговца, продающего свои товары, чтобы заработать на пропитание. Разреши мне вернуться, и посмотрим, смогу ли я с ним дого-

вориться.

— Я пойду с тобой.

Джим помотал головой.

— Один из нас должен оставаться за пределами четырехсотфутовой зоны.

* * *

Лестница в башню была узкой. Возле прочной баррикады из досок и кусков штукатурки топтались усталые люди Уолтерса. Джим нахмурился, посмотрел на преграду и крикнул наверх:

— Я хочу поговорить с тобой!

В самой ткани бытия как будто произошел какой-то сдвиг. Джим обнаружил, что смотрит на стену с обвалившейся штукатуркой и торчащими обломками досок. Лестница рядом была совершенно свободна. Он начал подниматься.

Уставившийся в стену мужчина произнес:

— Ты видел? Он каким-то образом это обошел.

У Джима закололо в затылке. Он поднялся к высокой двери, открыл ее и оказался там, где уже побывал раньше.

— Я рад, что ты вернулся, — послышалось слабое шипение. — Долго мне так не продержаться.

— Мы хотим заключить с тобой соглашение. Иначе нам придется применить силу.

— В этом нет необходимости. Я прошу только еду, воду и возможность использовать свои способности. И был бы очень счастлив помещению с повышенным атмосферным давлением. Падение давления утомляет, и мне становится трудно себя контролировать.

Джим припомнил ту ночь, когда ему показалось, будто особняк и лужайки ярко освещены, хотя небо было закрыто темными тучами, сквозь которые пробивался лишь узкий серп луны.

— Приближалась гроза, — объяснил шипящий голос. — Атмосферное давление резко упало. Я обессилел и создал неверную иллюзию. Вы сможете обеспечить мне то, в чем я нуждаюсь?

— Пищу, воду и барокамеру — да. А вот насчет использования способностей я ничего обещать не могу.

— В мире появилась картина, которой раньше не было. Ее написали мы с тобой.

— К чему ты клонишь?

— Я не могу повысить мастерство тому, у кого нет таланта, искреннего желания и увлеченности. Не могу комбинировать факты или воспоминания на пустом месте. Но в пределах этих ограничений я готов помочь тебе и другим достичь такой степени концентрации, какая

доступна в вашем мире немногим.

— А ты можешь научить нас добиваться такой концентрации самостоятельно?

— Не знаю. Надо будет попробовать. Я прожил здесь довольно долго и узнал, что твоя раса использовала лошадей для расширения двигательных возможностей, собак для улучшения способности выслеживать добычу по запаху, а также коров и гусей для преобразования плохо перевариваемых листьев и травы в продукты питания. Все они стали вашими партнерами в физическом мире. Мне представляется, что я могу стать кем-то подобным, но в ментальном.

Джим колебался.

— Ты же поможешь нам забыть все эти иллюзорные жизни?

— С легкостью. Но, как я уже говорил, эффект будет временным.

Джим кивнул.

— Что ж, посмотрим, что можно будет сделать.

Он вышел из башни и рассказал обо всем Уолтерсу. Тот внимательно выслушал и схватился за телефон.

На следующее утро Джим опять поднялся по ступенькам к высокой узкой двери. За ним следовал капрал с портативным телепередатчиком.

Снаружи ветряной мельницей ревел вертолет, а еще выше гудели реактивные самолеты.

Когда они вошли, капрал открыл затвор объектива и тихо сказал что-то в микрофон. В голове Джима прошипел знакомый голос:

— Я готов.

— За домом следят по телевизионной трансляции, — начал Джим. — Если обнаружатся существенные различия между тем, о чем докладывают наблюдатели, и тем, что показывает камера, этот дом со всем содержимым будет мгновенно уничтожен.

— Я понимаю, — ответил спат.

Он объяснил, как снять один из прутьев решетки. Джим сделал это и отступил назад.

На лестнице послышались шаги. В дверь просунули большой тяжелый ящик с откинутой на петлях крышкой.

Нечто проскользнуло по полу прямо в ящик, сжимаясь и разжимаясь. Джим опустил крышку и защелкнул навесной замок. Ящик подняли и понесли по лестнице. Джим и капрал спустились следом. Когда они вышли из парадных дверей, к борту поджидающего грузовика уже приставили крепкие доски. Обливаясь потом, люди в хаки затолкали ящик по доскам в кузов. Задняя дверь

кузова закрылась, взревел мотор, и машина уехала.

Джим подумал о том месте, куда она следовала: герметичном резервуаре с высоким давлением, установленном в бетонном бункере под надежным стальным щитом посреди пустыни.

Он оглянулся и увидел Уолтерса, с улыбкой протягивающего ему тонкий конверт.

— Отличная работа! И, как мне кажется, сотни излечившихся наркоманов из психиатрических больниц поддержат это мое мнение.

Джим поблагодарил, а потом Уолтерс проводил его к машине со словами:

— А теперь тебе необходимо хорошенько выспаться.

— Еще как!

Дома измученный Джим погрузился в тяжелый сон. Ему снился кошмар, будто бы он очнулся на кровати в комнате с раздуваемой ветром легкой занавеской на окне, сквозь которую пробивались лучи утреннего солнца.

Джим сел, внимательно осмотрел мебель в комнате, ощутил твердость стены и задал себе вопрос, который, как он отчетливо понимал, еще не раз будет мучить его: «Что именно было сном?»

Джим вспомнил свой страх во время подъема

на дерево и совет Каллена: «Когда станет совсем худо, думай только о том, что ты собираешься сделать прямо сейчас. А когда сделаешь, думай о следующем шаге».

Джим улыбнулся этой мысли и откинулся обратно на кровать. Он не может быть абсолютно уверен, что все это реально. Но, даже если и так, он чувствовал, что в конечном итоге победит.

Ни один кошмар не может длиться вечно.

Оператор. Деймон Найт (1922–2002)

Rogue

август

Мы уже говорили о фантастике Деймона Найта в предыдущих томах этой серии. А также пели хвалу его организаторскому таланту, принесшему неоценимую пользу нашему жанру, его достижениям в качестве критика и наставника молодых фантастов, так что позвольте мне упомянуть здесь пару его нехудожественных работ, ставших значительным вкладом в историю литературы. Первая из них – Charles Fort, Prophet Of The Unexplained («Чарльз Форт, пророк необъяснимого», 1970), биография человека, составившего книгу о загадочных явлениях и подарившего целому поколению молодых фантастов и тех, кому предстояло стать фантастами, превосходный источник сюжетных идей; вторая – «Футурианцы: История научно-фантастической „семьи“ 30-

х годов, из которой вышли лучшие писатели и редакторы наших дней» (1977; это полное название), рассказ о выдающейся группе людей, подарившей миру именно тех, о ком говорится в заглавии. (М. Г.)

Я не могу не вздыхать, глядя на состояние, до которого деградировала американская политика в нашу телевизионную эру. Главные заботы кандидатов в президенты – улыбаться, иметь хорошую прическу и махать рукой. А за их спинами скрываются те, кто на самом деле руководит кампанией, диктует стратегию, придумывает контрагитацию.

Друг без друга эти люди не могут. У парня, работающего фасадом, может не хватать мозгов, и без постоянного контроля это было бы мучительно очевидно. А тому, кто скрывается в тени, зачастую не хватает харизмы, и он не способен ничего добиться без имиджа, создаваемого номинальным вожаком.

Почему я рассуждаю об этом здесь? А вы прочитайте «Оператора», написанного за два десятилетия до времен Рейгана и Буша. (А. А.)

Когда на пороге появился великан, все повер-

нулись в его сторону и замерли, точно охотничьи собаки в стойке. Пианист бросил молотить по клавишам, парочка распевавших песни пьяных заткнулась, а красивые люди с коктейлями в руках перестали болтать и смеяться.

— Пит! — взвизгнула стоявшая ближе всех женщина, и он вошел в зал, крепко прижимая к себе двух девушек.

— Как ты, солнышко мое? Сюзи, чудесно выглядишь, так бы тебя и съел, если б уже не поужинал. Джордж, старый пират… — Он отпустил девушек на волю, схватил в охапку зарумянившегося лысого коротышку и хлопнул его по плечу. — Ты был великолепен, солнышко, я серьезно, просто великолепен. А ТЕПЕРЬ СЛУШАЙТЕ МЕНЯ! — завопил он, перекрывая голоса, только и галдящие: *Пит то да Пит се.*

Кто-то поднес ему мартини, и здоровяк остановился с бокалом в руке — загорелый, высокий, в вечернем костюме, сверкающий зубами белыми, как манжеты его рубашки.

— Мы устроили шоу! — сообщил он.

Раздались согласные вопли и гул голосов: *Мы правда устроили шоу… О боже мой… Пит, ты только послушай… Шоу…*

Он поднял руку.

— Это было хорошее шоу!

Снова вопли и гул голосов.

— И спонсору оно вроде как понравилось — он только что подписал нас на осень!

Визги, рев, люди аплодируют и подскакивают на месте. Здоровяк хотел было сказать что-то еще, но, широко улыбаясь, сдался. Его окружили мужчины и женщины, все они пытались пожать ему руку, сказать что-то на ухо, обнять.

— Люблю вас ВСЕХ! — прокричал он. — А теперь давайте-ка повеселимся как следует!

Толпа разбилась на группки, и снова началась болтовня. Со стороны барной стойки доносился звон стаканов.

— Господи, Пит, — говорил тощий пучеглазый парень, сгибаясь от восхищения, — когда ты уронил аквариум, я — богом клянусь — думал, что обмочусь…

Здоровяк счастливо расхохотался:

— Да, у меня твоя физиономия до сих пор перед глазами стоит. И еще рыбы, скачущие по всей сцене. Ну что еще мне оставалось делать — только встать на колени, — так он и сделал, а потом наклонился и уставился на воображаемых рыбок на полу, — и сказать: «Да, ребята, этого мы не учли!»

Он поднялся под общий хохот. Люди смыкались вокруг него концентрическими кругами, а те, кто оказался в задних рядах, залезали на диваны и скамейку пианиста, чтобы лучше видеть. Кто-то крикнул:

— Спой про золотую рыбку, Пит!

Согласные крики: *Да-да, Пит, пожалуйста, спой про золотую рыбку*.

— Уговорили, уговорили. — Здоровяк, широко улыбаясь, уселся на подлокотник кресла и поднял бокал. — И-и рас, и-и тфа… а кте ше мусыка?

От пианино донеслась возня. Кто-то выбил несколько аккордов. Здоровяк состроил комическую гримасу и запел:

— О-о-о… как мечтаю я о том… чтоб рыбкой золотою стать… захочешь ласк, взмахнешь хвостом… и девочек собралась рать.

Смех — и девушки смеялись громче всех, и шире всех раскрывали свои алые рты. Одна раскрасневшаяся блондинка положила руку на колено великана, а другая уселась, прижавшись к его спине.

— А теперь серьезно… — начал он. Это снова встретили смехом.

— Нет, правда серьезно, — повторил он сочным голосом, и зал вокруг притих. — Я хочу сказать

вам со всей серьезностью, что в одиночку у меня ничего бы не вышло. И раз уж, как я посмотрю, среди нас сегодня есть иностранцы, литваки и прочие труженики прессы, я хотел бы представить всех самых важных людей. В первую очередь Джорджа, нашего трехпалого дирижера, — нет в мире человека, который смог бы повторить то, что он сделал сегодня днем. Джордж, я тебя обожаю.

Он обнял зардевшегося лысого коротышку.

— А теперь мое главное солнышко… Рути, ты где? Милая, ты была лучше всех, само совершенство — я серьезно, детка… — Он поцеловал темноволосую девушку в алом платье, которая прослезилась и уткнулась лицом в его широкое плечо. — А ты, Фрэнк… — Он ухватил пучеглазого худыша за рукав. — Как тебя назвать? Солнышком, что ли?

Худыш моргал, готовый расплакаться; здоровяк хлопнул его по спине.

— Сол, и Эрни, и Мак, мои сценаристы — Шекспир бы обзавидовался…

Один за другим они подходили пожать руку великана после того, как тот называл их имена; женщины целовали его и рыдали. «Мой дублер», представлял он, и «мой ассистент», а под конец,

когда гости, раскрасневшиеся, с саднящими от восторженных криков глотками, чуть унялись, сказал:

— А теперь я хочу познакомить вас со своим оператором.

Зал умолк. Лицо большого человека сделалось задумчивым и испуганным, как будто его настиг внезапный приступ боли. А потом он застыл. Так и сидел, не дыша и не моргая. За спиной у него началось какое-то суматошное копошение. Сидевшая на подлокотнике кресла девушка вскочила и отошла. Смокинг великана разошелся на спине, и наружу показался человечек. Его смуглое лицо под шапкой черных волос блестело от пота. Он был очень маленьким — почти карликом, — сутулым и горбатым, одетым в потные бурые майку и шорты. Человечек выбрался из полости и аккуратно поправил за собой смокинг. Великан теперь сидел неподвижно, с глупым выражением на лице.

Человечек слез на пол, нервно облизывая губы. *Привет, Гарри,* сказали ему несколько гостей.

— Привет, — отозвался Гарри и помахал рукой. Ему было около сорока, у него был большой нос и большие кроткие карие глаза. Голос его оказался надтреснутым и неуверенным. — Ну и шоу мы

устроили, верно?

Это точно, Гарри, вежливо ответили они. Он отер лоб тыльной стороной ладони.

— Жарко там, внутри, — объяснил он с извиняющейся улыбкой.

Конечно, Гарри, представляю себе, сказали ему. Люди по краям толпы уже отворачивались и сбивались в маленькие кучки для разговоров; шум голосов сделался громче.

— Послушай, Тим, я бы чего-нибудь выпил, если можно, — сказал человечек. — Не люблю его оставлять… ну, ты понимаешь… — Он махнул рукой в сторону умолкшего великана.

— Конечно, Гарри, чего тебе принести?

— О… ну… стаканчик пивка?

Тим принес ему пива в пльзенском бокале, и человечек жадно его осушил, нервно стреляя по сторонам карими глазами. Многие из собравшихся успели сесть; кое-кто уже шел на выход.

— А что, Рути, — сказал человечек спешащей мимо девушке, — страшненько было, когда аквариум разбился, да?

— А? Прости, милый, я не расслышала. — Она склонилась поближе.

— О… да неважно. Ерунда.

Девушка коснулась его плеча и сразу же убрала

руку.

— Прости, малыш, мне надо Роббинса поймать, пока он не ушел. — И она вновь устремилась к двери.

Человечек отставил бокал и уселся, нервно крутя узловатыми пальцами. Рядом с ним остались только лысый и пучеглазый. На губах человечка затеплилась беспокойная улыбка; он взглянул на одного, затем на другого.

— Ну что, — начал он, — одно шоу мы с вами отыграли, ребята, но надо, наверное, уже начинать думать и о…

— Послушай, Гарри, — серьезно сказал лысый, склонившись к нему и коснувшись его запястья, — не пора ли тебе залезать обратно?

Человечек посмотрел на него печальными, как у гончей, глазами и смущенно понурил голову. Потом неуверенно поднялся, сглотнул и ответил:

— Ну что ж…

Он вскарабкался на кресло за спиной здоровяка, раздвинул ткань смокинга и одну за другой закинул внутрь ноги. Несколько человек наблюдали за ним без улыбок на лицах.

— Я думал немножко расслабиться, — еле слышно сказал он, — но если нужно…

Он ухватился за что-то обеими руками и втя-

нулся внутрь. Его смуглое неуверенное лицо скрылось из виду.

Неожиданно большой человек моргнул и вскочил.

— Так, ребята, — воскликнул он, — это что у нас за вечеринка такая? Давайте-ка повеселее, пободрее…

Вокруг него оживлялись лица. Люди придвигались поближе.

— А ну-ка, я хочу слышать музыку!

Великан ритмично захлопал в ладоши. Ему ответило пианино. Остальные тоже принялись хлопать.

— Эй, мы тут живые или просто ждем, когда за нами катафалк приедет? Не слышу вас! — Он приложил ладонь к уху, и толпа откликнулась довольным ревом. — Погромче, погромче, не слышу!

Толпа заревела громче. *Пит, Пит,* галдели голоса.

— Ничего не имею против Гарри, — признался среди шума лысый коротышка, — для обывателя он не так уж плох.

— Понимаю тебя, — откликнулся пучеглазый, — он ведь это все не специально.

— Конечно, — сказал лысый, — но, господи

Иисусе, эта потная майка и все остальное…

Пучеглазый пожал плечами.

— Ну что тут поделаешь…

А затем оба разразились смехом, потому что великан скорчил потешную рожицу — вывалил язык, собрал глаза в кучу. *Пит, Пит, Пит.* Зал ходил ходуном, вечеринка удалась и затянулась до глубокой ночи, и все было просто прекрасно.

Голоса времени. Джеймс Грэм Баллард (1930–2009)

New worlds (Великобритания)

октябрь

Дж. Г. Баллард уже давно входит в число самых любимых моих писателей, но, должен признаться, я и поныне предпочитаю того Балларда, что написал «Ветер ниоткуда» (1962), «Затонувший мир» (1962), «Выжженный мир» (1964) и «Хрустальный мир» (1966), а главное – рассказы, вошедшие в сборники «Голоса времени» (1962), «Биллениум» (1962), «Билет в вечность» (1963) и «Последний берег» (1964).

«Голоса времени» – блестящий образец Балларда той поры, находящегося на пике формы, – превосходная выверенная проза и тема, с которой смогли бы справиться лишь немногие писатели, – влияние второго закона термодинамики на время. (М. Г.)

В современном обществе существует течение, которое пытается избавиться от оков,

сдерживавших в прошлом интеллектуальную деятельность.

И вот уже современная живопись отказывается от натурализма, и мы больше не требуем от художников писать картины, похожие на фотографии. Нам нужны впечатления и настроения, а не скучный реализм.

Точно так же современная музыка отбрасывает простоту «мелодий, которые можно насвистывать», и обращается к более сложным и даже абстрактным комбинациям звуков. Даже современная наука отошла от простых законов, лежавших в основе наших взглядов на Вселенную до начала этого века, и принялась заигрывать с относительностью и квантовой теорией, которые бросают вызов «здравому смыслу» и, более того, ставят под сомнение фундаментальную систему каузальности[37].

*Поэтому неудивительно, что и современная литература может отмахнуться от простого построения сюжетов с началом, серединой и концом и более не считает необходимым «рассказывать истории» по-старо-

[37] Сноски: 37

Каузальность — философское и физическое понятие — причинная взаимообусловленность событий во времени. — *Прим. ред.*

му. Она точно так же способна выражать настроение или вызывать эмоции, причем самым безумным образом. Сам я так писать не умею и даже не пытаюсь, а вот Баллард умеет – и пишет. (А. А.)

I

Впоследствии Пауэрс часто вспоминал об Уитби и тех странных бороздках, которые биолог — казалось бы, ни с того ни с сего — выдолбил на дне пустого бассейна. Глубиной в дюйм, длиной двадцать футов, сплетающиеся в сложную идеограмму, похожую на китайский иероглиф, эти линии отняли у него целое лето, и Уитби явно не думал ни о чем другом, работая без устали все долгие пустынные дни. Из окна своего кабинета в дальнем конце неврологического крыла Пауэрс наблюдал, как он тщательно натягивает нитки между колышками и уносит бетонную крошку в маленьком холщовом ведерке. После самоубийства Уитби линии никого не интересовали, однако Пауэрс часто одалживал у завхоза ключ, подходил к заброшенному бассейну и вглядывался в лабиринт затхлых канавок, наполовину заполненных сочившейся из хлоратора водой, — в загадку, ответа на которую теперь не будет.

Но поначалу Пауэрс был слишком занят завершением работы в Клинике и планированием собственного окончательного ухода. После первых недель бешеной паники он сумел прийти

к шаткому смирению, которое позволило ему взирать на свое положение с отстраненным фатализмом, до этого приберегаемым для пациентов. К счастью, деградация его была одновременно физической и ментальной — слабость и апатия приглушали тревогу, затухающий метаболизм вынуждал сосредотачиваться, чтобы не сбиваться с мысли. Вдобавок становившиеся все более длинными промежутки сна без сновидений приносили что-то вроде успокоения. Пауэрс обнаружил, что начинает их предвкушать, и больше не пытался просыпаться раньше необходимого.

Сперва он держал у постели будильник, стремился втиснуть в постепенно сжимающиеся часы бодрствования как можно больше дел — разбирал библиотеку, ездил в лабораторию Уитби, чтобы отсмотреть свежую партию рентгеновских снимков, вел учет каждому часу и каждой минуте, точно последним каплям воды во фляге.

К счастью, Андерсон невольно заставил его осознать бессмысленность такой линии поведения.

После того как Пауэрс уволился из Клиники, он продолжал каждую неделю ездить туда на медосмотр, который был теперь не более чем формальностью. В последний, как оказалось, визит Андерсон для проформы взял у Пауэрса

кровь на анализ, заметив одряблевшие мышцы его лица, замедленный зрачковый рефлекс, небритые щеки.

Он сочувственно улыбнулся сидевшему напротив Пауэрсу, не зная, что сказать. Раньше он устраивал для тех пациентов, что поумнее, ободряющие спектакли, даже пытался предоставить им какое-то объяснение. Но предложить хоть что-то Пауэрсу — выдающемуся нейрохирургу, человеку, который вечно находился на передовом рубеже и чувствовал себя комфортно, лишь работая с незнакомыми данными, — было слишком трудно. «Прости, Роберт, — подумал Андерсон. — Что я могу тебе сказать — „Даже солнце остывает“?» Он наблюдал за тем, как Пауэрс нетерпеливо барабанит пальцами по лакированной столешнице, разглядывая висящие на стенах схемы отделов позвоночника. Несмотря на запущенный вид — на нем были все те же неглаженая рубашка и грязные белые кеды, что и на прошлой неделе, — Пауэрс выглядел собранным и владеющим собой, точно конрадовский бродяга[38], более или менее смирившийся с соб-

[38] Сноски: 38

Вероятно, речь идет о персонажах Джозефа Конрада (1857–1924), английского писателя-неоромантика, мастера приключенческих романов с морской тематикой. — *Прим. ред.*

ственными слабостями.

— Чем занимаешься, Роберт? — спросил Андерсон. — Все ездишь в лабораторию Уитби?

— Когда могу. На дорогу через озеро у меня уходит полчаса, а еще я часто не слышу будильника. Может быть, я брошу свой дом и переселюсь туда окончательно.

Андерсон нахмурился.

— А есть ли в этом смысл? Насколько я понимаю, Уитби занимался довольно спорными вещами… — Он осекся, осознав, что в этих словах кроется имплицитная критика собственной провальной работы Пауэрса в Клинике, но тот, похоже, не обратил на это внимания, разглядывая узор теней на потолке. — И вообще, разве не лучше было бы остаться там, где ты живешь сейчас, среди принадлежащих тебе вещей, перечитать еще раз Тойнби и Шпенглера?

Пауэрс усмехнулся.

— Вот уж чего мне точно не хочется делать. Я хочу *забыть* Тойнби и Шпенглера, а не пытаться их вспомнить. Собственно говоря, Пол, я хотел бы забыть вообще обо всем. Но не уверен, что мне хватит времени. Как много можно забыть за три месяца?

— Полагаю, что все, если очень хочется. Но не

пытайся обогнать время.

Пауэрс молча кивнул, мысленно повторив последнюю фразу. Он именно что пытался обогнать время. Встав, чтобы попрощаться с Андерсоном, он вдруг решил выбросить будильник и покончить со своей бессмысленной одержимостью временем. Чтобы не забыть об этом, Пауэрс снял наручные часы, переставил их стрелки в случайное положение, а потом убрал в карман. По пути на стоянку он размышлял о свободе, которую подарит ему этот простой поступок. Теперь он будет исследовать боковые дороги, черные ходы, если можно так выразиться, в коридорах времени. Три месяца могут продлиться целую вечность.

Он нашел взглядом свою машину и подошел к ней, прикрывая глаза от яркого солнца, палившего над параболическим изгибом крыши лекционного зала. И уже собирался сесть за руль, когда увидел, что кто-то вывел пальцем на пыльном лобовом стекле цифры:

96 688 365 498 721

Обернувшись, Пауэрс узнал припаркованный рядом белый «паккард»; он заглянул внутрь и увидел, что за ним сквозь темные очки наблюдает худощавый молодой человек с выгоревшими

на солнце светлыми волосами и высоким лбом церебротоника. Рядом, за рулем, сидела девушка с волосами цвета воронова крыла, которую Пауэрс часто видел рядом с психологическим отделением. Глаза у нее были умные, но какие-то затуманенные, и он вспомнил, что младшие доктора прозвали ее «марсианкой».

— Добрый день, Калдрен, — сказал Пауэрс молодому человеку. — Всё следите за мной?

Калдрен кивнул.

— Большую часть времени, доктор. — Он смерил Пауэрса проницательным взглядом. — Хотя в последнее время мы вас видим нечасто. Андерсон сказал, что вы уволились, и мы заметили, что ваша лаборатория закрыта.

Пауэрс пожал плечами.

— Я почувствовал, что мне нужен отдых. Сами понимаете, требуется очень многое переосмыслить.

Калдрен полунасмешливо нахмурился.

— Очень жаль, доктор. Но не позволяйте этим вре́менным неурядицам вас огорчать. — Он заметил, что его спутница с интересом смотрит на Пауэрса. — Кома — ваша поклонница. Я дал ей ваши статьи из «Американского психиатрического журнала», и она прочитала все до единой.

Девушка приятно улыбнулась Пауэрсу, на мгновение разогнав враждебность между двумя мужчинами. Когда тот кивнул ей, она перегнулась через Калдрена и сказала:

— Кстати, я только что дочитала автобиографию Ногути — великого японского врача, открывшего спирохету. Вы мне чем-то его напоминаете — во всех пациентах, с которыми вы работали, очень много от вас самого.

Пауэрс тускло улыбнулся ей, а потом невольно встретился глазами с Калдреном. Какое-то время они мрачно глядели друг на друга, и щека Калдрена начала раздражающе подергиваться. Он напряг мышцы лица и через несколько секунд сумел побороть тик, явно недовольный тем, что Пауэрс стал свидетелем этого краткого позора.

— Как прошел сегодняшний визит в клинику? — спросил Пауэрс. — У вас снова были… головные боли?

Калдрен стиснул зубы, взгляд его неожиданно сделался раздраженным.

— Кто мой лечащий врач, доктор? Вы или Андерсон? Разве вы вправе теперь задавать мне такие вопросы?

Пауэрс недовольно взмахнул рукой.

— Наверное, нет.

Он прочистил горло; жара вызывала отток крови от головы, и Пауэрса одолевали усталость и желание убраться подальше от этих двоих. Он повернулся к своей машине, но сообразил, что Калдрен, скорее всего, увяжется следом и либо попытается вытеснить его в кювет, либо выедет вперед, заставив Пауэрса тащиться в пыли из-под его колес всю дорогу до озера. Калдрен был способен на любое безумие.

— Ну ладно, мне еще нужно тут кое-что забрать, — сказал Пауэрс, а потом добавил более уверенным тоном: — Но вы свяжитесь со мной, если Андерсон вдруг будет недоступен.

Он помахал им и пошел дальше мимо шеренги машин. В отражениях их стекол было видно, что Калдрен оглянулся и внимательно за ним следит.

Пауэрс вошел в неврологическое крыло, благодарно остановился в прохладном вестибюле, кивнул паре медсестер и вооруженному охраннику за стойкой регистратуры. Почему-то безнадежные больные, спавшие в соседнем корпусе, привлекали орды зевак, в основном психов с какими-нибудь волшебными средствами от наркомы или просто любопытствующих бездельников, однако хватало и самых обычных

людей, многие из которых преодолевали тысячи миль, устремлялись к Клинике, ведомые каким-то странным инстинктом, точно животные, мигрирующие на рекламный показ кладбищ их биологического вида.

Пауэрс заглянул в кабинет завхоза, выходивший окнами на площадку для отдыха, взял ключ и направился мимо теннисных кортов и гимнастических брусьев к закрытому бассейну на ее дальней стороне. Войдя, он запер за собой дверь и, минуя облезающие деревянные трибуны, подошел к глубокому концу бассейна.

Поставив ногу на подкидную доску, он взглянул на идеограмму Уитби. Ее скрывали мокрые листья и обрывки бумаги, но очертания можно было различить. Она занимала почти все дно бассейна и на первый взгляд, казалось, изображала огромный солнечный диск, из центра которого выходили четыре луча-ромба, — примитивная юнгианская мандала[39].

Гадая, что заставило Уитби создать перед смертью этот узор, Пауэрс заметил, как что-то

---

[39] Сноски: 39

Основоположник аналитической психологии Карл Густав Юнг (1875–1961) трактовал мандалу как архетипический символ человеческого совершенства, сейчас она используется в психотерапии в качестве средства достижения полноты понимания собственного «я». — *Прим. ред.*

шевелится в мусоре рядом с центром диска. Черное животное с шипастым панцирем, длиной около фута, копошилось в грязи, приподнимаясь на усталых лапах. Панцирь был ярко выраженным и отдаленно напоминал доспех броненосца. Достигнув края диска, животное остановилось и замерло, а потом медленно отступило обратно в центр — оно явно не желало или не могло пересечь узкую канавку.

Пауэрс огляделся, зашел в одну из раздевалок и снял с ржавых креплений маленький деревянный шкафчик для одежды. Зажав его под мышкой, он спустился по хромированной лестнице в бассейн и по склизкому полу осторожно приблизился к животному. Оно подалось вбок, пытаясь сбежать, но Пауэрс с легкостью его поймал, затолкав в шкафчик с помощью дверцы.

Животное было тяжелым, как минимум не легче кирпича. Пауэрс постучал кулаком по его массивному черному, как маслина, панцирю, отметил треугольную бородавчатую голову, высовывающуюся из-под него, подобно голове черепахи, и толстые подушечки под первыми пальцами пятипалых передних лап.

Он заглянул в глаза с тремя веками, тревожно моргавшие на него со дна ящика.

— Ждешь особо жаркой погоды? — пробормотал он. — Этот свинцовый зонтик, который ты на себе таскаешь, поможет тебе не спечься.

Он закрыл дверцу, выбрался из бассейна, вернул ключ в кабинет завхоза, а потом отнес ящик в машину.

«*...Калдрен продолжает меня донимать* [записал Пауэрс в своем дневнике]. *Почему-то он не желает принять свою обособленность и создает систему личных ритуалов, чтобы заместить недостающие часы сна. Быть может, мне стоит рассказать ему, что мое собственное время бодрствования стремится к нулю, но для него, скорее всего, это станет последним невыносимым оскорблением — ведь мне в избытке досталось то, чего ему так отчаянно не хватает. Один Бог знает, к чему это может привести. К счастью, кошмарные видения, кажется, пока что отступили...*»

Оттолкнув дневник, Пауэрс навалился на письменный стол и уставился в окно, на белую поверхность пересохшего озера, уходящую к протянувшимся вдоль горизонта холмам. В трех милях отсюда, на дальнем берегу, виднелась круглая чаша радиотелескопа, медленно вращавшаяся в прозрачном дневном воздухе, — это

Калдрен неустанно загонял в ловушку небо, пропуская через телескоп миллионы кубических парсеков стерильного эфира, как кочевники загоняли море в ловушку берегов Персидского залива.

За спиной у Пауэрса тихо бормотал кондиционер, охлаждая бледно-голубые стены, терявшиеся в полумраке. Снаружи воздух был ярок и душен, волны жара, поднимавшиеся от золотистых кактусов, росших возле Клиники, размывали угловатые балконы двадцатиэтажного неврологического корпуса. Там, в тихих палатах за закрытыми ставнями, спали долгим сном без сновидений безнадежные больные. В Клинике их было чуть меньше пятисот — авангард огромной армии сновидцев, собиравшейся для последнего марша. Прошло всего лишь пять лет с тех пор, как впервые был описан синдром наркомы, однако огромные правительственные больницы на востоке страны готовились принять тысячи людей, поскольку обнаруживались все новые и новые случаи заболевания.

Пауэрс внезапно ощутил усталость и взглянул на запястье, желая узнать, сколько осталось до восьми часов — в это время ему предстояло ложиться спать ближайшую неделю или около

того. Он уже успел соскучиться по закату, а скоро увидит свой последний рассвет.

Часы нашлись в кармане брюк. Пауэрс вспомнил о своем решении не следить за временем, выпрямился и посмотрел на книжные полки рядом со столом. На них стояли зеленые ряды журналов КАЭ, взятых им из библиотеки Уитби, — там были напечатаны статьи, в которых биолог описывал свою работу в Тихоокеанском регионе после испытаний водородных бомб. Многие из этих статей Пауэрс выучил почти наизусть, перечитал сотню раз в попытке понять последние выводы Уитби. Забыть Тойнби будет определенно проще.

На мгновение в глазах у него потемнело — это высокая черная стена в глубине сознания отбросила на мозг свою огромную тень. Пауэрс потянулся за дневником, вспоминая сидевшую в машине Калдрена девушку — тот назвал ее Комой, очередная из его безумных шуточек, — и ее слова о Ногути. На самом деле сравнивать с ним нужно было Уитби, а не самого Пауэрса; чудовища в лаборатории были не более чем осколками разума Уитби, как и гротескная радиоэкранированная лягушка, найденная утром в бассейне.

Думая о Коме и ее вдохновляющей улыбке,

Пауэрс написал:

«*Проснулся в 6:33. Последний осмотр у Андерсона. Он отчетливо дал понять, что сыт мной по горло и отныне мне придется справляться самому. Засну в 20:00? (Эти обратные отсчеты меня пугают.)*»

Он помедлил и добавил:

«*Прощай, Эниветок*[40]».

[40] Сноски: 40

Энивето́к — атолл в Тихом океане в составе цепи Ралик (Маршалловы острова). Использовался как полигон для ядерных испытаний США. 1 ноября 1952 года там было произведено первое в мире испытание водородного заряда (Иви Майк, мощностью 10–12 мегатонн в тротиловом эквиваленте). — *Прим. ред.*

II

Он снова встретил Кому на следующий день возле лаборатории Уитби. После завтрака Пауэрс привез туда новое животное, торопясь посадить его в аквариум, прежде чем оно умрет. До этого ему попался лишь один бронированный мутант, и из-за него Пауэрс чуть не сломал себе шею. Где-то месяц назад он на большой скорости несся вдоль озера и случайно наехал на мелкую тварь правым передним колесом, ожидая, что она расплющится в блин. Но твердый свинцовый панцирь, хоть его обитатель и превратился в жидкое месиво, остался невредим, а машину увело в кювет. Пауэрс вернулся за панцирем и взвесил его в лабораториив нем оказалось больше шестисот граммов свинца.

Огромное количество растений и животных накапливали в себе тяжелые металлы для защиты от радиации. В холмах за пляжным домиком парочка анахроничных старателей восстанавливала древнее оборудование для мытья золота, брошенное больше восьмидесяти лет назад. Они заметили ярко-желтую окраску кактусов, провели анализ и обнаружили, что растения содержат

золото в поддающихся извлечению количествах, хотя концентрация его в почве внимания не заслуживала. Ок-Ридж[41] наконец-то приносил прибыль!

Тем утром, проснувшись около 6:45 — на десять с лишним минут позже, чем накануне (поднимаясь с постели, он включил радио и услышал утреннюю программу), — Пауэрс нехотя съел легкий завтрак, а потом потратил час на то, чтобы упаковать некоторые книги из своей библиотеки, сложить в ящики и наклеить на них ярлыки с адресом брата.

Спустя еще полчаса он подъехал к лаборатории Уитби. Та располагалась в геодезическом куполе стофутового диаметра, построенном рядом с коттеджем биолога на западном берегу озера, где-то в миле от летнего дома Калдрена. После самоубийства Уитби коттедж был закрыт, и многие экспериментальные растения и животные погибли прежде, чем Пауэрс сумел получить разрешение на работу в лаборатории.

Свернув на подъездную дорожку, он заметил

---

[41] Сноски: 41

Ок-Ридж — город в штате Теннесси, США. Был основан в 1940 году в ходе «Манхэттенского проекта» — программы правительства США по разработке ядерного оружия в годы Второй мировой войны. В Ок-Ридже располагались предприятия по обогащению урана. — *Прим. ред.*

девушку, стоящую на вершине покрытого желтыми ребрами купола; ее стройная фигура силуэтом вырисовывалась на фоне неба. Она помахала ему, потом спустилась по стеклянным многоугольникам и ловко спрыгнула на дорожку рядом с машиной.

— Привет, — сказала она, дружелюбно улыбнувшись. — Я пришла посмотреть на ваш зоопарк. Калдрен сказал, что с ним вы меня не впустите, поэтому я заставила его остаться дома.

Кома подождала от Пауэрса какого-нибудь ответа, пока он искал ключи, а потом предложила:

— Если хотите, могу постирать вашу рубашку.

Пауэрс улыбнулся ей и с сожалением посмотрел на свои испачканные в пыли рукава.

— Неплохая идея. Я как раз подумал, что начинаю выглядеть немножко неухоженным. — Он отпер дверь и взял девушку за руку. — Не знаю, почему Калдрен вам это сказал — он волен прийти сюда, когда захочет.

— А что у вас там? — спросила Кома, указывая на деревянный ящик в руках Пауэрса, пока они шли между загроможденных оборудованием лабораторных столов.

— Я разыскал одну нашу далекую кузину. Интересная малышка. Скоро я вас познакомлю.

Раздвижные перегородки делили купол на четыре комнаты. Две из них были кладовыми, полными пустых аквариумов, приборов, коробок с кормом для животных и оборудованием для экспериментов. Они пересекли третью секцию, почти целиком занятую мощным рентгеновским аппаратом, гигантским «Джи-И-Макситрон» на 250 мегаампер, склоненным над вращающимся столом; готовые к использованию бетонные защитные блоки лежали вокруг, похожие на гигантские кирпичи.

В четвертой комнате содержался зоопарк Пауэрса — на лабораторных столах и в раковинах теснились клетки, к вытяжным колпакам над ними были прикреплены большие разноцветные схемы и листки с заметками, по полу стелились перепутанные провода и резиновые шланги. За запотевшими стеклами аквариумов, мимо которых они шли, шевелились смутные силуэты, а в конце прохода в большой клетке, стоявшей у стола Пауэрса, кто-то внезапно закопошился.

Опустив ящик на стул, Пауэрс взял со стола пакетик арахиса и подошел к клетке. Маленький черный шимпанзе с помятым шлемом пилота реактивного самолета на голове ловко перебрался к нему по прутьям, довольно забормотал, а потом

спрыгнул к миниатюрной панели управления у дальней стенки. Он быстро защелкал кнопками и переключателями, панель засветилась разноцветными огоньками, точно музыкальный автомат, и громко проиграла двухсекундный джингл.

— Хороший мальчик, — похвалил его Пауэрс, похлопал шимпанзе по спине и высыпал арахис ему в ладони. — Ты становишься слишком умен для этой штуки, верно?

Шимпанзе плавными и легкими движениями фокусника забрасывал арахис себе в глотку, что-то напевно лопоча Пауэрсу.

Кома рассмеялась и взяла у Пауэрса несколько орешков.

— Он милый. Кажется, он с вами разговаривает.

Пауэрс кивнул.

— Так и есть. На самом деле он знает двести слов, просто голосовой аппарат не позволяет ему нормально их произносить.

Он открыл маленький холодильник, достал из него полпакета нарезанного хлеба и передал шимпанзе два кусочка. Тот взял с пола электрический тостер, поставил его на низенький качающийся столик в центре клетки и положил

хлеб в отсеки. Пауэрс щелкнул выключателем на панели рядом с клеткой, и тостер начал еле слышно потрескивать.

— Он — один из самых умных шимпанзе, что у нас тут были, и по уровню интеллекта примерно равен пятилетнему ребенку, хотя во многих отношениях куда более самодостаточен.

Тосты выскочили из отсеков, и шимпанзе ловко извлек их, при этом беззаботно похлопывая себя по шлему, а потом побрел в маленькую шаткую будку и уселся там, выставив руку в окно и упихивая тосты в рот.

— Он построил этот домик сам, — продолжил Пауэрс, выключив тостер. — И получилось неплохо. — Он указал на стоящее у входа в будку желтое пластмассовое ведро, в котором росла потрепанного вида герань. — Он ухаживает за цветком, сам чистит клетку и непрерывно острит. В целом очень приятный парень.

Кома широко улыбалась.

— Но зачем ему шлем космонавта?

Пауэрс заколебался.

— О, это… гм… для его же безопасности. У него иногда бывают очень сильные головные боли. Все его предшественники… — Он осекся и отвернулся. — Давайте взглянем на других наших

жильцов.

Пауэрс пошел мимо ряда аквариумов, жестом пригласив Кому следовать за ним.

— Начнем с начала.

Он поднял стеклянную крышку с одного из аквариумов, и Кома заглянула в неглубокий наполненный водой сосуд, где среди россыпи раковин и камней угнездилось маленькое круглое существо с тонкими щупальцами.

— Это актиния. Или то, что когда-то было актинией. Простой полип с открытой кишечной полостью. — Пауэрс указал на утолщение рядом с подошвой актинии. — Она зарастила полость и превратила ее во что-то вроде зачаточной хорды. Позднее щупальца сплетутся и образуют ганглий, но они уже чувствительны к цвету. Взгляните. — Он вытащил из нагрудного кармана Комы фиолетовый носовой платок и расстелил на аквариуме. Щупальца изогнулись и напряглись, начали медленно колыхаться, словно пытались сосредоточиться.

— Странно то, что они совершенно нечувствительны к белому свету. Обычно щупальца регистрируют перепады давления, как барабанные перепонки в ваших ушах. Теперь же они как будто способны слышать основные цвета, а это

подсказывает, что актиния готовится к жизни вне воды, в статичном мире резких цветовых контрастов.

Кома озадаченно помотала головой.

— Но почему?

— Подождите немного. Сперва я познакомлю вас с общей картиной.

Они прошли вдоль стола к ряду похожих на барабаны клеток, сделанных из проволочной москитной сетки. Над первой висел большой кусок белого картона с увеличенной микрофотографией длинной похожей на пагоду цепочки и надписью: «Дрозофила: 15 рентген/мин».

Пауэрс постучал по маленькому плексигласовому окошку в клетке.

— Плодовая мушка. Крупные хромосомы делают ее удобным модельным организмом. — Он наклонился и указал на похожие на букву V серые соты, свисающие с потолка клетки. Из ячеек вылезли несколько мушек и принялись деловито суетиться. — Обычная плодовая мушка — одиночка, кочующая падальщица. Теперь же они образуют тесные социальные группы и начали выделять жидкую сладкую лимфу, нечто вроде меда.

— Что это? — спросила Кома, прикоснувшись к

куску картона.

— Схема ключевого для процесса гена.

Он провел пальцами по стрелкам, расходящимся от одного из звеньев цепи. Общая подпись гласила: «Лимфатическая железа»; подписи под каждой из стрелок — «мышцы сфинктера», «эпителий», «матрицы».

— Это что-то вроде перфорированной ленты для механического пианино, — прокомментировал Пауэрс, — или компьютерной перфокарты. Выбей одно звено с помощью рентгеновского луча, устрани характеристику, измени результат.

Кома заглядывала в окошко соседней клетки, и на лице у нее было написано отвращение. Из-за ее плеча Пауэрс тоже посмотрел на огромное похожее на паука членистоногое размером с ладонь; его темные волосатые лапы были толщиной с палец. Фасеточные глаза напоминали гигантские рубины.

— Выглядит недружелюбно, — сказала Кома. — Что это за веревочную лестницу он плетет?

Она коснулась пальцем губ, и паук ожил, отступил вглубь клетки и начал выплевывать сложно перекрученные серые нити, развешивая их по потолку длинными петлями.

— Паутину, — объяснил Пауэрс. — Только со-

стоит она из нервных тканей. Лестницы образуют внешнее нервное сплетение — по сути, надувной мозг, и его можно накачать до того размера, которого требует ситуация. Очень толковая система, куда лучше нашей.

Кома отошла от клетки.

— Жуть. Не хотела бы я оказаться в его жилище.

— О, он не так страшен, как кажется. Эти огромные глаза, которые на вас смотрят, слепы. Точнее говоря, их светочувствительность снизилась; сетчатка улавливает только гамма-излучение. На ваших часах светящиеся стрелки. Когда вы провели ими рядом с окошком, он начал думать. После четвертой мировой для него наступит раздолье.

Они вернулись к столу Пауэрса. Он поставил турку на бунзеновскую горелку и пододвинул Коме стул. Потом открыл ящик, достал из него бронированную лягушку и усадил на промокашку.

— Узнаете? Это подруга вашего детства — обыкновенная лягушка. Соорудившая для себя довольно прочное бомбоубежище. — Пауэрс отнес лягушку к раковине, открыл кран и пустил тонкую струйку играть на ее панцире. Вытер руки о рубашку и вернулся к столу.

Кома смахнула волосы со лба и посмотрела на него с любопытством.

— Так в чем секрет?

Пауэрс зажег сигарету.

— Нет никакого секрета. Тератологи[42] выводят чудовищ уже много лет. Слышали когда-нибудь о «тихой паре»?

Она покачала головой.

Какое-то время Пауэрс задумчиво разглядывал сигарету, наслаждаясь удовольствием, которое всегда дарила ему первая затяжка дня.

— Так называемая тихая пара — одна из старейших загадок современной генетики, кажущаяся неразрешимой тайна двух неактивных генов, которые возникают в малом проценте всех живых организмов и, похоже, не оказывают никакого влияния на их строение или развитие. Биологи давно пытались их активировать, но сложность состояла отчасти в том, чтобы идентифицировать тихие гены в оплодотворенных репродуктивных клетках родителей, этими генами обладающих, а отчасти — в том, чтобы сфокусировать достаточно узкий рентгеновский луч, который не

[42] Сноски: 42

Те́ратоло́гия — наука, изучающая уродства. Тесно связана со сравнительной и патологической анатомией, эмбриологией и генетикой. — *Прим. ред.*

навредит остальной хромосоме. Однако после примерно десяти лет работы доктор Уитби сумел создать методику полного облучения тела, основываясь на своих наблюдениях за радиобиологическим ущербом на атолле Эниветок.

Пауэрс помолчал.

— Он заметил, что биологический ущерб — то есть перенос энергии — после испытаний оказался сильнее, чем должно быть при прямом облучении. Выяснилось, что белковые решетки в генах накапливают энергию точно так же, как любая вибрирующая мембрана, когда резонирует, — вы, должно быть, помните историю о мосте, обрушившемся, когда по нему в ногу маршировали солдаты, — и Уитби пришло в голову, что если у него получится сперва выявить критическую частоту резонанса решеток в любом отдельно взятом тихом гене, то он сможет облучить весь организм целиком, а не только его репродуктивные клетки, с помощью слабого поля, которое будет воздействовать исключительно на тихий ген, не повреждая остальные части хромосомы, решетки которых критически резонируют на других частотах. — Пауэрс обвел лабораторию сигаретой. — Некоторые плоды этой методики «резонаторного переноса» вы видите перед со-

бой.

Кома кивнула:

— У них активированы тихие гены?

— Да, у всех. Это лишь некоторые из тысяч особей, побывавших здесь, и, как вы видели, результаты весьма впечатляющи.

Он потянулся к шторе и задернул ее. Они сидели у самой стены купола, и светившее все ярче солнце начинало его раздражать.

В относительной темноте Кома заметила стробоскоп, медленно моргающий в одном из резервуаров на краю стоящего за ее спиной стола. Она встала, подошла поближе и увидела высокий подсолнух с утолщенным стеблем и заметно увеличенным цветоложем. Цветок был окружен — так, что виднелась лишь его головка, — трубой, сложенной из серовато-белых камней, плотно скрепленных цементом, и подписанной: «*Мел, меловой период: 60 000 000 лет*».

Рядом на столе высились еще три трубы, обозначенные: «*Песчаник, девонский период: 290 000 000 лет*», «*Асфальт: 20 лет*» и «*Поливинилхлорид: 6 месяцев*».

— Видите эти белые влажные круги на чашелистиках? — указал Пауэрс. — Они каким-то образом регулируют метаболизм растения. Оно

буквально видит время. Чем старше окружение, тем медленнее метаболизм. В асфальтовой трубе оно завершит свой годовой цикл за неделю, в трубе из ПВХ — за пару часов.

— Видит время, — пораженно повторила Кома. Она посмотрела на Пауэрса, задумчиво покусывая нижнюю губу. — Поразительно. Это создания будущего, доктор?

— Не знаю, — признался Пауэрс. — Но, если это так, их мир будет чудовищным, сюрреалистическим.

III

Он вернулся к столу, достал из ящика две чашки, разлил по ним кофе и выключил горелку.

— Некоторые предполагали, что организмы, обладающие тихой парой генов, — это предвестники масштабного эволюционного скачка, что эти гены — своего рода шифр, божественное послание, которое мы, примитивные организмы, передаем своим более развитым потомкам. Не исключено, что это и правда так, — быть может, мы взломали шифр слишком рано.

— Почему вы так думаете?

— Видите ли, как можно заключить по самоубийству Уитби, проводившиеся в этой лаборатории эксперименты закончились довольно невесело. Все без исключения облученные нами организмы вошли в финальную фазу совершенно хаотичного роста, приобретя десятки специализированных органов чувств, назначения которых мы так и не поняли. Результаты катастрофичны: актиния в конце концов попросту взорвется, дрозофилы пожрут друг друга и так далее. Наступит ли вообще будущее, семена которого скрыты в этих растениях и животных, или же мы просто

экстраполируем — не знаю. Но иногда мне кажется, будто эти новые органы чувств — лишь пародия на то, что должно возникнуть на самом деле. Особи, которых вы видели сегодня, находятся на ранних стадиях своих вторичных циклов развития. Позже они начнут выглядеть по-настоящему жутко.

Кома кивнула.

— Но без своего смотрителя зоопарк неполон, — заметила она. — Как насчет человека?

Пауэрс пожал плечами.

— Примерно у одного из сотни тысяч — обычный показатель — есть тихая пара. Возможно, она есть и у вас — или у меня. Но пока что никто не вызвался пройти полное облучение. Даже без учета того факта, что такой поступок равноценен самоубийству, если здешние эксперименты хоть в чем-нибудь показательны, это был бы мучительный и страшный опыт.

Пауэрс глотнул некрепкого кофе, ощущая усталость и почему-то скуку. Рассказ о проводившейся в лаборатории работе утомил его.

Девушка склонилась к нему.

— Вы ужасно бледны, — заботливо сказала она. — Плохо спите?

Пауэрс выдавил слабую улыбку.

— Наоборот, чересчур хорошо, — признался он. — Для меня это больше не проблема.

— Хотела бы я сказать то же самое о Калдрене. Мне кажется, он спит слишком мало. Я всю ночь слышу, как он бродит. — Потом она добавила: — Но это, наверное, все-таки лучше, чем быть одним из безнадежных случаев. Скажите, доктор, разве не стоит опробовать это облучение на спящих в Клинике? Возможно, оно разбудит их перед смертью. Должен же кто-то из них обладать тихими генами.

— Они *все* ими обладают, — ответил Пауэрс. — Собственно говоря, эти два феномена очень тесно связаны.

Он умолк — усталость затуманивала мозг — и задумался, не стоит ли попросить девушку уйти. Потом слез со стола и достал из-под него магнитофон.

Включив его, Пауэрс перемотал пленку на начало и увеличил громкость.

— Мы с Уитби часто это обсуждали. Под конец я записывал разговоры. Он был выдающимся биологом, так что давайте услышим все из его уст. Суть проблемы именно в этом.

Он включил запись и добавил:

— Я переслушивал ее уже тысячу раз, так что

качество, боюсь, очень плохое.

На голос пожилого мужчины, резкий и несколько раздраженный, накладывалось низкое гудение, но все же Кома отчетливо слышала слова.

Уитби: …ради бога, Роберт, взгляни на статистику Продовольственной организации ООН. Несмотря на пятипроцентное увеличение посевной площади за последние пятнадцать лет, общемировой урожай пшеницы продолжает уменьшаться на два процента в год. Одна и та же история повторяется до бесконечности. Урожаи зерновых и корнеплодов, надои, фертильность скота — все это снижается. Прибавь к этому множество параллельных симптомов — любых, каких тебе захочется, от изменившихся маршрутов миграции до увеличившихся периодов спячки, — и общая картина станет неопровержима.

Пауэрс: Однако статистика численности населения в Европе и Северной Америке не показывает никакого спада.

Уитби: Естественно не показывает, я неоднократно об этом говорил. Пройдет век, прежде чем такое постепенное падение фертильности окажет хоть какое-то влияние на области, где масштабный контроль рождаемости создает

искусственный резервуар. Смотреть нужно на страны Дальнего Востока, в особенности на те, где детская смертность осталась на прежнем уровне. Население Суматры, например, снизилось больше чем на пятнадцать процентов за последние двадцать лет. Поразительный спад! Сознаешь ли ты, что всего два-три десятка лет назад неомальтузианцы[43] говорили о «мировом популяционном взрыве»? На самом же деле мы имеем обвал. Еще один фактор — это…

Здесь пленку обрезали и склеили; вновь послышался голос Уитби, на этот раз менее брюзгливый:

…просто ради интереса, расскажи мне: как долго ты спишь каждую ночь?

Пауэрс: Точно не знаю; наверное, около восьми часов.

Уитби: Хрестоматийные восемь часов. Спроси кого угодно — и он ответит: «Восемь часов». На самом деле ты спишь примерно десять с половиной часов, как и большинство людей. Я несколько раз засекал продолжительность твоего сна. Сам

---

[43] Сноски: 43

Неомальтузианство — обновленное мальтузианство; учение, которое, исходя из взглядов Томаса Мальтуса, рекомендовало стремиться к ограничению деторождения, чем предполагалось облегчить нужду среди малообеспеченных классов. — *Прим. ред.*

я сплю по одиннадцать часов. Однако тридцать лет назад люди и вправду спали по восемь часов, а веком раньше — по шесть или семь. В «Жизнеописаниях» Вазари можно прочитать, что Микеланджело спал всего четыре или пять часов и в возрасте восьмидесяти лет весь день рисовал, а потом всю ночь с закрепленной на голове свечой работал над анатомическим столом. Сейчас его считают уникумом, но в то время это было обычным делом. Как, по-твоему, древние люди, от Платона до Шекспира, от Аристотеля до Фомы Аквинского, умудрялись создать такое количество работ за свою жизнь? Да просто у них каждый день было шесть-семь дополнительных часов. А вторая помеха, с которой нам приходится иметь дело, — это, разумеется, замедление скорости метаболизма, еще один фактор, который никто не способен объяснить.

Пауэрс: Думаю, можно предположить, что увеличение продолжительности сна — это компенсаторный механизм, своего рода массовая невротическая попытка бегства от ужасающего давления городской жизни конца двадцатого века.

Уитби: Можно, но это будет неверное предположение. Это всего лишь вопрос биохимии.

Матрицы синтеза РНК, расплетающие белковые цепочки во всех живых организмах, изнашиваются; шаблоны, инскрибирующие сигнатуру протоплазмы, стерлись. Они, в конце концов, работали больше тысячи миллионов лет. Настало время переоснащения. Точно так же, как конечна жизнь отдельного организма, или колонии дрожжей, или любого вида, конечно и существование целых биологических царств. Предполагалось, что кривая эволюции вечно устремляется ввысь, но на самом деле пик уже достигнут, и теперь дорога ведет вниз, в общую биологическую могилу. Это безнадежное и на данный момент неприемлемое ви́дение будущего — но это единственно возможное ви́дение. Через пять тысяч веков наши потомки, скорее всего, будут не многомозговыми звездными странниками, а голыми идиотами с выступающей нижней челюстью и волосатым лбом, с хрюканьем блуждающими по руинам этой Клиники, точно первобытные люди, угодившие в зловещую временну́ю инверсию. Поверь мне, я жалею их точно так же, как жалею себя. Мой полный провал, отсутствие у меня всякого морального и биологического права на существование закодированы в каждой клетке моего тела…

Запись кончилась, катушки бесшумно повращались и остановились. Пауэрс закрыл магнитофон и помассировал лицо. Кома сидела молча, наблюдая за ним и слушая, как шимпанзе играет с кубиком-головоломкой.

— Насколько понимал Уитби, — заговорил Пауэрс, — тихие гены представляют собой последнюю отчаянную попытку биологического царства удержать голову над прибывающей водой. Период его существования определяется количеством излучаемой Солнцем радиации, и когда оно достигает определенного уровня — это значит, что линия неотвратимой гибели пересечена и вымирание неизбежно. В противовес этому в организмы были встроены аварийные системы, которые изменяют их форму и адаптируют их к жизни в более горячей радиационной среде. Мягкокожие создания отращивают твердые панцири, в которых содержатся тяжелые металлы, защищающие от облучения. Появляются и новые сенсорные органы. Впрочем, если верить Уитби, все это в конечном итоге бессмысленно — хотя иногда я в этом сомневаюсь. — Он улыбнулся Коме и пожал плечами. — Ладно, давайте поговорим о чем-нибудь другом. Как давно вы знаете Калдрена?

— Примерно три недели. Но кажется, что десять тысяч лет.

— И как он вам? Мы в последнее время редко общаемся.

Кома усмехнулась.

— Я тоже нечасто с ним вижусь. Он постоянно заставляет меня спать. У Калдрена куча необычных талантов, но живет он только ради себя самого. Вы для него очень много значите, доктор. Собственно говоря, вы мой единственный серьезный конкурент.

— А мне-то казалось, он меня терпеть не может.

— О, это всего лишь что-то вроде поверхностного симптома. На самом деле он непрерывно думает о вас. Поэтому мы и тратим все наше время на то, чтобы вас преследовать. — Она проницательно взглянула на Пауэрса. — Мне кажется, его гложет чувство вины.

— Вины?! — воскликнул Пауэрс. — Его? Мне казалось, что из нас двоих виноват я.

— Почему? — вскинулась она. Помедлила, а потом спросила: — Вы провели над ним какой-то хирургический эксперимент, да?

— Да, — признал Пауэрс. — Как и многое из того, в чем я участвую, он не был полностью успешен.

Если Калдрен ощущает вину, то, должно быть, потому что считает, будто часть ответственности лежит на нем. — Он посмотрел на девушку, не сводившую с него взгляда умных глаз. — Есть пара причин, по которым вам стоит об этом узнать. Вы говорили, что Калдрен бродит по ночам и не высыпается. На самом деле он вообще не спит.

Она кивнула.

— Вы… — Она изобразила пальцами ножницы.

— Провел над ним наркотомию, — закончил Пауэрс. — С хирургической точки зрения это был огромный успех — за такое вполне можно и Нобелевку получить. Обычно гипоталамус регулирует период сна, поднимая порог сознания, чтобы расслабить венозные капилляры в мозгу и очистить их от накапливающихся токсинов. Однако, если заблокировать некоторые управляющие контуры, пациент перестает воспринимать сигнал отхода ко сну и остается в сознании, пока очищаются капилляры. Он чувствует лишь временную вялость, которая проходит всего через три-четыре часа. С точки зрения физиологии жизнь Калдрена стала длиннее лет на двадцать. Но его психика, похоже, нуждается во сне по собственным тайным причинам, и поэтому с Калдреном случаются периодические приступы, рвущие

его на части. Вся эта история была трагической ошибкой.

Кома задумчиво нахмурилась.

— Так я и думала. В своих статьях в нейрохирургических журналах вы называли пациента «К». Чисто кафкианская деталь, увы, ставшая реальностью.

— Я могу отсюда уехать, Кома, — сказал Пауэрс. — Проследите, чтобы Калдрен посещал Клинику. Внутренние рубцы необходимо будет удалить.

— Постараюсь. Иногда мне кажется, что я — лишь один из его безумных терминальных документов.

— Что это?

— Вы не слышали? Это затеянная Калдреном коллекция итоговых комментариев относительно вида *homo sapiens*. Полное собрание работ Фрейда; квартеты, сочиненные оглохшим Бетховеном; стенограммы Нюрнбергского процесса; роман, написанный методом автоматического

письма[44], и так далее. — Она осеклась. — А что вы рисуете?

— Где?

Она указала на лежащую на столе промокашку; Пауэрс опустил взгляд и понял, что неосознанно набрасывал на ней сложный узор — четырехлучевое «солнце» Уитби.

— Ничего особенного, — сказал он. Однако в этом «солнце» было что-то до странности притягательное.

Кома встала, собираясь уйти.

— Обязательно навестите нас, доктор. Калдрен так много хочет вам показать. Он только что раздобыл копию последней передачи Семерки с «Меркурия», сделанной двадцать лет назад, когда они высадились на Луну, и теперь не может думать ни о чем другом. Вы должны помнить странные послания, что они записывали перед смертью, полные поэтических бредней о белых садах. Теперь мне кажется, что они вели себя в чем-то как растения из вашего зоопарка. — Она

---

[44] Сноски: 44

Автоматическое письмо (автоматическое от *греч.* αὐτόματος — самодействующее) — процесс и результат письма, который предположительно является продуктом бессознательной деятельности пишущего. Индивид при этом может пребывать в состоянии гипнотического, медиумического или медитативного транса или же находиться в полном сознании и контролировать всё, кроме движения пишущей руки. — *Прим. ред.*

засунула руки в карманы, а потом что-то достала. — Кстати, Калдрен просил меня вам это передать.

Это была старая карточка из библиотеки обсерватории. В центре ее было напечатано:

96 688 365 498 720

— Так мы еще не скоро до нуля доберемся, — сухо заметил Пауэрс. — У меня успеет скопиться целая коллекция.

Когда Кома ушла, он выбросил карточку в мусорное ведро, сел за стол и целый час не отрывал взгляда от идеограммы на промокашке.

На полпути к его пляжному домику от шедшей вдоль озера дороги отделялась другая, уходящая налево, через седловину между холмами, к заброшенному полигону ВВС на одном из отдаленных соляных озер. На ближнем краю его располагались несколько маленьких бункеров и наблюдательных башен, пара металлических будок и складской ангар с низкой крышей. Белые холмы окружали полигон, закрывая его от внешнего мира, и Пауэрсу нравилось бродить по огневым рубежам, обозначенным на двухмильном отрезке озера, направляясь к бетонным

осколкоуловителям на противоположном его краю. Абстракционистские узоры заставляли Пауэрса чувствовать себя муравьем на белой, как кость, шахматной доске; прямоугольные бетонные щиты на одном конце полигона и башни с бункерами на другом напоминали противостоящие друг другу фигуры.

После разговора с Комой на Пауэрса внезапно нахлынуло недовольство тем, на что он тратил свои последние месяцы. Он написал: «Прощай, Эниветок», — однако на деле систематическое забывание ничем не отличалось от вспоминания — он всего лишь занимался каталогизацией в обратном порядке, сортировал книги в своей ментальной библиотеке и расставлял их по местам, но вверх ногами.

Пауэрс взобрался на одну из наблюдательных башен, облокотился на поручень и устремил взгляд вдоль стрельбища к осколкоуловителям. Рикошетирующие снаряды и ракеты отбили большие куски от обрамлявших мишени бетонных колец, но очертания огромных, диаметром в сто ярдов, кругов, раскрашенных синим и красным, были все еще различимы.

Полчаса он молча смотрел на них, и в голове у него плавали бесформенные идеи. Потом, не

задумываясь о том, что делает, Пауэрс вдруг отстранился от поручня и спустился по лестнице. Складской ангар стоял в пятидесяти ярдах от башни. Пауэрс быстро подошел к нему, ступил в прохладную тень и оглядел ржавеющие электрокары и пустые топливные бочки. В дальнем конце ангара, за грудой досок и мотками проволоки, обнаружился штабель неоткрытых мешков с цементом, гора грязного песка и старая бетономешалка.

Еще через полчаса Пауэрс задним ходом въехал в ангар на своем «бьюике», прицепил бетономешалку, полную песка, цемента и воды, набранной из валявшихся снаружи бочек, к фаркопу и загрузил еще десяток мешков в багажник и на заднее сиденье. Потом выбрал несколько длинных досок, запихнул их в окно автомобиля и поехал по озеру к центральной мишени.

Следующие два часа Пауэрс проработал в центре огромного синего круга; он вручную мешал раствор, относил его к примитивной опалубке, которую соорудил из досок, и разравнивал так, чтобы по периметру мишени получилась стена высотой в шесть дюймов. Он работал без остановок, размешивая цемент монтировкой и зачерпывая снятым с колеса колпаком.

К тому времени, как он закончил и уехал, бросив оборудование, Пауэрс построил тридцати-футовый отрезок стены.

IV

7 июня. *Впервые осознал быстротечность каждого дня. Пока я бодрствовал дольше двенадцати часов, мое время все еще обращалось вокруг полудня; утро и день задавали свои прежние ритмы. Теперь, когда мне остается чуть больше одиннадцати часов без сна, они сливаются в непрерывный интервал, подобный отрезку рулетки. Я в точности вижу, сколько еще осталось на катушке, и почти никак не могу повлиять на скорость, с которой она разматывается. Провел время за медленной упаковкой библиотеки; ящики слишком тяжелы, чтобы их перетаскивать, и остаются там, где я их заполняю.*

Число клеток снизилось до 400 000.

Проснулся в 8:10. Ложусь в 19:15. (Потерял часы и даже не заметил этого, пришлось съездить в город за новыми.)

14 июня. *9½ ч. Время ускоряется, проносится мимо скорым поездом. Однако последняя неделя отпуска всегда пробегает быстрее первой. Если все будет продолжаться так же, значит, у меня осталось четыре-пять недель. Этим*

утром я попытался представить, на что будет похожа последняя из них — финальное «три, два, один, ноль», — и меня одолел внезапный приступ чистейшего страха; я никогда раньше не испытывал подобного. Лишь через полчаса я успокоился достаточно, чтобы суметь сделать себе укол.

Калдрен преследует меня, точно моя сияющая тень; он написал на воротах: «96 688 365 498 702». То-то почтальон удивится.

Проснулся в 9:05. Ложусь в 18:36.

19 июня. *8¾ ч. Утром позвонил Андерсон. Я чуть не повесил трубку, но все же заставил себя довести до конца этот спектакль с последним волеизъявлением. Он восхитился моим стоицизмом, даже использовал слово «героический». Я этого в себе не чувствую. Отчаяние истачивает все: отвагу, надежду, самоконтроль, все лучшие мои качества. Так чертовски трудно поддерживать эту бесстрастную позицию пассивного принятия, присущую научной традиции. Пытаюсь думать о Галилее перед инквизицией, о Фрейде, превозмогающем бесконечную боль после операции на челюсти.*

В городе встретил Калдрена, долго обсуждал с ним Семерку с «Меркурия». Он убежден, что они сами отказались улетать с Луны после того,

как ожидавший их там «приветственный комитет» обрисовал положение дел. Таинственные посланцы Ориона рассказали им, что исследования дальнего космоса бессмысленны и запоздалы, поскольку существование Вселенной близится к концу!!! Если верить К., в ВВС есть генералы, которые воспринимают эту чушь всерьез, но я подозреваю, что он таким неочевидным образом просто пытается меня утешить.

Нужно отключить телефон. Какой-то строитель названивает и требует заплатить за пятьдесят мешков цемента, которые якобы отдал мне десять дней назад. Говорит, что лично помогал мне затаскивать их в грузовик. Я и правда ездил в город на пикапе Уитби, но лишь для того, чтобы купить несколько свинцовых экранов. Зачем, по его мнению, мне столько цемента? Не ждешь, что такая раздражающая мелочь будет отравлять твои последние дни. (Мораль: не надо слишком уж сильно пытаться позабыть Эниветок.)

Проснулся в 9:40. Ложусь в 18:15.

25 июня. *7½ ч. Калдрен вновь шнырял возле лаборатории. Позвонил туда, и, когда я ответил, подготовленная им запись выдала длинную цепочку чисел, точно свихнувшиеся «говорящие*

часы». Эти его розыгрыши начинают серьезно утомлять. Очень скоро мне придется пойти и выяснить с ним отношения, как бы меня ни отвращала такая перспектива. Но хотя бы на Мисс Марс приятно взглянуть.

Теперь мне хватает всего одного приема пищи и укола глюкозы. Сон все еще «черный», совершенно неосвежающий. Прошлой ночью я заснял на 16-миллиметровую пленку первые три часа, а утром просмотрел запись в лаборатории. Первый истинный фильм ужасов; я выглядел как полуоживший труп.

Проснулся в 10:25. Ложусь в 17:45.

3 июля. *5¾ ч. За сегодня успел не много. Сонливость нарастает; едва дотащился до лаборатории, по пути дважды готов был съехать с дороги. Кое-как сосредоточился, чтобы накормить животных и заполнить журнал. В последний раз перечитал оставленные Уитби руководства по эксплуатации, остановился на интенсивности 40 рентген/мин и расстоянии в 350 см. Все готово.*

Проснулся в 11:05. Ложусь в 16:15».

Пауэрс потянулся, медленно перекатил голову по подушке, сосредоточил взгляд на тенях, ко-

торые отбрасывали на потолок жалюзи. Потом опустил глаза и увидел, что в ногах сидит и тихо наблюдает за ним Калдрен.

— Здравствуйте, доктор, — сказал тот, туша сигарету. — Поздно легли? Выглядите усталым.

Пауэрс приподнялся на локте, посмотрел на часы. Было чуть больше одиннадцати. На мгновение у него помутилось в голове, он спустил ноги с кровати и уселся на краю, упершись локтями в колени и массируя онемевшее лицо.

Он заметил, что комната полна дыма.

— Что вы здесь делаете? — спросил он у Калдрена.

— Я зашел пригласить вас на обед. — Калдрен махнул на стоявший у кровати телефон. — Ваша линия отключена, так что приехал лично. Надеюсь, вы не возражаете, что я пробрался в дом. Я битых полчаса звонил в дверь. Удивительно, что вы не услышали.

Пауэрс кивнул, потом встал и попытался разгладить складки на своих хлопковых брюках. Уже больше недели он ложился спать, не раздеваясь, и они были влажными и несвежими.

Когда он направился в ванную, Калдрен ткнул пальцем в камеру, стоявшую на штативе с другой стороны кровати:

— А это что? Решили податься в порноиндустрию, доктор?

Пауэрс, не отвечая, уставился на него тусклыми глазами, перевел взгляд на штатив, а потом заметил на прикроватной тумбочке открытый дневник. Гадая, не прочитал ли Калдрен последние записи, он вернулся, взял тетрадь, а потом зашел в ванную и закрыл за собой дверь.

В ванной Пауэрс достал из зеркального шкафчика шприц и ампулу, сделал себе укол и прислонился к двери, ожидая, когда подействует стимулятор.

Вернувшись, он застал Калдрена в гостиной — читающим ярлыки на ящиках в центре комнаты.

— Что ж, согласен, — сказал ему Пауэрс. — Я пообедаю с вами.

Он внимательно осмотрел Калдрена. Тот выглядел спокойнее обычного; в его поведении даже проглядывало что-то похожее на почтение.

— Хорошо, — отозвался Калдрен. — Кстати говоря, вы что, уезжаете?

— А это имеет значение? — резко спросил Пауэрс. — Мне казалось, ваш лечащий врач — Андерсон?

Калдрен пожал плечами.

— Как пожелаете. Приезжайте к двенадцати, — предложил он и ядовито добавил: — Так у вас будет время привести себя в порядок и переодеться. В чем это у вас рубашка? Похоже на известь.

Пауэрс опустил взгляд, попытался стряхнуть белые потеки. Когда Калдрен ушел, он выбросил одежду, принял душ и достал из чемодана чистый костюм.

До начала своей связи с Комой Калдрен жил один в старом абстрактного вида летнем доме на северном берегу озера. Это была семиэтажная причуда, построенная эксцентричным миллионером-математиком в виде закручивающейся спиралью бетонной ленты, которая обвивала саму себя, подобно безумной змее, создавая стены, полы и потолки. Только Калдрен разгадал загадку здания, геометрической модели $\sqrt[]\'7b- 1\'7d$, и смог снять его за относительно низкую арендную плату. Вечерами Пауэрс часто видел в окно лаборатории, как он без устали переходит с одного этажа на другой, размеренным шагом преодолевая лабиринт подъемов и галерей, чтобы выйти на крышу, где его худая угловатая фигура вырисовывалась на фоне неба точно виселица, а одинокие глаза отыскивали незримые тропинки для завтрашней радиоохоты.

В полдень, когда Пауэрс подъехал к его дому, Калдрен стоял там же, на карнизе в ста пятидесяти футах от земли, театрально подняв лицо к небу.

— Калдрен! — неожиданно завопил Пауэрс в царившей тишине, отчасти надеясь, что тот испугается и потеряет равновесие.

Калдрен вынырнул из забытья и посмотрел вниз, на дворик. Туманно улыбнулся и махнул рукой, описав медленный полукруг.

— Поднимайтесь! — крикнул он и вновь обратил взгляд к небу.

Пауэрс прислонился к машине. Однажды, несколько месяцев назад, он принял такое же приглашение, вошел в дом и уже через три минуты безнадежно заблудился и забрел в тупик на втором этаже. Калдрен нашел его только через полчаса.

Пауэрс дождался, пока Калдрен покинет свое гнездо и бегом спустится по лестницам, а потом поднялся с ним в лифте на мансардный этаж.

Они с коктейлями в руках вошли в просторную студию со стеклянной крышей; огромная лента белого бетона разматывалась вокруг них, точно зубная паста, выдавленная из великанского тюбика. На ступенчатых уровнях, шедших па-

раллельно их пути или пересекавших его, стояла серая абстрактная мебель, наклонные панели с гигантскими фотографиями, низкие столики с тщательно промаркированными экспонатами, и над всем этим доминировали двадцатифутовые черные буквы на дальней стене, одно-единственное грандиозное слово:

ТЫ

Калдрен указал на него:

— Назовем это супралиминальным[45] подходом. — Он заговорщицким жестом пригласил Пауэрса подойти ближе и осушил свой бокал одним глотком. — Это моя лаборатория, доктор, — сказал он с оттенком гордости. — Она куда более значима, чем ваша, уж поверьте мне.

Пауэрс криво усмехнулся и взглянул на первый экспонат — старую ленту ЭКГ, исчерченную выцветшими чернильными кривыми. Подпись гласила: *Эйнштейн А. Альфа-волны. 1922*.

Он следовал за Калдреном, медленно попивая коктейль и наслаждаясь недолговечной амфетаминовой бодростью. Через два часа она иссякнет,

---

[45] Сноски: 45

Супралиминальный — в психологии: сознательный, осознанный. В противоположность *сублиминальному* — неосознанному. — *Прим. ред.*

и его мозг превратится в стопку промокашек.

Калдрен непрерывно болтал, объясняя важность своих так называемых терминальных документов.

— Это последние оттиски, итоговые комментарии, продукты окончательного распада. Когда я соберу достаточно, я построю из них для себя новый мир. — Он взял с одного из столиков толстую книгу в бумажной обложке, перелистал ее страницы. — Ассоциативные тесты двенадцати приговоренных к казни в Нюрнберге. Их обязательно нужно включить…

Пауэрс рассеянно пошел дальше, не слушая его. В углу стояли три похожие на тикерные аппараты[46] машины, из пастей у них свисали ленты. Он задумался, не настолько ли Калдрен наивен, чтобы играть на бирже; рынок акций вот уже двадцать лет как постепенно умирал.

— Пауэрс, — донесся до него голос Калдрена. — Мы с вами обсуждали Семерку с «Меркурия». — Он указал на коллекцию распечаток, приколотых к доске. — Вот стенограммы их последних передач,

---

[46] Сноски: 46

Тикерный аппарат — аппарат для передачи телеграфным либо телексным способом текущих котировок акций. Телеграфные сокращения названий компаний в котировках именуются тикерами — от названия специализированного телеграфа. — *Прим. ред.*

пересланных записывающими устройствами.

Пауэрс пробежался взглядом по листкам, прочитал случайную строчку:

«…Синие… Люди… Рециркуляция… Орион… Дальномеры…»

Он отсутствующе кивнул.

— Интересно. А что это за тикерные ленты там в углу?

Калдрен усмехнулся.

— Я уже несколько месяцев жду, когда вы об этом спросите. Взгляните.

Пауэрс подошел к аппаратам и взял одну из лент. На машине было написано: «Возничий 225-G. Интервал: 69 часов».

Ленту покрывали цифры:

96 688 365 498 695
96 688 365 498 694
96 688 365 498 693
96 688 365 498 692

Пауэрс отпустил ее.

— Выглядит очень знакомо. Что означают эти числа?

Калдрен пожал плечами.

— Никто не знает.

— В смысле? Они должны что-то обозначать.

— Они и обозначают. Убывающую арифметическую последовательность. Обратный отсчет, если пожелаете.

Пауэрс взял правую ленту, подписанную «Овен 44R951. Интервал: 49 дней».

Эта последовательность выглядела так:

876 567 988 347 779 877 654 434
876 567 988 347 779 877 654 433
876 567 988 347 779 877 654 432

Пауэрс оглянулся.

— Какова продолжительность каждого сигнала?

— Всего несколько секунд. Разумеется, они очень сильно сжаты. Их расшифровывает компьютер в обсерватории. Впервые их поймали в Джодрелл-Бэнк лет двадцать назад. Сейчас никто уже не тратит время на то, чтобы их слушать.

Пауэрс повернулся к последней ленте.

6 554
6 553
6 552
6 551

— Финал близок, — прокомментировал он. По-

том прочитал ярлык на машине: «Неопознанный источник, Гончие Псы. Интервал: 97 недель».

Он показал ленту Калдрену.

— Скоро закончится.

Тот покачал головой. Взял со стола тяжелый, как словарь, том, побаюкал на руках. Лицо его внезапно сделалось мрачным и испуганным.

— Сомневаюсь, — сказал он. — Это лишь последние четыре цифры. А в числе их больше пятидесяти миллионов.

Он вручил книгу Пауэрсу, и тот открыл ее на титульном листе. «Полная последовательность повторяющегося сигнала, полученного радиообсерваторией Джодрелл-Бэнк Манчестерского университета, Англия, в 0012:59 21-5-72. Источник: NGC 9743, созвездие Гончих Псов». Он проглядел толстый блок испещренных мелким шрифтом листов — как и говорил Калдрен, тысяча страниц была сверху донизу заполнена миллионами цифр.

Пауэрс покачал головой, снова поднял ленту и задумчиво уставился на нее.

— Компьютер расшифровывает только последние четыре цифры, — объяснил Калдрен. — Каждый пятнадцатисекундный сигнал содержит всю последовательность целиком, но на полное

декодирование одного из них у IBM ушло больше двух лет.

— Потрясающе, — прокомментировал Пауэрс. — Но что это?

— Обратный отсчет, как видите. Транслируемый из галактики NGC 9743 где-то в созвездии Гончих Псов. Большие спирали там, наверху, распадаются, и они прощаются с нами. Бог знает, за кого они нас принимают, но все равно держат в курсе, транслируют сигнал по водородной линии, чтобы его услышали по всей Вселенной. — Калдрен помолчал. — Были и другие интерпретации, но есть одно доказательство, которое опровергает все прочие теории.

— Какое же?

Калдрен указал на ленту сигнала из созвездия Гончих Псов.

— Очень простое: согласно приблизительным оценкам, Вселенная погибнет как раз в тот момент, когда этот отсчет достигнет нуля.

Пауэрс задумчиво потеребил ленту.

— Весьма заботливо с их стороны сообщить нам, какое сейчас на самом деле время, — заметил он.

— Действительно, — тихо сказал Калдрен. — Согласно закону обратных квадратов, мощность

источника этого сигнала составляет около трех миллионов в сотой степени мегаватт. Он размером со всю Местную группу[47]. *Заботливо* — самое подходящее слово.

Неожиданно он схватил Пауэрса за руку, крепко стиснул ее и почти в упор посмотрел ему в глаза; голос Калдрена дрожал от эмоций.

— Вы не один, Пауэрс, не думайте, что это так. Это голоса времени, и все они прощаются с вами. Представьте себя в общем контексте. Каждая частица в вашем теле, каждая песчинка, каждая галактика отмечены одной и той же сигнатурой. Вы сами сказали, что знаете, какое сейчас время, так что вам до всего остального? Больше не нужно смотреть на часы.

Пауэрс крепко пожал ему руку.

— Спасибо, Калдрен. Я рад, что вы понимаете. — Он подошел к окну взглянуть на белое озеро. Напряжение, царившее между ним и Калдреном, рассеялось; Пауэрс чувствовал, что наконец-то выполнил все свои обязательства перед ним. Теперь ему хотелось побыстрее уйти, забыть Калдрена так же, как он забыл лица бессчетного

[47] Сноски: 47

Местная группа (Местная группа галактик) — группа галактик, содержащая Млечный Путь и еще более сотни галактик. Ее размер составляет 2–3 мегапарсека. — *Прим. ред.*

количества прочих пациентов, чьих обнаженных мозгов касались его пальцы.

Он вернулся к тикерным аппаратам, вырвал ленты из слотов и распихал их по карманам.

— Я возьму их, чтобы не забывать. Попрощайтесь за меня с Комой, пожалуйста.

Он направился к двери, а подойдя к ней, оглянулся — Калдрен стоял в тени двух гигантских букв на дальней стене, отрешенно глядя себе под ноги.

Уезжая, Пауэрс заметил Калдрена на крыше и смотрел в зеркало заднего вида, как тот медленно машет ему вслед, пока дом не скрылся за поворотом.

V

Внешний круг был уже почти готов. Не хватало небольшого куска — дуги примерно десять футов длиной, — но, не считая этого, низкая шестидюймовая стена, окружавшая мишень и заключавшая в себе гигантский ребус, была непрерывной. Три концентрических круга — самый большой диаметром в сотню ярдов, — разделенные десятифутовыми промежутками, образовывали край узора, разбитый на четыре сегмента лучами огромного креста, расходившимися от середины, где была построена маленькая круглая платформа в фут высотой.

Пауэрс работал быстро: засыпал в мешалку песок и цемент, лил туда воду, пока не получалась грубая паста, а потом относил смесь к деревянным формам и выливал ее в узкий канал.

Через десять минут он закончил, быстро разобрал опалубку еще до того, как раствор успел застыть, и забросил доски на заднее сиденье машины. Вытирая ладони о штаны, он подошел к мешалке и вручную откатил ее на пятьдесят футов от круга, в длинные тени окружающих холмов.

Даже не остановившись, чтобы оглядеть гигантский символ, над которым терпеливо работал столько дней, Пауэрс сел в машину и уехал, поднимая за собой клубы белой, как кость, пыли и рассекая надвое озера фиолетовых теней.

Он подъехал к лаборатории в три часа и выпрыгнул из машины, пока та еще не успела остановиться. Внутри он первым делом включил свет, а потом оббежал все помещение, опуская солнцезащитные экраны и закрепляя их в отверстиях на полу — по сути, превращая купол в стальной шатер.

За его спиной тихо шевелились в своих аквариумах и клетках растения и животные, реагируя на неожиданный прилив холодного люминесцентного света. Игнорировал Пауэрса только шимпанзе. Он сидел на полу своей клетки, невротично запихивая детали головоломки в пластмассовое ведерко и взрываясь приступами внезапной ярости, когда они отказывались туда помещаться.

Пауэрс подошел к нему и заметил, что из помятого шлема торчат осколки армирующего стеклопластика. Шимпанзе уже успел в кровь разбить себе лицо и лоб. Пауэрс подобрал останки герани, выброшенной за прутья клетки, привлек

с ее помощью внимание шимпанзе и кинул ему черную таблетку, извлеченную из пузырька в ящике стола. Шимпанзе схватил ее быстрым движением, несколько секунд пожонглировал ею вместе с парочкой деталей, не отводя взгляда от ведерка, а потом выхватил таблетку из воздуха и проглотил.

Не тратя времени, Пауэрс снял куртку и направился к рентгеновскому столу. Раздвинув высокие двери, он открыл длинное зеркальное металлическое рыло «Макситрона» и начал расставлять свинцовые экраны вдоль дальней стены.

Через несколько минут с гудением пробудился к жизни генератор.

Актиния встрепенулась. Купаясь в теплом сублиминальном море нарастающей вокруг радиации, подстегнутая бесчисленными океаническими воспоминаниями, она осторожно потянулась через аквариум, слепо нашаривая тусклое маточное солнце. Ее щупальца изгибались, тысячи дремлющих в их кончиках нейронов перестраивались и делились, и каждый пускал в дело высвобожденную энергию своего ядра. Выковывались цепи, решетки складывались в фасеточные линзы, которые медленно фокусиро-

вались на ярких спектральных очертаниях звуков, танцевавших, точно фосфоресцирующие волны, в темной полости купола.

Постепенно возникло изображение — огромный черный фонтан, изливающий бесконечную струю сияющего света на круг лабораторных столов и аквариумов. Рядом с ним двигалась фигура, регулировавшая хлещущий из жерла поток. Ее переступающие ноги выбивали из пола яркие вспышки цвета, ее руки, скользя по столам, рождали завораживающую светотень, шары синего и фиолетового света, моментально взрывающиеся во тьме, точно миниатюрные снаряды-звезды.

Фотоны шептали. Созерцая мерцающий вокруг нее занавес звуков, актиния продолжала непрерывно расти. Ее ганглии соединялись, повинуясь новому источнику стимулов — тонким диафрагмам в верхней части хорды. Молчаливые очертания лаборатории начинали исходить тихим эхом; волны приглушенных звуков обрушивались с дуговых ламп и отражались от стоявших внизу лабораторных столов и прочей мебели. Запечатленные в звуке, их угловатые формы отдавались резкими навязчивыми обертонами. Пластмассовые стулья были дисгармоничным жужжащим стаккато, квадратный письменный

стол — непрерывной сдвоенной нотой.

Восприняв эти звуки и забыв о них, актиния обратила свое внимание к потолку, вибрирующему, будто щит, от гудения, бесконечно льющегося из люминесцентных трубок. Там сквозь узкий люк, чистая и сильная, пронизанная бесчисленными обертонами, звучала песня солнца…

До рассвета оставалось всего несколько минут, когда Пауэрс покинул лабораторию и сел в машину. Оставшийся позади большой купол молчал в темноте; на его поверхность падали зыбкие тени залитых лунным светом белых холмов. Не включая мотора, Пауэрс повел машину по долгому извилистому спуску к озеру, слушая, как шуршат по синему гравию шины, а потом отпустил сцепление и нажал на газ.

Проезжая мимо полускрытых тьмой холмов по левую сторону от дороги, Пауэрс постепенно осознал, что, хоть он больше на них не смотрит, его подсознание каким-то таинственным образом все-таки воспринимает их очертания и формы. Ощущение было смутным, но явственным — странная почти визуальная эманация, особенно заметно исходившая от глубоких впадин и ложбин, что отделяли один склон от другого. Пауэрс позволил необычному чувству на несколько

минут овладеть собой и даже не пытался его опознать; сквозь его мозг проплывали десятки странных образов.

Дорога обогнула группу построенных на берегу озера коттеджей, уводя машину под сень холмов, и Пауэрс внезапно ощутил колоссальную тяжесть крутого склона, поднимавшегося к небесам, точно стена из светящегося мела, и понял природу чувства, успевшего охватить весь его разум. Он не просто видел склон, но ощущал его огромный возраст, ясно чувствовал все бесчисленные миллионы лет, прошедшие с тех пор, как тот впервые вознесся из магмы под земной корой. Неровные вершины в трех сотнях футов над головой, темные впадины и трещины, гладкие булыжники у дороги и у подножья холмов — все они направляли к нему свои отчетливые образы; тысячи голосов, в которых содержалось все время существования этой земли, создавали незримую картину, столь же детализированную и ясную, как и то, что представало непосредственно перед его глазами.

Пауэрс невольно замедлил ход машины и, отвернувшись от склона холма, ощутил, как навстречу первой волне времени поднимается вторая. Эта картина была шире, но не с такой

глубокой перспективой, и исходила от широкого круга соляного озера, разбиваясь о древние известняковые утесы, как мелкие барашки о крутой мыс.

Закрыв глаза, Пауэрс откинулся на спинку сиденья и повел машину между двумя временны́ми фронтами, чувствуя, как образы сгущаются и крепнут у него в голове. Невероятный возраст земли, неслышный хор голосов, исходивших от озера и от белых холмов, словно уносили его назад во времени, по бесконечным коридорам к первым шагам мира.

Он свернул на дорогу, ведущую к полигону. Вздымавшиеся по обе стороны отвесные склоны излучали и отражали грандиозные и непостижимые временны́е поля, будто два огромных магнита с противоположной полярностью. Когда Пауэрс наконец выехал на ровную поверхность озера, ему показалось, что он ощущает каждую отдельную песчинку, каждый соляной кристалл, взывающие к нему из окружающего кольца холмов.

Он остановил машину рядом с мандалой и медленно подошел к внешнему бетонному кольцу, уходящему в тень. Над собой он слышал звезды, миллион космических голосов, заполнявших

небо от горизонта до горизонта, — истинный полог времени. Подобно соревнующимся радиомаякам они метали свои пересекающиеся под бессчетными углами лучи из самых дальних уголков космоса. Пауэрс видел тускло-красный диск Сириуса, слышал его древний голос, существовавший невообразимые миллионы лет, — но его затмевала огромная спиральная туманность Андромеды, гигантская карусель исчезнувших вселенных, чьи голоса были почти так же стары, как сам космос. Небо казалось Пауэрсу бесконечным столпотворением, временны́е песни тысячи галактик наслаивались друг на друга в его сознании. Медленно продвигаясь к центру мандалы, он задрал голову к искрящейся полосе Млечного Пути, вглядываясь в хаос перекрикивающих друг друга туманностей и созвездий.

Ступив во внутренний круг мандалы в нескольких ярдах от центральной платформы, он осознал, что шум начинает стихать, что один-единственный сильный голос заглушает все остальные. Пауэрс взобрался на платформу, поднял глаза к темному небу, глядя через созвездия на островки еще более далеких галактик, слыша тонкие допотопные голоса, говорящие с ним через тысячелетия. Он нащупал в карманах бумажные

ленты, повернулся, отыскивая далекую диадему Гончих Псов, и услышал, как могучий голос созвездия нарастает у него в голове.

Словно бесконечная река, такая широкая, что берега ее скрывались за горизонтом, он стремился к Пауэрсу, этот необъятный поток времени, разлившийся так широко, что заполнил собой небо и Вселенную, затопил все, что в них содержалось. Он был медленным, величественный ход его был почти незаметен, и Пауэрс знал, что исток его — это исток самого космоса. Когда время настигло Пауэрса, тот ощутил его непреодолимое магнетическое притяжение, позволил ему подхватить себя, бережно унести на своей мощной спине. Поток тихо укачивал его, и он медленно поворачивался по направлению течения. Окружавшие его очертания холмов и озера стерлись, но мандала, точно космические часы, так и висела у него перед глазами, освещая широкую поверхность потока. Не отрывая от нее взгляда, он чувствовал, как плоть его постепенно растворяется, как его физическое тело сливается с бескрайней непрерывностью течения, увлекающего его к центру великого канала, дальше и дальше, прочь от надежды к покою по ширящимся извивам реки вечности.

Тени уже выцветали, втягиваясь в склоны холмов, когда Калдрен вышел из машины и неуверенно приблизился к бетонному краю внешнего кольца. В пятидесяти ярдах от него, в центре, Кома стояла на коленях рядом с телом Пауэрса, прижимая к его лицу свои маленькие ладони. Порыв ветра потревожил песок и, высвободив кусок ленты, принес его к ногам Калдрена. Тот наклонился, подобрал ленту, осторожно скатал и положил в карман. Утренний воздух был холодным, и Калдрен поднял воротник куртки, бесстрастно наблюдая за Комой.

— Уже шесть часов, — сказал он через несколько минут. — Я поеду и вызову полицию. А ты оставайся с ним. — Он помолчал и добавил: — Не позволяй им сломать часы.

Кома повернулась к нему.

— А ты разве не вернешься?

— Не знаю. — Калдрен кивнул ей, развернулся на каблуках и направился к машине.

Он выехал на огибавшую озеро дорогу и пятью минутами позже припарковался на подъездной дорожке лаборатории Уитби.

Купол утопал во тьме, все окна были закрыты, но генератор рентгеновского аппарата все еще гудел. Калдрен вошел и включил свет. Подойдя к

аппарату, он коснулся решеток генератора, ощупал теплую бериллиевую трубку выходного окна. Круглый стол медленно вращался, делая один оборот в минуту; на нем было поспешно закреплено стальное смирительное кресло. В нескольких футах от стола полукругом стояло большинство клеток и аквариумов, кое-как нагроможденных друг на друга. Какой-то кальмароподобный цветок почти сумел выбраться на волю. Его длинные полупрозрачные щупальца еще цеплялись за края аквариума, но тело лопнуло и растеклось студенистой лужицей глобулярной слизи. В другой клетке большой паук стал пленником собственной сети и беспомощно висел в центре огромного трехмерного лабиринта из фосфоресцирующих нитей, судорожно подергиваясь.

Все экспериментальные растения и животные погибли. Шимпанзе лежал на спине среди обломков своей будки; шлем съехал ему на глаза. Калдрен посмотрел на него, а потом присел на стол и снял трубку телефона.

Набирая номер, он заметил лежащую на промокашке кинопленку. Внимательно изучив надпись на наклейке, он спрятал ее в тот же карман, где уже лежала бумажная лента.

Поговорив с полицией, Калдрен выключил

свет, вышел к машине и медленно выехал на дорогу.

Когда он достиг летнего дома, свет раннего солнца разбивался о змею балконов и террас. Калдрен поднялся на лифте на мансардный этаж и вошел в свой музей. Открыл все ставни, чтобы свет мог играть на экспонатах, а потом пододвинул кресло к боковому окну, сел и стал смотреть на льющиеся в комнату лучи.

Два или три часа спустя он услышал, как снаружи его зовет Кома. Через полчаса она ушла, но чуть погодя появился второй голос, пытающийся докричаться до Калдрена. Он встал с кресла и закрыл ставни всех окон, выходящих на передний двор. В конце концов его оставили в покое.

Калдрен вернулся в кресло и тихо откинулся на спинку, глядя поверх экспонатов. Погрузившись в полусон, время от времени он приподнимался, чтобы отрегулировать поток света, льющийся через ставни, думая, как ему предстояло думать все грядущие месяцы, о Пауэрсе с его странной мандалой, а еще — о семерке космонавтов, об их путешествии к белым садам Луны и о синих людях, которые прилетели из созвездия Ориона и стихами рассказывали им о прекрасных древних мирах под золотыми солнцами островов-галак-

тик, навсегда потерянных теперь среди мириад смертей космоса.